ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 13-14

№ 13-14

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1 9 3 4

Литература о войне

XII пленум ИККИ (стенографический отчет). М. Партиздат, 1933, т. I 204 стр., т. II 261 стр., т. III 178 стр.

XIII пленум ИККИ (стенографический отчет). Партиздат, 1934, 597 стр.

Аварин В. Империализм в Манчжурии, т. II. Л. Гос. Соц. Эк. Из., 1934, 560 стр.

Александров А. П. Военно-морские силы капиталистических государств. Л. Картотип. Гидрограф. упр., 1934, 40 стр.

Александров А. И. Операции подзодных лодок, т. I. Л. Воен. Морск. Академ. РККА, 1933, 486 стр.

Асин М. Вооруженные силы Японии. Справочник. Под. ред. и с предисл. Н. Петрова. М. Гос. Воен. изд., 1934, 222 стр.

Бастико Г. Будущая война. Сокр. пор. III т. труда. Эволюция военного искусства. Пер. с ит. Файвуш. С пред. Фельдмана. М. Гос. Воен. изд., 1934, 151 стр.

Брухмюллер Г. Артиллерия при наступлении в позиционной войне. Пер. с немецк. Ю. Шейдемана. Москва, Гос. Воен изд., 1933, 184 стр.

Бошкович Б. Перед новым взрывом на Балканах. М. Партиздат, 1934, 102 стр.

Бузенов Д. Войсковая авиация. С пред. члена РВС СССР нач. Воен.-возд. сил РККА Алксниса. Изд. 2-е, Москва. Гос. Воен. изд., 1932, 82 стр.

Варфоломеев Н. Г. Ударная армия 1918 г. на Зап. фронте мировой империалистической войны. Москва. Гос. Воен. изд., 1933, 203 стр.
Германское наступление (21 марта — 4 авг.).

Военная опасность и задачи Коминтерна (заключительные работы XI пленума ИККИ). М. Л. Соцэкгиз, вып. II, 1931, 255 стр.

Виноградов Н. Современные средства артиллерийской борьбы с воздушным флотом. М. Госвоен. изд., 1933, 145 стр.

Волков И. Подрывные средства при устройстве заграждений. М. Гос. Воен. изд., 1933, 100 стр.

Вотье. Воздушная опасность и будущее страны. Перев. с французского. М. Гос. Воен. изд., 1933.

Гайер А. Германские подводные лодки в войну 1914 — 1918. Под ред. и с предис. А. П. Александрова. Л. Ред.-изд. сектор УВМС РККА, 1933, 184 стр.

Гельдерс. Воздушная война. 1936 г. Разрушение Парижа. Пер. с нем. Зеленяной. Под ред. Ляшуновского. М. Гос. Воен. изд., 1932, 112 стр.

Горшенин И. Манчжурия и угроза японо-американской войны. М. Партиздат, 1933, 167 стр.

Горький М. Против империалистской войны и интервенции. Сб. избр. статей. М. Гос. Воен. изд., 1932, 87 стр.

Гришин П. П. Война и революция. Сб. по Марксу, Энгельсу, Ленину и мат. Коминтерна. Л. ВПАТ, 1932, 357 стр.

Дмитриев Б. Буржуазия о новой войне, М. Партиздат, 1932, 55 стр.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918 гг., изд. 2-е. М. Огиз, 1931, 455 стр.

Зиновьев Г. Учение Маркса и Ленина о войне. М. Л. Огиз, 1931, 338 стр.

Зиновьев А. И. Морская тактика. Вып. I. М. Воен-Возд. Акад. РККА, 1934, 181 стр.

Иванов Л. Н. Англо-американское морское соперничество. М. Партиздат, 1933, 319 стр.

Изабелов. Милитаризация японской школы. М. Мол. гвардия, 1934, 88 стр.

Институт миров. хоз. и МП. Репарационный вопрос и военные долги. Под ред. А. Ерусалимского и Л. Иванова. Москва. Партиздат, 1933.

Институт миров. хоз. и МП. Подготовка второго тура империалистических войн. Сб. под. ред. тт. Бухарцева, Никонова, Фельдмана и Хмельницкой. М. Партиздат, 1934, 222(16) стр.

Институт миров. хоз. и МП. Кризис, фашизм, угроза войны. Материалы сессии Инст. МХ и МП. М. Партиздат, 1933, 254 стр.

Институт миров. хоз. и МП. Социал-фашизм — организатор интервенции. Под ред. Е. Варга, Бела Кун и С. Гопнер. Москва, Партиздат, 1932, 108 стр.

Институт миров. хоз. и МП. «Разоружение» — подготовка войны. Доклад и выступления в Инст. ИМХ и МП. Под ред. Бухарцева Д., Е. Варга и П. Лапинского. М. Партиздат, 1932, 217 стр.

Институт миров. хоз. и МП. Общий кризис капитализма. Сб. статей под ред. Варга. М. Партиздат, 1933, стр. 5—28.

Институт истории. Ленингр. Революционное движение в капиталистических странах во время и после мировой войны. Л. Ленпартиздат, 1933.

(Продолжение см. на 3-й стр.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-16. Кремль 3-99

№ 13-14 31 июля 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 20-летию мировой империалистической войны

В двадцатую годовщину мировой войны, которая представляет собой поворотный пункт в истории человечества, не приходится уже доказывать, что эта война не была только историческим эпизодом, а была результатом глубочайших противоречий, созданных капитализмом и углубленных монополистической фазой его развития. Простой факт, что империалистический мир ныне стоит перед растущей опасностью новой мировой войны, говорит о глубоких причинах, вызвавших войну 1914 — 1918 гг.

Мировая война 1914 — 1918 гг. родилась в борьбе старой колониальной и империалистской Британии с молодой, полной сил и задора, капиталистической Германией, которая, явившись поздно на империалистскую арену, должна была поставить вопрос о переделе мира. Это противоречие стало решающим потому, что Соединенные штаты Америки еще не были главным конкурентом Англии. США были далеко, они только начали развивать экспорт капитала, создавать флот; Германия, будучи близким соседом Англии, бешеным темпом увеличивала свои вооружения и создавала флот, способный уничтожить английские позиции.

Географическое расположение Германии в центре Европы позволяло ей протягивать руки не только на запад, но и на восток, и юго-восток, угрожая подчинением себе не только Австро-Венгрии, Бал-

канских стран и Турции, но и российского царизма—«колосса на глиняных ногах». Предвоенная империалистская Германия угрожала таким образом созданием величайшей империи, способной оспаривать все колониальное могущество Англии. Германская опасность превысила тогда в глазах Англии англо-русские и англо-французские противоречия. Разбитый на Дальнем Востоке царизм в своем стремлении подчинить себе Турцию и Балканы тоже наталкивался на Германию. Франция видела опасность потери восточного союзника под давлением Германии и опасность того, что Германия подчинит себе Бельгию, окружив ее с севера. К тому же во Франции жили надежды на реванш за 1870—1871 г.

Так родилась мировая война 1914—1918 гг., вызванная стремлением молодого германского империализма к переделу мира и защитой status quo со стороны старых империалистских держав. Об эти простые факты разбивается вправ социал-патриотическая легенда о Германии, будто бы в мировой войне защищавшей свои законные права. В действительности Германия защищала свои права на колониальный грабеж и эксплоатацию добавочных сотен миллионов угнетенных народных масс колоний. Но об эти факты разбивается и антантовская легенда о «справедливой» войне старых демократических держав против «германского милитаризма». Старые империалистские державы защищали старый грабеж, «освященный» несколькими десятилетиями истории. Обе стороны боролись за продление жизни прогнившей империалистской системы.

Заставив десятки миллионов людей сражаться за рабовладельческие интересы, мировой империализм пытался представить эту войну как «последнюю войну», которая создаст условия для прочного мира между народами, для под'ема благосостояния народных масс. Война уничтожила десятки миллионов людей на европейском континенте, разорила народные массы, до небывалых размеров усилила элементы реакции, присущие империализму.

Прошло двадцать лет. Капитализм не сумел создать условий для преодоления глубоких экономических потрясений, вызванных войной. Он не сумел вернуть то «нормальное» капиталистическое развитие, которое перед войной создавало в отсталых слоях народных масс представление о незыблемости капиталистического строя. В первый период после окончания войны капитализм и его прислужники социал-демократы успокаивали народные массы тем, что дело идет-де о залечивании ран, нанесенных войной, т. е. о временных последствиях войны. С момента так называемой стабилизации капитализма, т. е. с 1924 г., мировая буржуазия и ее прихлебатели успокаивали народные массы тем, что кризис капитализма уже кончился, что начался период нового и постоянного под'ема мирового капиталистического хозяйства.

27 июля 1928 г. американский президент Гувер заявил: «Современные перспективы мира — это перспективы величайшей в истории экономической экспансии». 11 августа того же года он заявил: «Мы в Америке сегодня ближе к окончательному триумфу над бедностью чем какая бы то ни была страна когда бы то ни было в истории. Лачуги бедняков исчезают. Мы еще не у цели, но на основе политики последних восьми лет мы с божьей помощью быстро приближаемся к тому дню, когда исчезнет бедность». Вождь английской «рабочей» партии Сноуден писал о новой эре развития электрической и химической промышленности, которая даст капиталистической системе «новый долгий период могущественного развития» («Дейли геральд» от

17 апреля 1926 г.). То же пели и все другие представители II интернационала.

Теперь британское правительство, правительство самой крупной капиталистической державы Европы, заявляет в своей ноте, обращенной к США по вопросу о долгах, что «стабилизация оказалась фальшивой и иллюзорной стабилизацией», что «процветание в период с 1923 по 1929 г. было в значительной мере иллюзорным и посеяло семена будущих затруднений». Господин Ллойд-Джордж, в то время английский премьер, сделавший больше чем другие буржуазные политики для прославления мировой войны 1914—1918 гг. как «последней» войны, войны, которая, разрушая многое, построит «дома, достойные героев»,—теперь Ллойд-Джордж (в речи в Кэмбридже, апрель 1933 г.) был принужден сделать одно из самых важных признаний. «Если бы мы даже не имели великой войны, — сказал он, — если бы дела пошли обыкновенным ходом, мы бы все-таки—я в этом уверен—раньше или позже оказались бы в положении, напоминающем современный хаос. Повидимому, в современной экономической системе заложено что-то в основе неправильное, ибо богатство рождает бедность».

«Сова Минервы вылетает в сумерки», и в сумерках капитализма более дальновидные его представители начинают предчувствовать, что дело идет к концу. Ллойд-Джордж прав, говоря, что даже если бы капитализму удалось избежать войны 1914—1918 гг., то он все-таки неминуемо привел бы человечество к хаосу. Но к этому хаосу относится неминуемо и империалистская война, вооруженная свалка империалистских держав, борющихся за продление своей жизни. Английский либерал Кейнс, прославившийся во всем мире книгой против Версальского договора, свидетельствует в своей работе «Средства процветания», изданной в 1933 г.: «Циники... делают вывод, что ничто, кроме войны, не может вывести из такого кризиса». Американский финансовый журнал «Анналист» писал 17 марта 1933 г.: «Нельзя не признать, что налицо большая возможность европейской войны в ближайшем будущем. Взрыв войны 1914 г. спас нас от экономической депрессии. Было бы интересным повторение функций войны, если бы новая война принесла нам индустриальное спасение».

Таковы современные «мечты» вождей мировой финансовой олигархии.

Да, противоречия монополистического капитализма, родившие мировую войну 1914—1918 гг., не только не ослабели, но усилились в послевоенный период. Усилилась власть капиталистических монополий. Вместе с тем увеличились противоречия монополии в мировом масштабе. Мировая буржуазия в состоянии добиться лишь очень кратковременных соглашений в своей валютной, финансовой и экономической борьбе за господство над миром. После каждого такого соглашения происходит еще более острый взрыв противоречий. В результате валютного хаоса первых послевоенных лет руководящие империалистские державы заключили соглашение для спасения более слабых стран от пролетарской революции. Таково соглашение 1924—1925 г., когда Соединенные штаты, Великобритания, Голландия предоставили займы для спасения валют более слабых стран Европы, потрясенных революцией.

Мир переживает теперь войну всех против всех и на валютном рынке. Торговая политика представляет теперь поднимающиеся к небесам таможенные стены. Последняя держава, сохранявшая режим свободной торговли,—Великобритания, тоже перешла к протекционизму. Идет бешеная таможенная война, война не только при помощи высо-

ких тарифов, но и при помощи лицензий, квот. Всякая тонна товаров и всякая тысяча рублей ценностей, передвигаемые из одной страны в другую, являются предметом ожесточенной борьбы. Международный кредит как процесс передвижения капиталов из более богатых стран в отсталые почти прекратился. Остались только разбой, грабеж, поддержка империализмом наиболее реакционных, феодальных клик для создания оплота против восстающих народных масс. В клочки разорвано вашингтонское соглашение, от Версальского мира остались только территориальные решения.

Но вооружения побитых в 1918 г. держав и держав, не удовлетворенных Версальским миром, показывают, что и эти остатки Версальского мира находятся под знаком вопроса. Японский империализм, подстегиваемый приближающейся революцией, начал на Дальнем Востоке борьбу за свою гегемонию на азиатском континенте. В центре Европы германский фашизм подготовляет войну, заковывая рабочий класс в кандалы и бешено довооружаясь.

Ныне, в двадцатую годовщину первой мировой империалистской бойни, капиталистический мир содрогается до самых основ своих.

Тезис большевиков, тезис Ленина, гласящий, что только пролетарская революция может спасти мир от новой войны, подтвердился полностью. Но пролетарская революция победила пока только в одной стране: страна царизма стала страной победоносного пролетариата, стала страной строящегося социализма. Во всем остальном мире господствует еще капитализм. Поэтому угроза новой мировой войны тяжелой тучей нависла над человечеством. С мощной вышки пролетарское государство следит за приближающейся военной грозой. Борясь всеми силами против опасности войны, принимая все меры для защиты Страны советов, мы должны дать себе отчет, в чем разница обстановки, в которой может возникнуть ныне новая война, по сравнению с обстановкой 1914—1918 гг.

Если монополистический капитализм перед войной 1914—1918 гг. находился еще на поднимающейся кривой, если предвоенный империализм, представляя уже начало загнивания империалистской системы, скрывал его под непрерывным ростом промышленности и загнивание выражалось тогда в первую очередь в паразитизме, в отставании сельского хозяйства, в жесточайшей сверхэксплоатации трудящегося человечества в пользу маленькой группы рантье,—то теперь это загнивание стало центральной чертой развития империализма. Такой дани, какую теперь мир уплачивает паразитическим слоям рантье при одновременно растущей нужде и пауперизации народных масс, история никогда не знала. Загнивание империализма приняло ныне уже формы выключения из экономического развития целых стран, попросту приговоренных гнить на корню. В таком состоянии находятся весь юго-восток Европы и почти вся Азия (Япония — на особом положении). Империализм кричит о суживающихся рынках сбыта, но боится инвестировать в этих странах капитал, необходимый для их развития и эксплоатации. Загнивание сельского хозяйства во всех странах приняло ярчайший характер. Современная промышленная техника создала мощные средства индустриализации сельского хозяйства: трактор и комбайн, но капитализм не в состоянии реализовать назревшую промышленную революцию сельского хозяйства. Крестьянство не может купить средства производства, созданные промышленностью, не попадая в полную кабалу к финансовому капиталу. Но даже если бы оно пошло в эту кабалу, оно не может применять средства производства, несовместимые с карликовыми размерами крестьянского хозяйства. Это порождает деградацию сельского хозяйства во всех

капиталистических странах, пауперизацию крестьянства, бегство крестьян в город, где их не ждет ничего, кроме безработицы и нужды. В промышленности загнивание приняло размеры, которых не могли себе представить еще несколько лет назад даже люди, обладающие исключительной фантазией. В технике налицо сдвиги, приведшие к грани новой технической революции; но капитализм не в состоянии провести эту революцию в жизнь. Он не в состоянии осуществить переход к автоматической фабрике, хотя основы для этого созданы развитием электричества, ибо такой переход сделал бы ненужной основную массу пролетариата и привел бы к такому положению, когда восстание стало бы для этой массы просто физической необходимостью. Капитализм не в состоянии завершить победу синтетической химии, ибо он и без того погибает от избытка товаров при наличии нищеты народных масс. Капитализм настолько стал помехой развитию техники, что он отдает себе в этом ясный отчет, крича о «вреде» современной техники. Но в то же время капитализм не может и остановить этого развития, ибо если хоть одной группе капиталистов техника дает возможность нажиться за счет других групп, то эта группа отбрасывает все соображения общекапиталистического интереса и применяет необходимые технические усовершенствования. В период глубочайшего кризиса, выключившего во многих странах половину, а то и две трети производительных сил промышленности, руководящие капиталистические группы беспощадно проводили так называемую рационализацию, выбрасывая из производственной жизни не только миллионы рабочих, которые не найдут себе места в промышленности и в случае окончания кризиса, но выключали и целые отрасли промышленности, стоящие на уровне современной техники, оказавшиеся ненужными и долженствующие очистить рынки сбыта для своих конкурентов. Раньше капитализм искал выхода из кризиса за счет отсталых своих звеньев. Теперь он замораживает совершенно годные для жизни звенья только потому, что в жизни для них места нет.

В этом первое различие между нынешней обстановкой и обстановкой 20 лет назад.

Второе различие в обстановке состоит в том, что, вступая в мировую войну 1914—1918 гг., капитализм имел в тылу отсталые страны: Россию, Китай, Индию, представлявшие громадный экономический и человеческий резерв. Теперь нет больше царской России.

Есть Союз советских социалистических республик, который построил фундамент социализма, убедительно доказал пролетариату всего мира проведением в жизнь первой пятилетки преимущество социалистической системы. СССР во второй пятилетке достраивает здание социалистического общества, уничтожив основные эксплоататорские классы, промышленную, финансовую и торговую буржуазию, в основном ликвидировав как класс кулачество—главный политический резерв буржуазии и капитализма в пределах СССР. Пролетариат при помощи созданной им промышленности начал переделывать крестьянство в работников, строящих социализм на основе коллективизации. Таким образом глубочайшему загниванию капитализма противопоставляется рост социалистического общества на громадном пространстве государства, имеющего все материальные средства для этой постройки.

Третье различие состоит, таким образом, в том, что капиталистический мир, вступая в новую империалистскую войну, будет иметь в тылу могущественную державу — социалистическую Страну советов. Капиталистический мир не является уже единственно сущест-

вующим строем, по которому должен был равняться колониальный мир. Ему противостоит социалистический мир. Мало того: возникновение громадной пролетарской державы, опирающейся на громадную промышленность, ею созданную, на лучшую армию в мире, на десятки миллионов людей, об'единенных стремлением к бесклассовому обществу, вызывает в империалистских державах чувство глубочайшей тревоги. Это чувство толкает ряд империалистских держав на попытки уничтожения и расчленения СССР. Но так как капиталистические державы оказались неспособными придти к соглашению по какому бы то ни было крупному вопросу, то им трудненько добиться сделки насчет такого грандиозного «об'екта», как СССР, тем более, что СССР отнюдь не намерен быть «об'ектом» империалистской политики и всякому, кто попытается на него напасть, ответит всем своим могуществом.

Советский союз стал величайшей мировой силой, направленной против империализма. Этот факт путает все карты мирового империализма.

Четвертое различие обстановки состоит в том, что пролетарская революция, победившая пока что только в СССР, подорвала веру народных масс всего мира в капитализм как единственно возможный общественный порядок. Можно с уверенностью сказать, что немного осталось теперь промышленных рабочих, которые верят в капитализм. Для тех рабочих, которые не стали еще под знамя пролетарской революции, характерно не столько доверие к капитализму, сколько неверие в собственные силы, недоверие к возможности победы над капитализмом, боязнь тяжелых жертв, связанных с пролетарской революцией. Эти отсталые массы, руководимые шарлатанами из II интернационала, углубляющими их неверие в собственные силы, проповедующими им политику примирения с судьбой, политику «меньшего зла», не являются уже достаточно массовой базой, могущей выдержать испытание военных потрясений. В мировую войну основной морально-политической силой, которая позволила международной буржуазии выдержать это испытание и избегнуть пролетарской революции, была вера народных масс в то, что после войны наступит период долгого мира, период роста демократии и социальных реформ. Проводниками этой веры в рабочие массы были социал-демократические профсоюзы и II интернационал, являвшийся тогда единственно признанной организацией рабочего класса. II интернационал спас после войны мировую буржуазию от опасности победы пролетарской революции. II интернационал еще не исчез и теперь, но в целом ряде стран он разбит наголову, ибо народные массы разуверились в его программе и стали покидать его ряды. Возникновение таких массовых коммунистических партий, как германская и польская, является лучшим доказательством этого. Какими бы преследованиями ни обрушивался империализм на компартии, он может только на время скрыть тот факт, что компартии подходят уже к завоеванию большинства рабочего класса. Но капитализм не может этого факта уничтожить. В других странах партии II интернационала, еще ведущие за собой большинство рабочего класса, уже не в состоянии внушить им доверие к своему пути. Во Франции, в Англии они представляют по существу «новые» либеральные мелкобуржуазные партии в период банкротства старых либеральных партий. Не имея творческой программы, они не в состоянии выдержать серьезных политических потрясений. Во всех этих странах коммунистические партии, разные по своим размерам, по радиусу своего действия, являются массовыми организациями, которые при больших исторических потрясениях ста-

нут стержнем революционного движения пролетариата. Капиталистический мир колеблется между переоценкой уже достигнутой Коминтерном силы, делая Коминтерн ответственным за все и всякие революционные события в мире, и между недооценкой этой силы. Правда же состоит в том, что Коммунистический интернационал является ныне не только штабом мировой революции, но во многих странах его кадры уже представляют могучую армию мировой революции.

Пятое различие состоит в том, что в период мировой войны в колониальных странах налицо было только начало национально-реформистского движения, стремившегося к завоеванию условий для сотрудничества с мировой буржуазией. Национал-реформизм после войны отцвел, не успев расцвесть. Политика империализма превратила национал-реформистское движение в движение реакционное, представляющее блок империализма и паразитических слоев колоний. Но этим национал-реформизм ускорил вызревание рабоче-крестьянской революции в колониальных странах и возглавление ее коммунистическими партиями. Этот процесс достиг в разных странах разной степени зрелости. В то время как в Индии только кристаллизируются и об'единяются элементы массовой коммунистической партии, в Китае, прошедшем через неизбежную фазу блока с национал-реформистской буржуазией, прошедшем через горнило испытаний в период предательства Гоминдана, коммунистическая партия стала массовой партией. Она ведет за собой рабочих и крестьян значительной части Китая, она создала советские районы, возглавляет китайскую красную армию. Колониальные страны перестали быть верным резервом империализма.

Шестое различие в обстановке — это банкротство буржуазной демократии во всей Восточной, Юговосточной и Центральной Европе, победа фашизма в этих странах, нарастание фашистских тенденций во всех капиталистических странах. Этот факт вырывает из рук мировой буржуазии могучее орудие воздействия на народные массы. Надежды наиболее реакционных кругов мировой буржуазии на то, что фашизм не только усилит ее средства нажима на народные массы, но и поможет буржуазии взамен обанкротившихся социал-демократических иллюзий посеять в массах новые, непроверенные еще фашистские иллюзии,— эта надежда уже подорвана историческим развитием. Все следящие за развитием положения в Италии видят, что фашизму не удалось завоевать рабочий класс и трудящееся крестьянство. В Германии события 30 июня 1934 г. показали, что при остроте классовых противоречий фашизм после 17 месяцев пребывания у власти принужден сам начать разрушение своей массовой мелкобуржуазной базы.

Новая мировая война неминуемо вооружит народные массы. Все мечты фашистов о том, что им удастся создать «малые армии», вооруженные всеми чудесами современной техники, состоящие из чисто буржуазных элементов, противоречат условиям, в которых мировая буржуазия будет принуждена вести войну. Такие армии не были бы в состоянии решить исход войны, и буржуазии неминуемо придется вооружить рабочих, крестьян и пролетаризированную городскую мелкую буржуазию. Настроения этих масс неминуемо приведут к перерастанию империалистской войны в гражданскую. Если мировая буржуазия эту войну развяжет, она приведет к победе социалистической революции по крайней мере в ряде стран. Страх перед революцией является главной причиной того, что мировая буржуазия еще не решилась бросить жребий.

* * *

Советский союз, рожденный в борьбе за мир, ведет эту борьбу с растущей энергией, с непоколебимой силой. Сейчас, в день двадцатилетия мировой войны, СССР на глазах всего человечества стоит в центре борьбы против военной опасности. Капиталистический мир и сикофанты буржуазии из лагеря II интернационала кричат о «противоречии» между убеждением коммунистов в том, что новая империалистская война породит революцию, и мирной политикой Советского союза. Но это «противоречие» существует только для тех, для кого вся история рабочего движения является книгой за семью печатями.

Мировая война неминуемо приведет к новой волне мировой революции; но коммунисты сумеют возглавить и довести до победоносного конца новую волну революции, только беззаветно борясь против опасности новой войны, угрожающей смертью десяткам миллионов, уничтожением громаднейших материальных богатств. Советский союз доказал уже, что он может построить социализм. Возможность победы социализма в одной стране из гениальной теории Ленина, разработанной, углубленной Сталиным, превратилась под руководством Сталина в практическую действительность, в реальный факт, проверенный не только грандиозным строительством нашей промышленности, но и победой колхозов. Война может только оттянуть на защиту страны громадное количество материальных сил и средств, необходимых для постройки социализма, но она не может помешать нам достроить социализм. «Но, — заявляют нам социал-демократы,— ведь, по-вашему, война приблизит победу революции в других странах». «Да, это несомненно,—отвечают коммунисты,—но мир и ускорение достройки социализма в СССР ускорят революцию более экономным для нашего класса путем». Советскому союзу война ненужна ни с какой токи зрения: ни с точки зрения строительства социализма в СССР, ни с точки зрения мировой социалистической революции. Война нужна только капитализму, и поэтому Советский союз с такой энергией, с такой решительностью борется против военной опасности.

Ведя борьбу против военной опасности, коммунисты всех стран должны знать, что нет никакой иной гарантии против военной опасности, кроме победы пролетарской революции. Никакие дипломатические договоры, даже те, которые заключает Советский союз, разумеется, с намерением добросовестно выполнить все взятые на себя обязательства, не могут гарантировать мир, ибо империалистские противоречия, невозможность для капитализма найти выход из своих противоречий могут ежедневно толкнуть всякую империалистскую державу на разрыв того мирного договора, который она вчера с нами подписала. Необходима мобилизация рабочих и крестьян против опасности войны, для того чтобы революционным движением предупредить взрыв империалистских противоречий, для того чтобы в случае невозможности предупреждения войны превратить войну империалистскую в войну гражданскую.

Советский союз прекрасно отдает себе отчет в империалистских целях в с е х империалистских держав: все они направлены против интересов трудящихся. Но Советский союз не может не считать врагами те капиталистические державы, которые хотят ускорить военную развязку, которые спешат обрушиться огнем и мечом на народные массы. Против них Советский союз мобилизует силы других держав, заключая региональные пакты. Отказ определенной державы от подобного регионального пакта означает ее собственное признание в том, что она стремится решать спорные вопросы вооруженной си-

лой. И Советский союз не скрывает, что такое заявление дает ему право идти на известное соглашение с противниками той державы, которая подготовляет нападение на СССР — отечество международного пролетариата. Первый же региональный пакт, предложенный Советским союзом,—это пакт о гарантии мира в Восточной Европе. Советский союз хочет мира со всеми своими соседями, в том числе и с фашистской Германией, несмотря на социальную пропасть, отделяющую Советскую страну от стран фашизма. Те страны, которые отклоняют советские предложения под какими бы то ни было предлогами, тем самым заявляют, что они подготовляют нападение на СССР. Как указывал Ленин во время брестской дискуссии, пролетарское государство может и должно идти на деловое соглашение с любой империалистской державой против того империалистского государства, которое готовит нападение на СССР. Политика советского государства опирается на солидарность трудящихся. Это исключает, разумеется, какие бы то ни было сделки против народных масс других стран. Это исключает сделки, имеющие целью национальное расчленение, экономическое закабаление народных масс других стран. Интересы рабочих всего мира требуют усиления безопасности страны, строящей социализм, требуют поддержки всякого ее шага, имеющего целью изоляцию тех империалистских держав, которые готовят нападение на отечество пролетариата.

Наличие СССР — первого пролетарского государства — в огромной степени усиливает борьбу мирового пролетариата за мир и стремление его, в случае если империализм развяжет новую войну, окончить ее победой социализма. Бернард Шоу в своей речи, произнесенной 11 апреля 1933 г. в Нью-Йорке, высмеивая капиталистический мир, спрашивал: «Для того ли капитализм затеял войну 1914 года, чтобы она кончилась победой Советского союза?» Да, победа Советского союза родилась из мировой войны, но она не упала с неба: она родилась благодаря десятилетиям борьбы большевиков за идеи Маркса и Ленина, против оппортунизма. Мировой империализм готовит ныне новую войну. Пусть он знает, что этим он готовит победу революции в других странах, готовит возникновение новых советских республик. Но пусть пролетариат всего мира знает, что победа эта станет действительностью только тогда, когда рабочие всех стран об'единятся под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под руководством Коминтерна — штаба мировой революции — в борьбе за мир, на защиту страны социализма.

В двадцатую годовщину мировой войны, когда мы оплакиваем десятки миллионов рабочих и крестьян, погибших за дело капитализма, мы призываем пролетариат всего мира не допускать новой империалистской войны, не жалеть никаких жертв для того, чтобы превратить империалистскую войну в войну гражданскую, чтобы привести к победе тот класс, который раз и навсегда покончит со всеми войнами.

Международное рабочее движение в эпоху 1914—1934 гг.

В. Кнорин

Умы трудящихся во всем мире встревожены.

Иллюзии, что капитализм может развиваться без войн и грабежа, без нового передела мира, т. е. перестать быть империализмом, перестать быть капитализмом, выветрились. Бешено, из года в год, растут военные бюджеты и вооружения империалистических государств. Растет военная промышленность, изобретаются новые средства ведения войны, все капиталистическое хозяйство все больше приспособляется для нужд войны. Милитаризируется молодежь, школа. Созданы массовые вспомогательные военные организации. О предстоящей войне говорят министры, ученые, журналисты, писатели, даже социал-демократические вожди. Во всем чувствуется ее непосредственная близость... Перестраиваются правительства: в Японии у власти военная клика; в Германии непосредственной опорой правительства стал рейхсвер; во всех капиталистических странах растет фашизм как форма приспособления государственного аппарата для войны; во всех капиталистических странах правительства принимают все более открыто реакционный, шовинистический, милитаристский характер.

Бешено рыщут по всему миру агенты поджигателей войны (японские адмиралы и принцы, германские Розенберги и Геббельсы), подыскивая союзников и помощников для осуществления своих военных планов, сколачивая военные блоки. О пакте Келлога забыли все. О конференции по разоружению начинают забывать. Военный психоз все больше овладевает широкими слоями буржуазии. Национализм, шовинизм и милитаризм заполняют науку, философию, литературу.

Громадные политические и экономические противоречия, накопившиеся в капиталистическом мире, могут быть разрешены только путем войны. Капиталисты не видят другого выхода из депрессии, кроме войны, кроме перекройки карты мира, в частности карты Европы.

Грозный призрак новых десятков миллионов убитых и раненых, призрак крови и неимоверных мучений навис над трудящимися массами всего мира.

Все чувствуют, что новая мировая война близка, что начало ее лишь задерживается из-за мирной политики и роста силы СССР, из-за опасения революционных выступлений масс и роста их антивоенного движения, из-за перенапряжения экономики все еще не удовлетворяющей военщину подготовкой хозяйства к войне, из-за противоречий между самими империалистами.

Крах пацифистских мечтаний, бешеная открытая подготовка войны встревожили широчайшие массы трудящихся: их воля и решимость бороться против войны и фашизма растут. Голос коммунистов, непрерывно предупреждавших о неизбежности новых войн и необходимости вести массовую борьбу против войны, находит все более широкий отклик в массах. Растет влияние коммунистических партий, растет популярность лозунгов Коммунистического Интернационала. Ширится влияние комитета борьбы

против войны и фашизма. Ширится кампания антивоенного и антифашистского женского конгресса. Растет популярность мирной политики СССР. Мирная политика СССР, коммунизм и массовое антивоенное движение — единственная надежда трудящихся всех стран.

Доверие к социал-демократии падает, ибо она обманула массы еще раз болтовней о миролюбии буржуазии.

Воспоминания о мировой войне 1914—1918 гг. еще живут в памяти миллионов, в памяти — предательство Вандервельде, Геда, Тома, Гендерсона, Вельса, Шейдемана и других и слабость преданных ими рабочих организаций, в памяти — тяжелые поражения рабочего класса в 1914—1918 гг. Пролетарии не хотят «повторения пройденного».

Измена вождей II интернационала в 1914 г.

Двадцать лет назад накануне войны в Германии, Австрии, Франции происходили значительные экономические забастовки и в последних числах июля и в первых числах августа—стихийные демонстрации рабочих масс против войны. Но II интернационал, его сильнейшие западноевропейские партии, его парламентские фракции, его вожди перешли каждый на сторону своей буржуазии. Массы, верившие своим организациям и вождям, верившие решениям международных конгрессов, оказались без руководства, без ориентации, без организаторов, по существу, без организаций. Шовинистическая, националистическая волна захлестнула слабые голоса пролетарского интернационализма.

«Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой социал-демократической партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национал-либеральную политику...

Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской социал-демократических партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства», — писал Ленин (Т. XXX, стр. 218) 5—6 сентября 1914 г. И несколькими днями позже Ленин, разбирая выступления итальянских социалистов, добавляет: «Но верно ли, что так уже абсолютно ««incapacità»? Так ли? fucilare[1]? Heldentod[2] и подлая смерть?? in vantaggio di un'altra patria[3]?? Не всегда!! Почин был возможен, был обязателен. Нелегальная пропаганда и гражданская война были бы честнее, были бы обязательнее для социалистов (это пропагандируют русские социалисты)» (Ленин. Т. XXX, стр. 223).

Но Ленин не ограничился констатированием измены вождей II интернационала. Ленин тут же показал всю перспективу послевоенного развития, перспективу усиления шовинизма, фашизма, новых войн, которые неизбежны, если в ходе или в итоге первой империалистической мировой войны власть буржуазии не будет свергнута. Он предвидел, что предательство вождей II интернационала в 1914 г. ведет к новым их предательствам и к новым войнам: «...Утешают себя иллюзией: прекратится война, наладится... Нет!! Чтобы крах современного (1889—1914) Интернационала не был крахом социализма, чтобы массы не отвернулись, чтобы не получилось господства анархизма и синдикализма (так же позорно, (как) во Франции), надо смотреть истине в глаза. Кто бы ни победил, Европе угрожает усиление шовинизма, «реванш» etc. Милитаризм немецкий или великорусский возбуждает контр-шовинизм etc. etc.» (Ленин. Т. XXX, стр. 223). Победа ведет

[1] Позволять расстреливать? — Ред.
[2] Геройская смерть.—Ред.
[3] Ради чужого отечества??—Ред.

к реваншу, к новой войне побежденных против победителей, и победа и поражение ведут обязательно к новой волне шовинизма.

«Война представляется, как единое национальное дело,—с одной стороны,—с другой стороны, как ненормальность, нарушение «мирного» капитализма etc.

Обе иллюзии вредны. И обе иллюзии губит война» (Ленин). Капитализм ведет неизбежно к войне, ибо капитализму нужны прибыли, следовательно, рынки, колонии. Чем тяжелее положение капитализма, чем глубже его загнивание, чем острее его кризис, тем в большей мере он ищет выхода в войне. Ибо «Война — «ужасная» вещь? Да. Но она ужасно прибыльная вещь... Война = ужасно прибыльная вещь = прямой и неизбежный продукт капитализма» (Ленин. Т. XXX, стр. 226—227).

И разве не так происходит, как предвидел Ленин?

Мир идет к новому туру революций и войн, ибо в результате измены вождей II интернационала и перехода их на сторону своей буржуазии пролетариат не воспользовался вызванным первой мировой войной кризисом, чтобы свергнуть власть буржуазии, установить свою власть, уничтожить капитализм.

Переход социал-демократии в 1914 г. на сторону «своей» националистической буржуазии не был случайностью.

Европейское социалистическое движение началось как широкое пролетарское интернациональное движение классовой борьбы против буржуазии. Но империализм и эксплоатация колоний дали буржуазии, в первую очередь английской, возможность подкупать верхушку рабочего класса, создавать привилегированную рабочую аристократию, не думающую уже о свержении буржуазии, а только о реформах. Победа над Францией в 1871 г. дала широкие возможности в этом направлении также германской буржуазии. В ходе развития в ряды рабочего движения все больше начала проникать мелкобуржуазно-националистическая идеология, идеология приспособления к капитализму.

Еще в 1879 г. Маркс и Энгельс в письме А. Бебелю, В. Либкнехту и др. должны были дать весьма резкую характеристику руководству германской социал-демократии:

«В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения... Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию заграницей» («Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI), стр. 155). Всем известны марксова критика Готской программы, многочисленные позднейшие указания Энгельса на проявления оппортунизма в германской социал-демократии. Этот оппортунизм после смерти Маркса и Энгельса уже не находил должного отпора. Социал-демократия постепенно, шаг за шагом, превращаясь в реформистскую партию, капитулировала перед буржуазным национализмом. В Германии этот процесс стал явным уже вскоре после отмены закона против социалистов. Даже такой близко стоящий к социал-демократии буржуазный демократ, как знаменитый писатель Генрих Манн, говорит: «Спор социал-демократии с господствующей властью закончился тем, что она получила свое социальное законодательство и в итоге стала националистической военной партией как и все другие. Она стала тако-

вой по существу при внешней оппозиционности... Она приучилась отдавать преимущество национальному по сравнению с любым социальным требованием. В ее международных выступлениях господствовали неверие и плохая совесть. Если бы это так не было во времена кайзера, тогда получилось бы иначе и с республикой» («Der Hass», стр. 15).

Этот переход социал-демократии на позиции сотрудничества с буржуазией, ее превращение в реформистскую социал-националистическую партию подготовили измену ее вождей в 1914 г., крах II интернационала. Но крах II интернационала был «крах вождей и большинства партий современного интернационала», а не крах социализма. «Не социализм потерпел крах в лице современного европейского Интернационала, а недостаточный социализм, т.-е. оппортунизм и реформизм» (Ленин. Т. XXX, стр. 222).

Большевики вместе с небольшой группой европейских социалистов (Либкнехт и др.) спасли социализм в 1914—1918 гг., взяв на себя борьбу против шовинизма и национализма, против империалистической войны. Большевики подняли в 1917 г. на новый уровень борьбу за социализм, свергнув буржуазию и приступив к строительству социалистического общества. Добившись победы социализма в СССР, они показали трудящимся всех стран путь спасения от капиталистического гнета, от новых империалистических войн—через революцию и установление диктатуры пролетариата. Благодаря большевикам пролетариат не потерял, а укрепил свою веру в социализм и в рабочее движение. Но только одна Россия выбыла из строя капиталистических держав. Только на территории бывшей России с тех пор положен конец шовинизму и милитаризму, там строится социализм, там процветает пролетарский интернационализм, там теперь СССР — там сердце нового, Коммунистического Интернационала, вокруг которого об'единилось все действительно революционное в международном рабочем движении.

Да, крах II интернационала, измена его вождей в 1914 г. привели к крупнейшему поражению рабочего класса. Социал-шовинистическим вождям удалось сорвать борьбу против войны и превратить пролетарские массовые организации, которые создавались десятилетиями классовой борьбы против буржуазии, в орудие срыва классовой борьбы и сотрудничества с буржуазией в интересах ведения войны. Но потерпевший поражение пролетариат Западной Европы вовсе не заснул летаргическим сном во время войны.

Классовая борьба во время войны

В течение четырех лет империалистической войны классовая борьба ни в одной стране не прекращалась. Прямой переход вождей социал-демократии на сторону своих правительств открыл ворота для проникновения националистической, шовинистической волны в рабочий класс. Дискредитация социализма «вождями», ставшими министрами своей же буржуазии, и шовинистический угар ослабили временно силы рабочего движения. Но большевики во главе с Лениным и вместе с ними с конца 1914 г., хотя и не так последовательно, Либкнехт и спартаковцы показывали массам выход, звали их к борьбе. Вопреки вождям-министрам, социал-шовинистским партиям, профсоюзам рабочий класс боролся за свои классовые интересы, против правительств, против войны. Однако в западноевропейских странах правительственный террор военного времени, с одной стороны, измена вождей социал-демократии, с другой стороны, уменьшили размах борьбы, затруднили выступления больших рабочих масс.

В России, где борьбой масс непрерывно за все время войны руководила нелегальная партия большевиков, призывая к превращению империалистической войны в гражданскую, в марте 1917 г. вспыхнула революция и в октябре 1917 г. была установлена диктатура пролетариата.

В Германии, где Либкнехт и спартаковцы вели революционную пропаганду в массах, непрерывно происходили голодные беспорядки, демонстрации женщин, рабочих, мелкие стачки; из них выросла знаменитая первомайская демонстрация 1916 г., на которой выступал Карл Либкнехт, массовая стачка берлинских рабочих в апреле 1917 г., массовая стачка в январе 1918 г. и, наконец, революционная борьба рабочих, солдатских, матросских масс в ноябре 1918 г., которая привела к свержению монархии Гогенцоллернов.

Во Франции, которая не имела своего Либкнехта, происходили многочисленные мелкие стачки, забастовки рабочих военных заводов, уличные демонстрации и, наконец, брожение и восстания в армии летом 1917 и осенью 1918 гг.

Несмотря на шовинистическую волну, несмотря на репрессии, которые ослабили рабочий класс, никому не удалось бы доказать, что накануне и во время войны массы не хотели бороться. После Февральской революции 1917 г. эта борьба масс приняла весьма крупные размеры. Вопреки измене вождей, несмотря на репрессии летом 1917 г. и во французской, как показывает Пуанкаре, и в германской армиях раздавались возгласы: «Долой войну!», «Да здравствует русская революция!»

С марта 1917 г. маяком для трудящихся масс, которые боролись против войны в Западной Европе, стала русская революция. Русская революция была громадной помощью международному рабочему движению. Она поднимала на борьбу ранее пассивных и апатичных, она показывала, как найти путь из нищеты и нужды, она содействовала оформлению оппозиционных групп внутри социал-демократии, порывающих с нею и идущих к Третьему, Коммунистическому Интернационалу.

«Мы накануне революции!» — так оценивали положение во Франции летом 1917 г. виднейшие представители буржуазии.

«Мы накануне революции!» — вторили им представители германской буржуазии.

Но там не было достаточно сильной, признанной, авторитетной, решительной организующей силы, способной возглавить движение масс, не было большевистских партий, поэтому война могла длиться до ноября 1918 г., пока окончательно не развалился германский Западный фронт. Германские и австрийские социал-демократы, в особенности Отто Бауэр, исписали много бумаги, чтобы убедить легковерных в том, что нельзя было приступить к экспроприации капиталистов, ибо у границ Германии и Австрии стояла «победоносная французская армия». Победоносная армия! Эту легенду лучше всего разбивают Пуанкаре, Пенлеве, Мальви и другие французские руководящие политики времен войны, показывающие в своих мемуарах и различных опубликованных документах, что французская армия к концу войны уже потеряла свою боеспособность и весьма немного надо было, чтобы она рассыпалась так же, как рассыпались германская и австрийская армия. Те же буржуазные политики Франции так ярко показывают влияние русской революции на французский рабочий класс и французскую армию, что становится ясно: пролетарская революция в Германии вызвала бы в скором времени пролетарскую революцию также и во Франции. «Стег очень озабочен состоянием умов в Париже, забастовками, митингами и демонстрациями, происходившими за последние дни... На этих днях в Дормане солдаты кричали «Да здравствует революция! Долой войну!» Одна рота отказалась выйти из окопов» (Пуанкаре. Т. IX, стр. 147).

«Полки, которым предстоит отправиться на позиции, организуют манифестации, шествия, поют «Интернационал» и кричат: «Мы не пойдем! Не пойдем!» «Полки на участке Суассона собираются, чтобы двинуться на Париж» (из доклада Петена). Так характеризуется положение во Франции уже во второй половине мая 1917 г.

Почему же это движение во Франции не привело к революции?

Конечно, большую роль сыграла победа в войне, но важнейшее значение имели те же причины, по каким в Германии вспыхнувшая в 1918 г. революция потерпела поражение.

Революционный кризис 1918—1920 гг.

Война ослабила буржуазию, сократила для нее возможности подкупа рабочей верхушки, сделала положение масс невыносимым. Брожение масс во Франции стало столь широким, поворот их к революции был так глубок, что все, что было честного в рабочем движении Франции, стало поворачиваться в сторону Коммунистического Интернационала. Но поднимавшиеся на революцию массы во Франции в 1917—1920 гг. не имели еще своего опытного руководителя, своей компартии. Такая партия создалась только на исходе революционного кризиса в Западной Европе. Пуанкаре, Пенлеве и другим слугам буржуазии удалось одурачить значительные слои пролетариата победой, выпавшей на долю Франции вследствие распада германской армии, заключением Версальского мира, обмануть их фанфарами победы и подчинить на время влиянию буржуазии.

Но в Германии пролетариат поднялся на революцию, массы вышли на улицу. Старый строй развалился. Ничто уже не было в состоянии спасти императорскую Германию, речь могла идти только о попытках спасти власть капитализма путем установления новых форм диктатуры буржуазии. «9 ноября 1918 г. Шейдеман, который уже был императорским министром, провозгласил социальную республику, больше по нужде чем по внутреннему стремлению (как показывает сам Шейдеман в своих мемуарах: исключительно под давлением масс, чтобы массы не перешли к спартаковцам.—*Кн.*). Большинство социал-демократических вождей хотело бы сохранить, если бы это было возможно, монархию под руководством кайзера, который в последний год войны вдруг принял парламентскую систему. Главную роль здесь играла боязнь громадной ответственности, которая ложилась на них. Для этой ответственности социал-демократия в действительности была совершенно неподготовлена. Не без оснований германскую социал-демократию уже в последние годы перед войной называли зеркалом немецкого милитаризма. Батальоны рабочих масс были организованы в партии и в профсоюзах как нигде в мире. Руководимые бюрократией, которая была столь же вышколенной, верной и преданной как прусская государственная бюрократия, социал-демократия и свободные профсоюзы были машиной, которая прекрасно действовала в оппозиции и, вероятно, могла быть хорошей школой правительственной ответственности для далекого будущего», — так говорит в течение 15 лет сотрудничавший с социал-демократией буржуазный демократ Георг Бернгард, бывший редактор «Фоссише цейтунг» («Die Deutsche Tragödie. Selbstmord einer Republik», S. 31—32).

Социал-демократии пришлось взять на себя ответственность, пришлось провозгласить республику, «ибо никто не осмеливался начать борьбу за отрекшегося монарха или за идею монархии. Все они исчезли с лица земли и осмелились появиться лишь потом, когда социал-демократия при помощи всех своих сил, но, к сожалению, теряя доверие в массах, в неко-

торой степени восстановила порядок... Никто не должен был бы оспаривать историческую заслугу социал-демократии, которая в момент полной растерянности прежних руководящих политических кругов и большинства германской буржуазии спасла Германию» (Г. Бернгард, там же, стр. 40).

Социал-демократия спасла германский капитализм от революции в 1918 г., это признают все, вплоть до фашистов. Для этой цели она заключила союз с генералитетом и с банками, формировала и разрешала формирование националистических, в будущем фашистских отрядов, в том числе для похода на Прибалтику; с этой целью она расстреляла восставших в январе спартаковцев, руками фашистских отрядов убила Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Коммунисты еще не были достаточно популярны, как руководители масс. Массы знали уже Либкнехта, но не знали еще компартии, они составляли меньшинство на заводах, на фабриках, они не имели профсоюзов. Поэтому поднявшиеся на революцию пролетарские массы Германии могли быть обмануты социал-демократией, и революция была разбита. Фашистский писатель Эрнст фон-Саломон, участник похода на Прибалтику, участник капповского путча и убийства Ратенау, в своем романе-исповеди «Die Geächteten» («Презренные») так описывает ход событий 6 января 1919 г.:

«Вдруг в воздухе слышится гуденье. Оно спускается сверху и наполняет собой туман, который свисает тяжелыми клочьями. Нет, оно идет не сверху, оно надвигается слева, ширится, полнится и поглощает все шумы улицы, как бы будит и прижимает к стенам домов все шорохи. Унтерофицер делает несколько быстрых шагов и тотчас же возвращается. «Идут!» — говорит он и указывает нам на темный под'езд в том месте, где улица делает поворот. Там мы стоим в тени, невидимые, хотя сами все видим. «Смирно!» Унтерофицер смотрит вперед, затем он оборачивается, подходит ко мне, к самому молодому, самому меньшему,—я стою на левом фланге — и говорит почти с угрозой: «Парень, если твое ружье выстрелит прежде, чем я прикажу...» Я говорю: «Нет, господин унтерофицер!» Он мрачно смотрит на меня и затем подходит к середине ряда.

Множество людей вдруг наполняют тихую улицу. Из домов бегут женщины, собираются дети. Извозчики задерживают свои экипажи. Все больше людей, молодых парней, большинство в куртках цвета хаки. На углах улиц уже черно — так много толпится людей. Гуденье сгущается. Обрывок песни — «Интернационал»; со стоном и кряхтеньем проезжает грузовик, на котором широко развевается выгнутое гигантским сводом красное знамя. Мы стоим без дыхания в под'езде, не отрывая глаз от площади. Никто не шевелится. Тяжело давит ремень с ручными гранатами. Тяжело навалилось на ногу ружье. Ноги сдвинуты, спина описывает напряженно изогнутую линию, глаза искрятся под шлемом.

Улица черна во всю ширь. Улица сама движется вперед. Кажется, что дома хотят наклониться, развертывается извилистая лента — медленно, неуловимо, неудержимо: массы, массы, массы.

Над толпой щелкают красные полотнища, звонкий голос вскрикивает: «Да здравствует революция!» Масса ревет: «Ура!» Этот звук подобно звуку орга́на вырывается из тысячи грудей, сметает туман. Хлопают окна. Ура и ура! Земля дрожит, а толпа катится дальше и дальше. Народ! В мозг врывается мысль о том, что все это означает: это—народ! Это—массы, тысячи,—человек к человеку, тело к телу, голова к голове—тяжесть шагов подчеркивает ритм, и снова идут знамена, они устало склоняются вперед, и среди вооруженных матросов, среди сверкающих штыков реют щиты: «Долой

предателей рабочих, долой Эберта, Шейдемана!», «Да здравствует Либкнехт!», «Голод», «Мир, свобода, хлеб!»

Поток не прекращается. Какой чудовищный кулак собрал эти массы и безжалостно загнал их в узкое горло улицы? Да, если бы они захотели! Кто мог бы им сопротивляться? Шум растет, они кричат, ненависть брызжет из темных уст. Вооруженные люди идут, в беспорядке скрещиваются винтовки, телеги скрипят, переполненные людьми, в них лежат пулеметы с круглыми глазами, и ленты блестящих патронов, готовых к выстрелу, как будто вытекают из их брюха.

Молодой человек, очень бледный и возбужденный, входит в под'езд. Он взволнованно машет руками и быстро выкрикивает: «Началось! Этой ночью они заняли весь квартал, где помещаются газеты. Либкнехт говорит у Бранденбургских ворот. Вас изобьют до смерти! С берлинцами шутки плохи...» Унтерофицер говорит: «Идите-ка прочь, молодой человек, вам здесь делать нечего». Снаружи рев круто обрывается. Кто-то стоит в машине и говорит. Это маленький бледный человек в пенсне, с остроконечной бородкой, с дождевым зонтом. Звучат короткие ясные фразы. Слова тяжело опускаются вниз, к нам: «Международный пролетариат... Наши товарищи по труду во всем мире... Наши братья во Франции, Англии и Италии... Германия несет ответственность...»

Теперь вся площадь заполнена. Нам видна стена человеческих спин. Среди них люди в белых косматых шубах, ремень стянут так, что мех бесформенно топорщится. Ружья перевернуты и свисают вниз. Один из этих людей увидел нас.

Он оборачивается, кричит, жестикулирует. Меня точно обжигает ледяной струей. Тысячи глаз, отравляя, парализуя, пристально смотрят на нас. Толпа взревела — началось — они наступают на нас. «Бейте их, эту свору палачей!» — ненависть брызжет, кипит как вода на раскаленном очаге. В красном тумане качаются головы, руки, тела, они надвигаются плоской и тяжелой стеной.

И вот унтерофицер кричит — вздох облегчения вырывается из наших судорожно напряженных грудей: «Заряжать! Спустить предохранитель!» Мы высоко поднимаем ружья, дулом в лицо массе, плохо повинующимися руками мы беремся за замок, вынимаем патроны, раздается безобразный шорох, щелкает затвор, отдает назад — на секунду становится тихо.

8 ружей грозят, в их стволах — смерть. Стена перед нами становится шире. Вытягиваются две линии. Напряжение становится невыносимым. Оно терзает и жжет как тонкая пылающая нить, одно единственное дыханье висит в воздухе, из земли горячо со стоном поднимается какое-то дуновение, точно наступил последний миг.

Вот встает маленький человек с дождевым зонтом, он машет руками: «Назад, не стрелять!» — и он становится между двумя застывшими фронтами. «Идите дальше!»—ревет он, и они повинуются. Колеблясь, они идут вперед, и он гонит их дальше, он поворачивается к нам и говорит: «А вам должно быть стыдно!»

Эрнст фон-Саломон дал действительно блестящую характеристику дня. Массы на улице, массы за революцию. Массы под политическим влиянием лозунгов коммунистов. Реакция в подворотне, ее можно разгромить в два счета. Но массами организационно еще руководит социал-демократия, и она знает для рабочих один «лозунг»: «Идите дальше», а с реакцией, с кайзеровскими генералами она заключает союз, для того чтобы подавить движение масс, чтобы подавить спартаковцев.

Но реакционеры-активисты не стыдятся, а организуются; они полностью используют союз с социал-демократией для собирания своих сил.

Независимцы, центристы «революционными» речами удерживают массы от борьбы, не предпринимая ничего для их организации. Коммунисты еще недостаточно сильны, чтобы доказать широчайшим массам, что буржуазия стреляет в них не во имя свободы, демократии и республики, а во имя национализма, реакции и будущей войны.

Рабочие следовали «русскому» образцу. Они хотели действовать «по-русски». Они создали советы рабочих и солдатских депутатов. Под их влиянием правительство именовалось Советом народных уполномоченных, а Германия называлась социалистической республикой. Но рабочие еще не понимали, что идти «по русскому пути»—значит выбросить за борт социал-демократию, в том числе вождей независимцев. Это определило исход борьбы, это привело к поражению.

В Венгрии в итоге революционных выступлений рабочих масс социал-демократы и буржуазные радикалы типа графа Карольи вынуждены были «добровольно» передать власть советскому правительству во главе с тов. Бела Куном. В Баварии в условиях исключительного разброда в рядах буржуазии и социал-демократии образовалась советская республика. Советы стали появляться повсюду.

Венгерской советской республике пришлось выдержать блокаду и отчаянную схватку с империалистической интервенцией. Баварской советской республике пришлось выдержать упорную борьбу с реакцией. Советы в Баварии победили бы, если бы не социал-демократия! Социал-демократы поддерживали империалистическую интервенцию против советской Венгрии. Внутри правительства и об'единенной партии они саботировали мероприятия диктатуры пролетариата. Коммунисты ослабили себя тем, что об'единились с социал-демократами, не расправившись с оппортунистами и центристами. Одни—коммунисты были бы сильнее, показывая массам пример революционных дел.

Поражение венгерской советской республики было следствием этого об'единения коммунистов с социал-демократией.

Но венгерская и баварская советские республики оказали громадную помощь всему международному рабочему движению. Они показали, что эпоха пролетарской революции началась во всем мире. Они сделали лозунги советской власти популярными и близкими еще новым миллионам рабочих. Они показали, что советская власть есть конкретная форма диктатуры пролетариата для рабочих всех стран.

Но в других странах, в том числе в Германии, социал-демократии удалось предотвратить венгерский путь развития, разгромить пролетарский авангард, обмануть массы лозунгами демократии и свободы, не допустить установления диктатуры пролетариата. Во всех странах, в особенности в Германии, коммунистические лозунги имели большое влияние в массах. Во всех странах, в особенности в Германии, большой популярностью пользовались советы. Но когда нужно было избирать представителей в фабрично-заводской комитет или даже в совет рабочих депутатов, фабрика или завод все-таки избирали социал-демократов, известных им по прошлому, в качестве руководителей борьбы в защиту повседневных нужд, избирали фабричных вожаков, произносящих теперь весьма «радикальные» речи, а не коммунистов, мало еще известных на фабриках и заводах. Поэтому могло «случиться» не только то, что профсоюзы, в которых коммунисты вообще почти не работали, в некоторых странах полностью, в других—в большей своей части остались в руках реформистов. И фабрично-заводские комитеты и даже советы, созданные как выразители воли масс в борьбе за власть, также оказались по своему составу социал-демократическими. Коммунисты пользовались влиянием на улице: они были достаточно сильны для мощных выступлений на улицах Берлина в январе 1919 г. Но при выборах в берлинский совет рабочих

депутатов в конце 1918 и в начале 1919 гг. они не получили ни одного места, а на Всегерманский с'езд советов был избран только один коммунист.

Массы стали на сторону советов. Они создавали советы как органы борьбы за власть. Социал-демократы приняли советы, ибо если бы они выступили против советов, то массы отбросили бы их в сторону и создали бы советы помимо них. Но, «приняв» советы, овладев ими, они превратили их в прикрытие для контрреволюции и заставили их самоликвидироваться. «Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контрреволюцию против революции» (Сталин). Так было дело и в ряде других стран в 1919 и 1920 гг. Социал-демократам удалось в революционную социалистическую форму влить контрреволюционное содержание только потому, что коммунисты не изолировали еще социал-демократических вождей, не сняли их с постов, не заменили их коммунистами. Коммунисты не могли этого сделать, так как компартии были еще слабы, их вожди недостаточно известны, работа коммунистов в массах была совершенно недостаточна.

Пролетариат потерпел поражение.

Но в этой борьбе был создан Коммунистический Интернационал — это новое международное товарищество рабочих, организованное по образу и подобию I интернационала, которым руководили Маркс и Энгельс, и по образу и подобию ВКП(б), которой руководил Ленин. Был создан Коммунистический Интернационал как международное об'единение рабочих для борьбы за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, за социализм.

Годы стабилизации капитализма и новый под'ем

Начался отлив революционной волны.

Пролетарская революция в Германии, Австрии, Венгрии потерпела поражение, а революционный кризис в Италии, во Франции, в Польше не привел к революции. Капитализм остался невредимым во всей Западной Европе. Он нашел новые возможности подкупа рабочей, социал-демократической бюрократии, тем самым отрывая некоторые слои от революционного фронта.

Но великий пример Страны советов будил на борьбу новые миллионы угнетенных и в метрополиях и в колониях. Социал-демократия уже не могла запрячь в колесницу буржуазии рабочий класс в целом. Для того чтобы оставаться главной социальной опорой буржуазии, социал-демократии пришлось раскалывать рабочие организации. Уже во время войны буржуазия стала открыто опираться на социал-демократию, привлекать ее в правительство. После войны, когда начался общий кризис капитализма и эра мировой пролетарской революции, когда уже существовала диктатура пролетариата в СССР, когда советы, хотя и на короткое время, уже имели в своих руках власть в Венгрии и Баварии, когда во всех странах образовались коммунистические партии, буржуазия стала чувствовать себя еще более слабой. В значительной части стран она временно передала социал-демократии управление государством. Социал-демократы стали министрами в Германии, Австрии, Чехо-Словакии, Бельгии, Англии, Дании, Швеции, Норвегии, Латвии, Финляндии. Они верой и правдой служили буржуазии, ее банкам и трестам, ее коронованным и некоронованным королям. Но каждое социал-демократическое министерство подавало в отставку, когда ему

случалось вынести более радикальное решение, против которого возражали банки и тресты. Оно уступало место от'явленному реакционеру, даже когда тот не имел большинства: «Пусть покажет, что может», и если никто не хочет браться за управление, то возьмемся, мол, мы. Буржуазия может «быть спокойна за судьбы «отечества» и капиталов». Но именно такие социал-демократические партии нужны были буржуазии.

Для того чтобы обмануть рабочие массы лозунгами демократии и свободы и включить большинство рабочих в контрреволюционный единый фронт с буржуазией для защиты капитализма, социал-демократии понадобилось, однако, отстоять перед буржуазией — однако урезав и извратив их до последней возможности — ряд демократических свобод, завоеванных рабочими: парламентскую систему, страхование рабочих, законодательное признание коллективных договоров и т. д., т. е. реформы, из которых ни одна не угрожает существованию капитализма.

Для осуществления контрреволюционного единого фронта с буржуазией социал-демократии пришлось углубить раскол рабочего движения. В Германии не только Носке, Шейдеман и Эберт заключили соглашение с генералами Гренером и Гесслером для разгрома спартаковцев, но «независимцы»-центристы Криспин и Гильфердинг раскололи Независимую социалистическую партию на с'езде в Галле, в ноябре 1920 г., после того как с'езд высказался большинством 237 голосов против 156 голосов за Коммунистический Интернационал. Во Франции социалисты обеспечили победу французской буржуазии в мировой войне, удержали массы от революционных выступлений в 1917 и 1918 гг. Но они оказали самую лучшую поддержку французской буржуазии тем, что на Турском конгрессе, после того как социалистическая партия 3028 голосами против 1082 голосов высказалась за присоединение к Коммунистическому Интернационалу, раскололи партию и все рабочее движение, и из турского меньшинства организовали главную социальную опору для буржуазии. В Англии лейбористская партия осуществила такой же раскол, исключив коммунистов из своих рядов. В Чехо-Словакии, после того как чешская социал-демократия подала 67% голосов за присоединение к Коминтерну, гг. Немецы и Соукупы провели такой же раскол. Социал-демократия раскалывала рабочие организации всегда и везде, как только революционеры начинали пользоваться в них влиянием, не говоря уже о тех случаях, когда сторонники Коммунистического Интернационала получали в них большинство. Но, к сожалению, большинство в НСП Германии, в социалистической партии Франции и в чешской социал-демократии стало на сторону Коминтерна только в конце первого тура революций, когда в массах уже замечалась усталость, начинался отлив. Это привело к тому, что профсоюзы—в основном—остались в руках социал-демократов.

Наступивший период стабилизации помог социал-демократии закрепить производственный раскол. Молодым коммунистическим партиям приходилось в условиях наступившего затишья в развитии революции вести упорную борьбу за массы. Социал-демократические организации все теснее срастались с аппаратом буржуазного государства. Они стали основным проводником буржуазного влияния в массах. Они сеяли в массах иллюзию о «демократии как пути к социализму», о современном империалистическом государстве как надклассовом «своем государстве», о «мирном развитии капитализма», без войн и потрясений, о мирном врастании в социализм через демократию, без революций. Эти иллюзии не могли не прельщать уставшую от войны и трудной борьбы массу. На практике политика социал-демократии являлась политикой сотрудничества со своей буржуазией, политикой подготовки войны против СССР, политикой подготовки к фашизму.

Что представляла на деле эта «демократическая» политика социал-демократии?

Под ее флагом «систематически организованное в мировом масштабе наступление капитала на все завоевания рабочего класса вихрем охватило все страны. Реорганизованный капитал повсюду беспощадно понижает реальную заработную плату рабочих, удлиняет рабочий день, урезывает скромные права рабочего класса в предприятиях и в странах с низкой валютой заставляет нищих рабочих расплачиваться за все бедствия, созданные в хозяйственной жизни, обесценением денег и т. д.» (резолюции IV конгресса Коминтерна о тактике Коминтерна, «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 296). «В тесной связи с экономическим наступлением капитала стоит политическое наступление буржуазии на пролетариат. Особенно ярко оно проявляется в международном фашизме. Ввиду того, что все растущее обнищание охватывает также и средние слои, в том числе и чиновничество, господствующий класс уже не уверен, что он имеет в лице бюрократии совершенно послушное орудие. Поэтому он всюду переходит к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение» (там же, стр. 297). Так на основе анализа всего международного положения характеризовал положение рабочих еще IV конгресс Коммунистического Интернационала в ноябре 1922 г.

Буржуазия взялась за проведение капиталистической рационализации, которая была также формой наступления на рабочих. Приспособляясь к нуждам капитализма, социал-демократия в ряде стран ввела принудительный государственный арбитраж, поддержала систему Монда, являющуюся прообразом фашистской «рабочей» политики. Но растущее наступление капитала на жизненный уровень трудящихся масс обостряло классовые противоречия, вело к революционному под'ему в рабочем классе и к переходу рабочих в контрнаступление. Для того чтобы парализовать переход рабочих на революционные позиции, социал-демократия все шире начала пропагандировать «завоевание» государственной власти путем избирательного бюллетеня. Именно благодаря тому, что начался поворот масс влево, что буржуазия слабела, в ряде крупных стран ей пришлось передать власть «левым» правительствам. Началась «демократически-пацифистская эра». «Эра демократического пацифизма» должна была дать возможность международной буржуазии укрепить хозяйство и подготовить свои «отечества» для войны. Социал-демократия стала на защиту буржуазного хозяйства, отказываясь даже теоретически от классовой борьбы. Реннер писал в 1929 г.: «Мы были теми, кто прокламировал ограничение классовой борьбы легальными средствами на почве правового государства и проводили это с крайним напряжением ума и материальных средств... Классовая борьба больше не является абсолютным, безграничным средством. Для чего мы установили добровольно эти границы? Гражданская война разрушает наше хозяйство и притом в такой мере, что в конце концов все равно, кто победит и кто потерпит поражение. Оба остаются нищими и при нынешних условиях мирового хозяйства не могут уже подняться» [1].

Социал-демократия поощряла и развивала национализм и шовинизм. Министры ее были в подлинном смысле слова националистами. Не удивительно, что многие из них потом открыто порвали с социал-демократией и перешли в лагерь националистической буржуазии (Макдональд, Томас, Бонкур, Зеве-

[1] K. Renner «Grundsätze. 2 Kampf d. österr. Sozialdemokratie g. Faschismus». «Die Gesellschaft» № 2, S. 133. 1930.

ринг, Лебе и т. д.). В Германии, побежденной в империалистической войне и ограбленной победителями, национализм расцвел особенно пышным цветом и отравил сознание значительных масс.

Но социал-демократия вместе с тем была активным организатором войны против СССР. Резолюции всех конгрессов II интернационала направлены в первую очередь против СССР. Марсельский конгресс II интернационала подтвердил резолюцию люксембургского заседания своего исполкома, в которой говорится, что «после признания Советской России английским рабочим правительством и правительством Италии полное признание Советской России и восстановление дипломатических отношений со всеми другими государствами является непосредственно предстоящим фактом... В чем исполком видит лучшую гарантию прекращения политического бойкота Советской России и невозможности повторения интервенции и блокады». Исходя из этого, марсельский конгресс II интернационала повторяет решение брюссельского заседания исполкома, что теперь Советский союз якобы перейдет к агрессивной внешней политике. «Если раньше необходимо было бороться за признание России и против капиталистической интервенции, то теперь нужно думать о том, как охранить соседей России от русской империалистической интервенционистской политики». II интернационал направляет все усилия на то, чтобы доказать, что нападающей стороной будет СССР, что СССР угрожает своим западным соседям.

Не кто иной, как цитированный уже нами демократический писатель Генрих Манн, в этой связи пишет: «Национальная германская политика хотя попрежнему направлена против Франции, однако, только в целях «равноправия», и обе заинтересованные военные промышленности понимают ее по-другому чем политики престижа и бешеные националисты. Вновь вооруженная Германия была бы послана как передовой отряд против Советского союза, и это было бы в духе старой системы. Согласно же человеческому разуму, нельзя победить ни в одной революции, идея которой подкрепляется существующей действительностью и которая имеет одинаково думающих на противоположной стороне» («Der Hass»).

Какие свидетели еще нужны для того, чтобы показать, что политика германской социал-демократии была националистической, милитаристской и антисоветской политикой, что она подготовила гг. Розенбергов и Геббельсов?

Проведение этой политики означало с каждым годом все большее ухудшение положения рабочего класса, все новые тяготы для трудящихся, все новые репрессии против коммунистов, дальнейшее обнищание широчайших трудящихся масс. Конечно, трудящиеся массы поднимались против этой политики социал-демократии. Годы так называемого затишья революционной борьбы богаты многочисленными экономическими стачками, стихийными вспышками рабочих восстаний в большинстве стран Европы. Достаточно припомнить 1923 г. в Германии, краковское восстание в Польше, восстание в Эстонии в 1925 г., венское восстание 1927 г. в Австрии, всеобщую стачку 1926 г. в Англии, многочисленные стачки во Франции и в Германии в 1927—1928—1929 и 1930 гг.

Социал-демократы всех стран, боясь потерять влияние в своих собственных организациях, перешли к режиму исключительных законов против коммунистов в рабочем движении. Социал-демократы постепенно отменяли профсоюзную демократию и демократию во всех рабочих организациях вообще. Они вступили на путь исключения из общегосударственных организаций тех местных групп и организаций, которые принимали коммунистические решения или выбирали коммунистов. Углублением раскола и репрессиями против коммунистов социал-демократия хотела изолировать коммунистов от масс, уничтожить коммунистические партии. Ей это не уда-

лось, потому что благодаря успехам социализма в СССР в массах с каждым днем крепла вера в то, что единственный путь спасения для трудящихся— это путь Советов, по которому ведут их коммунисты.

Начало нового революционного под'ема было могучим восстанием масс против социал-демократической профбюрократии. На Руре, в Лодзи, в Мюнхен-Гладбахе и во многих других местах рабочие пошли на забастовку в защиту своей заработной платы вопреки социал-демократии, под революционным руководством. Но профсоюзная бюрократия в союзе с органами государственной власти сорвала эти забастовки. Рабочие видели, что революционные организации еще недостаточно сильны и опытны, для того чтобы довести забастовку до успешного конца. Рабочие взялись за укрепление революционных организаций, и в 1930 г. поднялась новая стачечная волна. Многие из забастовок оказались успешными. Этим была разбита теория, что во время кризиса нельзя вести успешных стачек. Вся сила профсоюзного аппарата опять-таки была сконцентрирована на том, чтобы сорвать самые важные из этих забастовок. И многие из них были сорваны (например Рур) социал-демократической профбюрократией. Это означало, что реформистские организации еще представляют такую силу, которая, следуя за своими «вождями», может сорвать даже хорошо организованные выступления большинства рабочих.

Коммунисты взяли на себя защиту всех повседневных требований рабочих. Рабочие поняли, что только коммунисты защищают интересы рабочих и могут повести их к победе. В Польше, Чехо-Словакии и во Франции поднялось могучее стачечное движение. Стачечное движение росло во всех странах. Но оно не могло охватить и не охватило весь рабочий класс. Революционных рабочих, участников не разрешенных профсоюзом стачек, социал-демократия продолжала изгонять из рабочих организаций, лишать пособий, которые получали члены профсоюзов. Виновные только в том, что они хотели бороться вопреки социал-демократии, рабочие вынуждены были дальше терпеть издевательство капитала, снижение заработной платы и увольнения. Большинство сторонников компартии, например в Германии, оказались безработными, многим пришлось странствовать с завода на завод. Перспектива безработицы и голода отпугивала от участия в стачках многих, еще имевших кусок хлеба. Но сломить волю рабочих к борьбе буржуазия и социал-демократия уже не могли. Великий пример Советского союза был верным маяком масс.

Но с углублением экономического кризиса положение рабочих становилось все невыносимее. Буржуазия пыталась все тяготы кризиса переложить на плечи рабочих. В 1931 и 1932 гг. шло бешеное наступление на жизненный уровень рабочих масс. В рабочих массах росла могучая воля к единству для борьбы. В начале 1932 г. стачка горняков в Брюксе, организованная и руководимая коммунистами вопреки социал-демократической партии и реформистским профсоюзам, об'единила всех без исключения рабочих Брюкского района. Эта стачка привлекла на сторону рабочего класса даже мелкобуржуазные слои этого района. Так же было в районе Боринажа и Шарлеруа в Бельгии. Такую же волю к единству проявили рабочие Домбровского бассейна и Лодзи (Польша). Та же воля к единству стала проявляться во Франции. Та же воля к единству проявилась и в берлинской транспортной стачке в конце 1932 г. Это мощное стачечное движение показало, что рабочий класс достаточно силен, чтобы отбить наступление буржуазии, что для этого нужно только об'единиться под боевым руководством коммунистов.

Но если в целом ряде стачек уже в эти годы удалось создать действительно широкий единый фронт, обеспечивающий успех рабочему классу, то в важнейших выступлениях пролетариата, когда нужно было напряжение всех сил рабочего класса, и в странах, где социал-демократия особенно силь-

на, рабочий еще не решался идти на решительную борьбу вопреки своему реформистскому руководству. Когда в Германии коммунисты призвали к всеобщей забастовке 20 июля 1932 г., рабочие прислушивались к тому, что скажут социал-демократы, что скажут реформистские профсоюзы. И когда социал-демократы высказались против забастовки, рабочие, которые были за забастовку, все-таки остались на работе, не веря, что организованная вопреки социал-демократии забастовка может быть успешной, боясь, что забастовка потерпит поражение и они будут выброшены с предприятия. То же повторилось в январе 1933 г. То же повторялось во всех капиталистических странах сотни раз.

Сила социал-демократии была не в ее идейном влиянии на массы, а в том, что в ее руках находилась могучая система организаций рабочего класса. Небольшая и все уменьшающаяся прослойка рабочей аристократии при помощи этой организационной системы удерживала рабочий класс от борьбы.

Рабочий класс, ослабленный, расколотый, не мог показать образцов успешной борьбы против буржуазии, не мог привлечь на свою сторону мелкобуржуазные и крестьянские массы, не мог привлечь на свою сторону малосознательные элементы из самих рабочих, теперь втягивающихся в политическую жизнь. Социал-демократия всей своей политикой в течение многих лет создала благоприятные условия для проникновения фашизма в массы. Война обострила национализм в Европе, разделив Европу на страны-победительницы и на страны побежденные. Она провела в Европе много новых государственных границ. Национальная буржуазия каждой страны стала перед неразрешимой проблемой рынков, особенно обостряющейся с начала кризиса. Все это должно было вести к росту национализма, шовинизма, к росту идеи реванша среди побежденных в империалистической войне народов. Война создала восприимчивую для националистических идей почву. Она выбросила миллионы людей с производства, превратив их в деклассированных люмпен-пролетариев. Она выбросила за борт сотни тысяч мелких буржуа—чиновников и служащих. Она ускорила пролетаризацию мелкобуржуазных масс и обнищание пролетариата. Кризис чрезвычайно ускорил процесс пауперизации средних слоев и чрезвычайно увеличил армию безработных.

Быстро рос революционный под'ем масс во всех странах. В **Китае** победоносно шествовала вперед антиимпериалистическая и аграрная советская революция. Китайская революция снова показала, что советы являются всемирной формой диктатуры пролетариата, а также демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, и становятся все более популярными во всем мире. В **Испании** началась буржуазно-демократическая революция, показавшая величайшую силу борьбы масс. В **Германии** быстрым темпом росли предпосылки революционного кризиса. Передовая часть пролетариата начала все более открыто ставить в порядок дня вопрос о власти. Борьба внутри буржуазии из-за дележа сокращающихся прибылей приняла острые формы. В этих условиях монополистический капитал начал усиленную организацию своих контрреволюционных боевых отрядов для разгрома революционного движения, собирая вокруг партии Гитлера наиболее шовинистические слои мелкой буржуазии, обещая им укрепление мелкобуржуазной собственности, улучшение положения путем восстановления внешнеполитического величия Германии. Веймарская республика обанкротилась, мелкобуржуазные массы отвернулись от нее, ибо при ней их положение ухудшилось и продолжало ухудшаться с каждым днем. Массы искали выход. Быстро росло влияние компартии в рабочем классе, но компартия не могла обещать немедленного выхода из кризиса и образцами успешной борьбы привлечь на свою сторону мелкую буржуазию.

Поскольку пролетариат не мог дать им быстрый выход из нищеты и

нужды на путях борьбы за свержение буржуазии, мелкобуржуазные массы повернулись к фашизму, надеясь, что фашизм выведет их из нищеты через победу над другими государствами, путем военных успехов. Это привело к националистическому взрыву в Германии в январе 1933 г., которым воспользовался финансовый капитал, поставив у власти фашистское правительство для разгрома рабочего движения.

Те же причины, которые создали в Германии почву для шовинистической волны, усугубляемые приходом к власти фашистского правительства, организующего реваншистскую войну, привели к усилению чешского, французского, английского, голландского, польского национализма, проникновение которого в массы было подготовлено также социал-демократией. Национализм является только прикрытием для самых реакционных мероприятий финансового капитала, для уничтожения завоеваний рабочего класса.

Национализм создал базу фашизма.

Муссолини поднялся к власти на плечах националистических, мелкобуржуазных элементов, обиженных, не удовлетворенных исходом войны, не веривших, что маленькая коммунистическая партия при колебаниях и шатаниях социал-демократии способна привести к революции. Пилсудский воспользовался кризисом 1926 г. в Польше, чтобы во главе националистических элементов приступить к установлению режима политической реакции в условиях, когда пролетарский интернационализм был ослаблен деятельностью ППС. Движение Мосли в Англии растет за счет тех же пауперизированных элементов, национализм которых воспитан лейбористской имперской политикой. Если лейбористы все спасение от нищеты и нужды видели в большой Британской империи, то Мосли им обещает еще «большую Британию». Мусарт мобилизует фашистские силы под лозунгом «Великих Нидерландов», к нему прислушиваются обнищавшие слои голландского народа, стремящиеся на путях национальной империи вырваться из экономического тупика, нужды и нищеты. Французский фашизм растет под лозунгом национальной обороны, под лозунгом защиты завоеваний первой империалистической войны и борьбы за Францию как великую руководящую империалистическую державу.

Кто может приостановить эту волну? Только единое, мощное, действительно интернационалистическое рабочее движение может показать трудящимся массам подлинный выход—пролетарскую революцию. Коммунистические партии были и являются той силой, которая организует борьбу масс против фашизма. Социал-демократия, сросшаяся с национальной буржуазией, являлась и является помехой в этой борьбе. Поражение германского пролетариата в 1933 г. было следствием капитуляции социал-демократии и отказа ее от совместной с коммунистами борьбы. Поражение австрийского пролетариата в 1934 г. было следствием капитулянтской социал-демократической политики, ослабившей рабочий класс и создавшей такие условия, что рабочий класс должен был браться за оружие в наименее выгодных для себя условиях.

Но если социал-демократия оказалась способной организационно удержать массы от борьбы еще в 1932 и 1933 гг., то она благодаря великому примеру СССР оказалась уже неспособной предотвратить рост в широких трудящихся массах сознания того, что единственное спасение для них в социализме. Этим об'ясняются великий под'ем симпатий к СССР и рост коммунистического движения. Социал-демократия оказалась неспособной предотвратить укрепление в широких трудящихся массах сознания того, что единственное их спасение в революции. Поэтому даже германские фашисты вынуждены были переименовать свою националистическую контрреволюцию в национальную революцию, поэтому все фашист-

ские партии вынуждены рядиться в антикапиталистические, социалистические, революционные одежды.

Но именно в этом слабость фашизма. Он разбивает не только коммунистическое, но и реформистское рабочее движение, учитывая, что в условиях нынешнего обострения мирового положения всякая рабочая организация угрожает стать революционной. Но даже мелкую буржуазию нельзя обмануть надолго. Мобилизованные под флагом национализма мелкобуржуазные массы требуют изменения своего положения в современном государстве. Поскольку фашизм, являясь представителем крупного монополистического капитала, их требования удовлетворить не может, эти массы должны отойти от фашизма.

Единым фронтом против войны, к новому туру революций

Установление открытой фашистской диктатуры в Германии и Австрии является следствием социал-демократической политики сотрудничества классов, политики отказа от пролетарского интернационализма и революции и раскола рабочего движения. Оно в свою очередь привело к краху германской и австрийской социал-демократии, к глубокому кризису II интернационала.

Победа социализма в СССР, успешное выполнение плана первой пятилетки, успехи коллективизации, громадный рост мощи и международного веса СССР являются следствием Октябрьской революции и большевистской политики. Победа социализма в СССР привела к мощному росту всех коммунистических партий, в частности коммунистических партий в капиталистических странах, к громадному усилению популярности большевистских лозунгов.

Две политики, две стратегии, две тактики за эти двадцать лет подверглись исторической проверке. Одна привела к фашизму, другая привела к социализму.

Судьба германских пролетариев, лишенных ныне самых элементарных человеческих прав, пролетариев, расстреливаемых фашистами и загнанных в концентрационные лагери, является грозным предостережением против пассивности и несопротивления, пропагандируемых социал-демократией.

Под влиянием контрастов фашистской Германии и социалистического СССР, под влиянием тяжелого положения, нужды и нищеты рабочих масс в капиталистических и колониальных странах, перед перспективой новой мировой войны рушатся реформистские иллюзии, происходит крушение социал-демократической идеологии и политики в массах, происходит поворот масс к коммунизму.

Успехи германской компартии, начиная с 1930 г., были первым признаком кризиса послевоенной социал-демократии. Но кризис обнаружился тогда, когда капитуляция германской социал-демократии перед фашизмом, отказ от единого фронта с коммунистами и от борьбы против фашизма вообще привели к власти террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашистская диктатура разогнала не только коммунистические, но и социал-демократические рабочие организации и начала бешеную подготовку войны в Европе. Это нанесло первый удар вождям II интернационала. Секции II интернационала начинают открыто ориентироваться на империалистические группировки, почти в каждой стране распадаясь на несколько партий и групп. Но степень революционизирования масс еще недостаточна, чтобы вопреки «вождям» пойти на единый фронт с коммунистами.

Вооруженная борьба в Австрии в феврале 1934 г. и поражение

австрийского пролетариата, приведшее к распаду австрийской социал-демократической партии—виновницы этого поражения, были вторым ударом по руководству II интернационала и привели к дальнейшему обострению его кризиса.

Мощные выступления французских рабочих в феврале против фашистских банд, всеобщая забастовка и демонстрации в Париже, заставившие фашистов отступить, показали всему международному рабочему классу, что единственный путь борьбы против фашизма—это путь совместной с коммунистами борьбы, единый фронт всех рабочих. С этого пути вождям французской социалистической партии уже не удалось свернуть массы. Когда коммунисты предложили единый фронт для борьбы за освобождение вождя германского пролетариата, тов. Тельмана, социал-фашисты пытались еще сманеврировать. Но местные организации (Париж, Рон) пошли на соглашение с коммунистами вопреки центральному руководству социалистической партии. Это заставило конференцию социалистической партии принять предложение коммунистов. Это было третьим ударом по II интернационалу.

Все это означает, что ныне происходит крупный поворот масс к революции, что зреют суб'ективные предпосылки победоносной пролетарской революции в ряде стран Европы, что разрушается контрреволюционный единый фронт социал-демократии и буржуазии, что капиталистическая система слабеет.

II интернационал переживает глубокий идеологический и политический кризис. Германская социал-демократия в 1933 г. должна была выбросить свою старую программу, заявить, что она из реформистской партии превращается в «революционную», что она будет «бороться за революцию против Гитлера», «за восстановление демократии путем насильственной революции». Но эта новая программа осталась «достоянием» ее заграничного комитета. Социал-демократические группы внутри Германии высказались, хотя и весьма путано, за диктатуру пролетариата. Многие из них переходят к коммунистам. Отто Бауэр, «вождь» заграничного комитета австрийской социал-демократии, вынужден был заявить, что целью борьбы австрийского пролетариата может быть только пролетарская революция, диктатура пролетариата и построение бесклассового, социалистического общества. Бауэр, конечно, уже не первый раз произносит архилевые фразы, чтобы потом от них отказаться. Но «партия революционных социалистов» в Австрии (бывшая социал-демократическая партия) пошла еще дальше и об'явила, что хотя она за II интернационал, но ее и коммунистов «уже не разделяют ни теоретические, ни тактические вопросы».

Но эти выступления австрийцев за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата очень неприятны их товарищам по интернационалу, чешским, шведским и т. д. министрам. Поэтому II интернационал поручил ответить на них своему секретарю Фр. Адлеру. Главное затруднение при составлении ответа Фр. Адлеру доставляла, очевидно, проблема, как примирить революционную фразеологию австрийцев и немцев с сохранением министерских портфелей чешских, шведских, датских социал-демократов и обеспечить получение таковых английскими лейбористами. Однако он нашел «решение» этой проблемы: в фашистских странах можно вести революционную борьбу и говорить о диктатуре пролетариата, но в нефашистских странах необходимо только защищать демократию, какой бы фашизированной она ни была, вести дальше коалиционную правительственную политику, политику «меньшего зла», бороться против коммунистов

вплоть до запрещения компартий, закрытия газет и т. д., как это делают чешские и швейцарские социал-демократы. Следовательно, в Англии, Франции, США, Чехо-Словакии, Швеции, Дании — мирное врастание в социализм, коалиционные правительства; в Германии и Австрии—«революция» против фашизма.

Но для Фр. Адлера и для всего II интернационала новые затруднения создали Норман Томас, лидер американской социалистической партии, который высказывается за «революцию» в США, хотя и не за диктатуру пролетариата, и Ларго Кабальеро в Испании, который требует революции и диктатуры пролетариата в Испании, что не мешает обоим вести реформистскую политику. С другой стороны, Пайер, лидер венгерской социал-демократии, высказывается за сотрудничество с фашизмом; некоторые итальянские социалисты высказываются даже за возвращение в Италию и приспособление к условиям фашистской диктатуры. Все это, конечно, чрезвычайно осложняет положение II интернационала и его секретаря.

Популярность диктатуры пролетариата в СССР настолько велика, банкротство «демократии» в Германии, Австрии, Испании настолько серьезно, что лозунг «возврата к демократии» уже не может мобилизовать масс. Массы видят, что фашистской диктатуре можно противопоставить только диктатуру пролетариата. Поэтому социал-демократия, отстаивая в большинстве стран буржуазную демократию и ликвидируя ее на деле, вынуждена в странах, где все остатки парламентаризма уже уничтожены (Германия, Австрия и т. д.) признать «диктатуру пролетариата»; в странах где фашизм сочетается с некоторыми остатками парламентаризма (Польша), она выставляет «диктатуру пролетариата особого типа», — во всех случаях, чтобы извратить этот марксистский лозунг. В этом и заключается «гибкая» линия Фр. Адлера. Основой и предпосылкой диктатуры пролетариата, говорят марксисты, может быть только большевистская партия. Но Отто Бауэр и К°, хотя они заявляют, что прежняя австрийская социал-демократия не была революционной партией, решительнее всего борются против принципа централизованной единой революционной партии. Ларго Кабальеро даже отрицает значение такой партии. Говоря о «диктатуре пролетариата», они выступают против «схематического» «русского образца», умалчивают о советах или отрицают советы как форму диктатуры пролетариата. Они стремятся скомпрометировать лозунг диктатуры пролетариата, выставить свою «свободную диктатуру пролетариата» против настоящей диктатуры пролетариата. Кронштадские анархисты в 1921 г. вышли против большевиков с лозунгом «советы без большевиков». Теперь социал-демократы типа Бауэра выступают с лозунгом «диктатура пролетариата без коммунистов, без коммунистической партии, без советов», используя популярность диктатуры пролетариата в массах.

Это означает, что Коммунистическому Интернационалу придется теперь драться с социал-демократами еще в новой плоскости, так как социал-демократы хотят обманывать рабочих по-новому. Это означает, что драка с ними должна идти теперь не только по вопросу—диктатура или демократия, но и по вопросу о существе диктатуры пролетариата.

Но сложнее вопрос о войне.

17 мая 1933 г. в германском рейхстаге Вельс, член Бюро исполкома II интернационала, одобрил внешнюю политику Гитлера, политику подготовки войны. Другие германские социал-демократы поправили Вельса и высказались на словах за поражение фашизма в предстоящей войне. Но ни для кого не секрет, что, если война начнется, не только Вельс и Штампфер, но и Ауфгайзер и Гильфердинг об'явят себя «добрыми немцами» и будут

воевать на стороне Германии. Венгерская социал-демократия уже из'явила свое согласие на поддержку внешней политики Гембеша. Французские и чешские социал-демократы целиком солидаризируются с внешней политикой французской буржуазии. Английские лейбористы разрабатывают программу внешней политики лейбористского третьего правительства.

Резолюция об'единенного заседания генерального совета трэдюнионов и национального исполкома рабочей партии, напечатанная 29 июня 1934 г. в «Дейли геральд», констатирует, что «ни одно правительство не имеет большего влияния в Женеве чем британское», и, исходя из этого, подтверждает необходимость сохранения нынешней внешней политики Британии, и лишь кроме того устанавливает «три гражданских обязанности»:

«а) обязанность настаивать на том, чтобы наше правительство разрешало все свои споры мирным путем и избегало применения силы:

б) обязанность неограниченно поддерживать наше правительство во всех рискованных положениях и во всех последствиях его действий, в случае участия в коллективных мероприятиях против нарушителей мира;

в) отказаться принять необоснованные требования нашего правительства о применении силы при самообороне и настаивать на передаче такого требования на международный суд или арбитраж».

Формулировки этих гражданских обязанностей отдают дань антивоенным настроениям масс, однако во всей резолюции не упоминается Германия, почти обходится молчанием Япония, политика которых беспокоит общественное мнение всего мира, совершенно не упоминается также СССР, против которого в первую очередь направлена теперь агрессия поджигателей войны. Если к этому прибавить, что резолюция считает забастовку против войны в нынешних условиях невозможной и снимает с профсоюзов ответственность за прекращение войны, то становится ясным, что бороться против войны лейбористы и генсоветчики на деле не предполагают, что эта резолюция означает подтверждение единого фронта лейбористов и буржуазии в предстоящей войне. Но в Англии есть и рабочие политики и даже профсоюзники кроме генсоветчиков. Например в те же дни, когда заседали Национальный исполком и Генсовет, заседал и с'езд профсоюза железнодорожников, который высказался за всеобщую забастовку против войны. В Англии есть коммунисты; популярность их растет даже в профсоюзах. Например, на том же с'езде железнодорожников больше трети голосов было подано против отвода коммунистов из делегации на конгресс трэдюнионов.

Еще сложнее для II интернационала вопрос о едином фронте с коммунистами.

Для того чтобы всерьез пойти на единый фронт с коммунистами, необходимо порвать единый контрреволюционный фронт с буржуазией. Еще год назад все социал-демократические партии отвергли предложения коммунистов. Но теперь некоторые из них этого сделать уже не могли. Это показатель того, что революционный под'ем уже охватил и организованных в рядах социал-демократии рабочих. Но соглашение ФКП и французской социалистической партии, единый фронт в Австрии и Саарской области встревожили весь II интернационал, который выступает против единства действий за «органическое единство». Но в порядке дня поставлен именно вопрос о едином фронте, и на этот вопрос приходится дать ответ. Чехословацкие социал-демократы, находящиеся в правительстве, отклонили предложение о едином фронте, ибо это означало бы разрыв с буржуазией, выход из правительственной коалиции. Отклонили предложение также швейцар-

ские социал-демократы. Но в обеих этих демократических странах движение рабочих масс за единый фронт развивается. Коммунисты вступают в соглашения с местными организациями социал-демократии.

Центр тяжести борьбы коммунистов за единый фронт, однако, лежит теперь во Франции. Развитие единого фронта во Франции, Англии и США решает в основном судьбу II интернационала. Она будет решена против «вождей», об этом говорит тот факт, что не только Независимая рабочая партия, но вопреки генеральному совету и национальному исполкому лейбористов и все большее количество профсоюзов Англии начинает принимать участие в борьбе за освобождение тов. Тельмана, в подготовке антивоенного конгресса и антифашистского женского конгресса, в работе антивоенного и антифашистского комитетов. То же самое доказывает движение за единый фронт в США.

Но перед компартиями, добившимися соглашения о едином фронте, стоят еще большие трудности. Социал-демократы пытаются добиться от коммунистов принципиальных уступок, на что ни один коммунист идти не может. Они будут добиваться такого проведения совместных кампаний, которое сдерживало бы движение масс, на что ни один коммунист идти не может. От коммунистов требуется большая бдительность, уменье отразить тысячи маневров, на которые пойдут социал-демократы после заключения соглашения о совместных действиях.

Преодоление раскола рабочего движения началось на основе коммунистической тактики единого фронта. Это ведет к громадному росту сил и активности пролетариата и в дальнейшем к об'единению вокруг него средних слоев или, по крайней мере, их нейтрализации. Вместе с тем поднимается мощная волна рабочего движения. В Германии в подполье организовалась мощная коммунистическая партия, которая на события 30 июня ответила выпуском многочисленных листовок. В Австрии — февральские вооруженные бои, после них процесс об'единения всех лучших сил развалившейся социал-демократии в коммунистическую партию, чему безуспешно пытаются помешать Бауэр и Дейч. Во Франции — в феврале всеобщая забастовка в Париже и с тех пор непрекращающиеся громадные демонстрации и митинги на основе тактики единого фронта. В Испании — непрекращающаяся стачечная волна, громадная забастовка сельскохозяйственных рабочих в июне, обострение борьбы между революцией и контрреволюцией. В Англии — в конце февраля поход безработных и конгресс действия на основе тактики единого фронта с Независимой рабочей партией. В США — громадное забастовочное движение и в июле всеобщая забастовка в Сан-Франциско. В Польше — крупные политические и экономические забастовки в январе, феврале и почти непрерывно до сих пор во всех рабочих центрах. В Голландии — под влиянием компартии четырехдневные уличные бои в июле и демонстрации против снижения зарплаты и уменьшения пособий по безработице. В Греции — в мае всеобщая забастовка во всех крупнейших центрах страны на основе тактики единого фронта. В далекой Австралии коммунисты на основе единого фронта проводят в профсоюзах решение против арбитража...

Эти мощные выступления масс в ответ на натиск фашистов препятствуют установлению террористической фашистской диктатуры монополистического капитала (Франция, Греция), препятствуют проведению фашистских мероприятий (Германия, Австрия), препятствуют снижению зарплаты (США, Швейцария) и ухудшению положения безработных (Англия, Голландия). Они приводят к обострению борьбы внутри буржуазии, начинающей сознавать, что сроки ее господства приближаются к концу. Террористический аппарат германской буржуазии уже дал трещину 30 июня; начался

кризис германского фашизма, а Германия есть и остается решающей страной с точки зрения пролетарской революции в Европе. Националистическая волна в Германии идет на убыль. Скоро она пойдет на убыль и в других странах Европы.

Китайская советская республика, героически обороняясь против армий Чан Кай-ши, показывает колониальным народам путь освобождения от империалистического гнета. Вновь растет движение в колониях, недавно еще раздавленное империалистами, восстанавливаются коммунистические партии Индии, Индо-Китая, Индонезии.

Все это показывает, что зреет революционный кризис. Именно потому, что во всех странах поднимается мощная революционная волна, волна движения трудящихся масс, именно потому, что растут силы и влияние компартий, буржуазия переходит к фашизму и избирает путь войны, пытаясь опереться на националистические, шовинистические мелкобуржуазные массы.

В испуге перед мощным движением угнетенных масс «господствующие классы старательно уничтожают или сводят на-нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры» (Сталин, Отчетный доклад XVII с'езду ВКП(б). Запутавшись в своих противоречиях, не зная, как выбраться из экономического тупика и спастись от грозящей пролетарской революции, «несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку» (Сталин, там же). «Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния 4-летним кризисом и безработицей, становится на путь революции. Это значит, что зреет и будет назревать революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян» (Сталин, там же).

Мир идет не только к войне, мир идет прежде всего к новому туру пролетарских революций, которые зреют под тяжелым гнетом капиталистической эксплоатации и фашистского террора, вызревают в выступлениях единого фронта, в борьбе широчайших масс за освобождение взятых в плен фашистами коммунистических вождей, в экономических и политических стачках, в вооруженных столкновениях, в развязываемой самой буржуазией гражданской войне, в борьбе масс против подготовляемой империалистами новой войны.

Коммунистический Интернационал, основание которого в начале первой империалистической войны было провозглашено Лениным, который в 1919 г. был создан Лениным, вырос в крупнейшую политическую силу, мобилизующую пролетариев и угнетенных всех стран на борьбу против войны за революцию, за власть советов во всем мире.

Большевизм и война

Г. Зиновьев

«Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран».

(Ленин)

«Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

(Ленин)

I

Ныне уже не только друзья и полудрузья, но и враги и полувраги знают или догадываются, что международное революционное рабочее движение—это большевизм, а большевизм—это международное революционное рабочее движение. Это знают передовики-шуцбундовцы, когда они рвут с социал-фашистскими вождями. Об этом догадываются рядовые шуцбундовцы, когда они берут ружья в руки, чтобы оказывать сопротивление фашистам. О шуцбундовцах мы говорим здесь потому, что в силу ряда условий судьба этого отряда австрийских рабочих, вчера еще шедших за социал-демократической партией, лучше всего подтверждает нашу мысль. Но и среди рабочих других стран наблюдается та же передвижка симпатий, только развивающаяся различными, иногда более медленными темпами. Среди рабочих Англии, ныне еще голосующих за лейбористов, тоже есть уже немало таких людей, которые догадываются об указанной истине. Среди французских рабочих, еще связанных с французской «социалистической» партией,—тем более. И в целом ряде стран, в сущности во всем мире, мы видим ту же картину. Да это и не может быть иначе, если вспомнить, какие события легли между 1914 и 1934 годами.

С другой стороны, это до конца знают такие идеологи буржуазии, как, скажем, Шпенглер, который целый «философский» трактат («Решающие годы») построил на констатировании этого печального для буржуазии факта. Об этом весьма и весьма догадываются практические политики буржуазии во всем мире. Фашисты притворяются, будто их лозунг «против марксизма» есть об'явление войны одинаково и коммунистам и социал-демо-

кратии, которую они на словах тоже «включают» в лагерь марксистов. На деле же они прекрасно знают, что с верхами официальной социал-демократии им помириться нетрудно. Своими подлинными врагами они считают только подлинных марксистов (т. е. коммунистические партии) плюс потенциальный марксизм тех рабочих масс, которые сегодня еще не идут за коммунистами, но завтра обязательно за ними пойдут. Фашисты знают или догадываются, что среди миллионов рабочих, еще не примкнувших к коммунистам, живет то, что Энгельс называл «скрытым социализмом масс». Этого скрытого марксизма масс они, конечно, боятся даже и тогда, когда массы еще голосуют за социал-демократию.

В «Открытом письме Суварину» Ленин писал еще в начале 1917 г. (до Февральской революции):

«Истинно-революционные интернационалисты количественно слабы. Это пустяки! Возьмем в качестве примера Францию 1780 года и Россию 1900 года. Сознательные и решительные революционеры, которые в первом случае были представителями буржуазии—революционного класса той эпохи, а во втором случае были представителями революционного класса настоящего времени—пролетариата, были чрезвычайно слабы количественно. Это были лишь единицы, составлявшие максимум лишь 1/10 000 или даже лишь 1/100 000 своего класса. А спустя несколько лет эти самые единицы, это самое, якобы столь ничтожное, меньшинство повело за собой массы, миллионы и десятки миллионов людей. Почему? Потому что это меньшинство представляло действительно интересы этих масс, потому что оно верило в грядущую революцию, потому что оно было готово беззаветно ей служить» [1].

Скоро, очень скоро история подтвердила эти слова вождя мировой революции. И как полновесно подтвердила!

В начале мировой империалистской войны об «изолированности» большевиков кричали все, кому было не лень. Ни одна социалистическая газета во всем мире не соглашалась напечатать хотя бы выдержки из первого антивоенного манифеста ЦК большевиков, написанного Лениным. Лозунг превращения империалистской войны в гражданскую об'являлся «фантазией» и «бредом»! А спустя всего три года этот лозунг стал историческим фактом и вся картина мира изменилась.

Сначала все «авторитетные» вожди II интернационала об'явили, что большевизм «особенно беспочвен» во время войны. Затем, после 25 октября 1917 г., они об'явили, что большевизм есть «специфический продукт» именно войны и что большевики осуществили-де «солдатский» переворот, а вовсе не пролетарскую революцию.

Но война окончилась, а большевизм продолжал расти во всем мире. Тогда стали «доказывать», что в «благоустроенных» странах демократии «бацилла» большевизма во всяком случае нежизнеспособна. «Мы еще понимаем, что в стране царистского гнета могла вызреть эта азиатская форма социализма, но у нас, в демократических странах,—никогда!»—так говорили столпы II интернационала, пересказывая «своими словами» то, что внушала им буржуазия.

Затем наступил период, когда и в странах «демократии», например в Германии дофашистских времен, коммунизм стал расти поистине великолепно. И тогда сочинили новую «теорию», согласно которой большевизм есть «специфический продукт», вырастающий в странах, побежденных в мировой войне. Затем коммунизм начал превосходно расти и во Франции, стране, победившей в мировой войне, и непригодность указанной «теории» и в новой ее версии опять стала очевидной.

[1] Ленин «Новые статьи и письма». Гиз. стр. 27. 1930.

Какое новое «об'яснение» дадут теперь господа «социалисты»?..

20 лет исполняется с начала первой мировой империалистской бойни. Невольно вспоминается пройденный путь.

Август 1914 г. «От имени» России «освободительную» войну об'являет Николай Кровавый. Разгул погромного «патриотизма». Партийные организации большевиков разгромлены. Большевистские депутаты вскоре были арестованы. Гонения приняли характер, невиданный даже в царской России. Поражение и разгром царских армий. Февраль 1917 г. Июль. Великий Октябрь. Гражданская война. Нэп. Переход к мирному хозяйственному строительству. Смерть учителя в 1924 г. Партия под руководством лучшего продолжателя дела Ленина не дает себя сбить с ленинского пути. Поражение всех антиленинских оппозиций. Первая пятилетка и ее громадная победа. Начало второй пятилетки. Рост могущества СССР. Страна, которая еще недавно играла роль международного жандарма, стала самой передовой страной в мире, надеждой и опорой всех трудящихся, гордостью пролетариев всех стран. Мировой кризис капитализма и грандиозный рост социалистического хозяйства в СССР. Индустриализация. Коллективизация. Теперь уже не говорят, что большевизм—«специфический продукт войны». Теперь буржуазия и ее слуги «утешают» себя другим соображением: «Ну да,—говорят они,—конечно, в мирное время они (большевики) быстро подымают свое хозяйство; но ведь пятилетки—«специфический продукт» мирного времени; а вот придет новая война (т. е.—а вот мы навяжем им новую войну), и посмотрим, как они выдержат военное испытание». Господа империалисты говорят так, и в то же время боятся, и в то же время думают: а ведь может случиться и наоборот, а ведь может случиться, что, вызвав новую войну, «мы» сами, своими руками, развяжем новые революции...

И это всего только за два десятилетия! Если переделка мира, если большевизация нашей планеты будет в дальнейшем идти темпами, столь же напряженными—а всего вероятнее, что эти темпы будут еще нарастать,—то жаловаться на монотонность жизни не придется, и новейшим фашистским рецептам буржуазии осталось недолго жить. И без войны, и при войне, и без фашизма, и при фашизме—все равно капитализм обречен. Чем больше «бешеных метаний буржуазии» (Ленин), тем хуже для гибнущего класса. Коммунисты должны знать, что «будущее во всяком случае принадлежит им». Так сказал Ленин. Великие победы, которые мы одерживаем из году в год под руководством Сталина, подтвердили и на каждому шагу подтверждают этот ленинский тезис.

Откуда и куда пришли за эти 20 лет мы, от какого до какого пункта дошел за эти два десятилетия наш класс, наша партия,—это ясно. От небольшой гонимой партии преследуемого меньшинства II интернационала—до могучей мировой коммунистической партии, об'единенной в Коминтерн! От царской России—до Союза советских социалистических республик, обнимающего 1/6 часть мира.

Ну, а «они»—буржуазия и «ее» социал-демократия? Какой итог подведут они тем же двум десятилетиям? Если «они» будут падать вниз хотя бы только с той же быстротой, что в эпоху 1914—1934 гг., то много ли им осталось до полного крушения? Только самые близорукие идеологи капитализма могут утешать себя тем соображением, что у буржуазии есть еще в распоряжении фашистская карта. Гораздо уместнее было бы употребить здесь слово «уже». Не радоваться тому, что у «них» есть еще фашистская глава истории, а горевать по поводу того, что эта фашистская глава уже началась, ибо в последнем счете фашизм семимильными шагами приближает гибель капитализма.

II

Утверждение, что большевизм является «специфическим продуктом» войны, так же неверно как утверждение, будто дальнейшие пролетарские революции вырастут только из новых войн. Но верно то, что только большевизм дал всестороннее, исчерпывающее научное освещение проблемы самой войны и основных сопутствующих ей проблем. Верно то, что в этой сфере большевизм дал мировому пролетариату и—через него—всему борющемуся человечеству так много, такой щедрой рукой, что одного учения Ленина и Сталина о войне было бы достаточно, чтобы сделать большевизм мировым направлением.

Учение Ленина о войне неразрывно связано с его учением об империализме. Ни Энгельс, ни тем более Маркс не дожили до начала империалистского периода капитализма. Они смогли провидеть лишь некоторые из его будущих основных черт. Задача об'яснить новую, последнюю стадию капитализма—его империалистскую стадию—легла на плечи Ленина.

Учение Ленина о войне является одной из важнейших составных частей ленинизма. Не все отдают себе отчет в том, что взгляды Ленина на войну представляют собой целую отрасль ленинизма.

«...Самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий»,—писал в конце 1922 г. Ленин в одной из самых последних своих работ, посвященных вопросу о войне [1].

Учение Ленина о войне сложно уже потому, что оно освещает и задачи пролетариев тех стран, где у власти пока еще «прочно» стоит буржуазия; и задачи колониальных и полуколониальных народов; и задачи пролетариев той страны, где существует уже пролетарская диктатура; и задачи пролетариев тех стран, где она будет существовать завтра; наконец, при освещении задач пролетариата Советской страны (или советских стран) учение Ленина о войне различает *особые периоды в пределах* эпохи пролетарской диктатуры.

Если попробовать очень сжато напомнить то, что дал Ленин по вопросу о войне в 1914—1917 гг., т. е. с начала мировой бойни до великой Октябрьской революции, то можно будет сказать, что главное в работах Ленина за этот период сводилось к следующему:

1. «Реабилитация» Маркса и Энгельса, восстановление их подлинных взглядов на войну и революцию, в борьбе против анархистов (Гильом и К°), против вождей II интернационала, в особенности центристов (с Каутским во главе), против народников (Чернов и К°) и т. д.

2. Анализ нового империалистского периода развития капитализма и в связи с этим—нового характера войн—войн империалистского периода в отличие от войн национальных. В связи с этим разработка закона неравномерного развития капитализма и вытекающего отсюда учения о возможности победы социализма в одной стране.

3. Эпоха империализма есть эпоха реакционных империалистских войн, но она не исключает и войн национально-освободительных—«справедливых», «оборонительных», исторически-прогрессивных войн со стороны угнетенных национальностей колоний и полуколоний. Эпоха империализма прямо предполагает такие войны в Азии, Африке, Южной Америке и т. д. Она не исключает их и в Европе.

4. Отсюда лозунг «самоопределения национальностей» в его ленинской постановке, в смысле права на отделение и образование самостоятельных государств (полемика против люксембургианства и «левых» коммунистов).

[1] Ленин. 3-е изд. Т. XXVII, стр. 372.

5. Нельзя делить войны на оборонительные и наступательные, исходя из того, кто «первый» об'явил войну, кто «первый» напал. Нужно уметь определить конкретное историческое значение каждой данной войны или каждой данной полосы войн.

6. Лозунг «защиты отечества» «вообще», т. е. без учета конкретного исторического значения данной войны, есть отречение от марксизма. Все зависит от того, какие классы и во имя чего ведут данную войну, каков об'ективный, исторический характер данной войны.

7. Каждая внешняя война связана с соотношением классовых сил внутри воюющих стран. Война есть продолжение политики другими средствами.

8. Данная конкретная мировая война (1914—1917) есть война империалистская. Доказательство этого—на основании общего учения об империализме, общей оценки стремлений воюющих стран, оценки их политики, предшествовавшей войне, и т. д.

9. Связь первой всемирной империалистской войны с империализмом как последней стадией капитализма.

10. Мировая война как великий ускоритель мировой пролетарской революции.

11. Империалистскую войну необходимо превратить в войну гражданскую.

12. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения «своему» правительству. Так называемое пораженчество как важнейший элемент тактики пролетарских интернационалистов.

13. Новые империалистские войны неизбежны.

14. Теория ультраимпериализма, мирного империализма (Каутский) есть реакционный вздор.

15. Пролетариату, завоевавшему власть в одной стране, неизбежно предстоит вести революционные войны

16. Лозунг разоружения, пока существует капитализм, есть реакционная утопия. Бери ружье в руки: в решительную минуту ты обернешь его против своей буржуазии. На свете есть еще слишком много такого, что может быть уничтожено только силой оружия.

17. Как сложится мировая пролетарская революция? Социальная революция не может произойти иначе, как ввиде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных странах. Почему? Потому что капитализм развивается неравномерно и об'ективная действительность показывает нам наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями целый ряд наций, очень слабо и совсем не развитых экономически [1].

18. Победа оппортунизма в главных партиях II интернационала может быть об'яснена только в тесной связи с учением Ленина об империализме.

19. Международная организация пролетариата не может быть восстановлена путем взаимной амнистии, которая была бы только новым обманом рабочих. Международная организация революционного пролетариата может быть создана только через прямой раскол с социал-шовинистами и центристами.

20. II интернационал позорно обанкротился. Да здравствует III интернационал!

Таковы важнейшие черты ленинского учения о войне. Но учение это в свою очередь связано со многими другими сторонами ленинизма как целого. Проблема войны теснейшим образом связана с проблемами революции вооб-

[1] Ленин «О карикатуре на марксизм». Собр. соч. 3-е изд. Т. XIX.

ще. Зачастую это две стороны одного и того же. Война и революция. Война и национальный вопрос. Война и крах II интернационала. Война и перерождение социал-реформизма в социал-шовинизм. Вопрос о союзе пролетариата и крестьянства. Все это важнейшие проблемы, разработка которых шла у Ленина в новой обстановке рука об руку с разработкой его учения о войне.

Первичные причины войн гнездятся в капитализме. Пока существует капитализм, войны неизбежны.

Но капитализм знает различные эпохи войн. В основном это три эпохи:

Первую эпоху, начиная с Великой французской революции и до франко-прусской войны, Ленин характеризовал как эпоху под'ема буржуазии, ее полной победы. Это восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений.

Вторая эпоха — эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу, эпоха подготовки и медленного собирания сил рабочим классом.

Третья эпоха, начавшаяся в 1914 г., ставит буржуазию в такое положение, в каком были феодалы в течение первой эпохи,—это эпоха империализма, империалистических войн и начала пролетарских революций [1].

Лозунг защиты отечества был вполне уместным и исторически прогрессивным в первую из очерченных эпох, когда этот лозунг родился.

«Нельзя быть марксистом,—писал Ленин,—не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [2].

Великие буржуазные революционеры были правы, выдвигая лозунг защиты отечества в национальных войнах, когда дело шло о борьбе с феодализмом. В указанном первом периоде дело шло именно об этом.

Ну, а теперь, когда дело идет об империалистской эпохе и империалистских войнах? Ясно, что выдвигать лозунг защиты отечества в этих войнах — значит служить реакционному классу, служить империалистской буржуазии.

В этот же период, как уже сказано, Лениным разработано учение о победе социализма в одной стране—учение, которое отстоял и гениально развил Сталин и которое в десятилетие 1924—1934 гг. получило незыблемое историческое подтверждение.

В известной статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» В. И. писал в 1915 г.:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» [3].

В этой формуле ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране тесно увязано с его же учением о войне.

[1] Ленин. Собр. соч. 3-е изд. Т. XVIII, стр. 108.
[2] Там же, стр. 250.
[3] Там же, стр. 232—233.

«И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности», — вот главный тезис Ленина. С этим «категорическим императивом»: изучай каждую войну в отдельности как марксист-диалектик — большевизм входит ныне и во второй тур войн и революций...

С 25 октября 1917 г. ленинское учение о войне выдвигает и разрешает новые проблемы. Отныне мы оборонцы. Отныне у пролетариата есть отечество, социалистическое отечество. Защита социалистического отечества становится нашим первейшим долгом.

1. Можно ли уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени? Да, можно! Не только можно, но и должно, отвечает Ленин. Ленин и Сталин защищают тактику Брестского мира, выдвигая «теорию передышки», отстаивая ее против тех, кто не понял (или не сразу понял), что в сложившейся тогда обстановке это был единственный путь спасения пролетарской революции в России.

Самый факт победы социализма в одной стране означает, что этой стране придется вести борьбу с окружающими ее странами капиталистического мира. Организовав у себя социалистическое производство, пролетариат этой страны должен будет так или иначе бороться против «остального капиталистического мира», привлекая к себе угнетенные классы других стран и «выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».

2. Может ли первое, только что родившееся социалистическое государство использовать военную схватку между двумя группами всемирных разбойников-империалистов? Может ли оно, лавируя и отступая, эпизодически войти в то или другое военное «соглашение» с одной стороной против другой? Да, может, да, должно! — отвечает Ленин. «Прошу присоединить мой голос, — пишет он, — за взятие помощи у разбойников англо-французского империализма» против германских разбойников. Первая страна пролетарской диктатуры, попавшая в такое затруднительное положение, как советская Россия, на рубежах которой стояли империалистские войска, готовые ежеминутно задушить ее, не только имеет право, но обязана использовать разногласия между двумя группами империалистов, оставаясь, разумеется, верной своим собственным целям, своему собственному знамени международного социализма.

3. Может ли пролетарская страна давать концессии иностранным капиталистам, торговать с ними, платить известную «дань» иностранным капиталистам, чтобы укрепить свое положение и выждать подхода новых пролетарских сил из других стран? Да, может, да, должна! Вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

4. Может ли пролетарская страна в своей международной политике более длительно использовать противоречия между двумя буржуазными государствами или двумя (и более) группами буржуазных государств?

Может и должна!

«Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» [1].

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 498.

Дурачки социал-патриоты видели нашу «гибель» в начале наших сношений с буржуазным миром, в том, что мы начали торговать с иностранными капиталистами. Например это заявлял «марксист» Спарго, которого Ленин называл «американским Алексинским». А Ленин отвечал: верно обратное; нельзя и подыскать лучшего доказательства и моральной и материальной нашей победы над капиталистами всего мира, чем то, что державы, ополчившиеся было на нас войной «и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас» [1].

5. В состоянии ли пролетарское государство, пользуясь передышкой, поднять свое хозяйство, догнать и перегнать буржуазные страны в хозяйственном отношении, развить индустриализацию, устремиться на всех парах вперед?

Да, в состоянии! Да, при правильной политике пролетарское государство сможет достигнуть этого. И на эту цель должно быть устремлено все внимание пролетарской партии, раз она вырвалась из империалистской войны и победоносно окончила гражданскую войну.

Отсюда великий лозунг Ленина «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически».

Партия Ленина доказала, что она твердо помнит завет учителя. Успешное выполнение пятилетки в четыре года — лучшее тому подтверждение. Вся нынешняя работа партии под руководством ленинского ЦК — лучшая тому порука.

Гениальная внешняя политика нашей партии, проводившаяся под руководством Ленина и Сталина и проводимая сейчас под руководством Сталина, добилась таких гигантских успехов, что их должны были признать даже враги.

III

Истины, которые Владимир Ильич в годы первой мировой империалистской войны отстаивал против целого мира врагов, против громадного большинства тогдашних «рабочих» партий, теперь незыблемо вошли в железный инвентарь международного рабочего движения. Переберем здесь только некоторые из самых важных звеньев тактической системы Ленина во время мировой войны.

Возьмем главный лозунг большевизма в этот период—«Превращение империалистской войны в войну гражданскую». Именно этот лозунг Ленина довел антибольшевистские страсти до белого каления. Именно за этот лозунг Ленин был об'явлен «изменником отечеству», «маниаком», «фантастом» и так далее. Именно этим лозунгом Ленин, по утверждению даже тогдашних «левых», больше всего «изолировал» себя в «Интернационале». А что показала история? Что показала вся международная классовая борьба пролетариата? В «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» Ленин, вспоминая это время, писал:

«Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эс-эров и меньшевиков, в лице всей мелко-буржуазной, якобы «социалистической» демократии всего мира, издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». И этот лозунг оказался единственной п р а в д о й — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но п р а в д о й среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов... Нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира... нельзя вырваться из этого ада и н а ч е, как

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 486.

большевистской борьбой и большевистской революцией... Первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратить эту войну между рабовладельцами — из-за дележа их добычи — в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран, над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся»[1].

К этим гордым словам, вошедшим в историю в тот же момент, как они были высказаны, прибавлять нечего.

Лозунгу «Превращение империалистской войны в войну гражданскую» даже противники войны из числа левых (спартаковцы) и центристов (Троцкий) в 1914—1917 гг. противопоставляли другой «лозунг» — лозунг мира. Именно: противопоставляли! В этом было все дело.

Никто не сумел создать в массах такую популярность лозунгам «Хлеба, мира, свободы», как это сумели сделать большевики в определенный период русской революции. Но у них это было не противопоставлением лозунгу «Превращение империалистской войны в гражданскую», а применением его, конкретизацией его, «расшифровкой» его в наиболее понятном для народных масс виде. Так же как лозунг «Долой десять министров-капиталистов» в определенной обстановке стал популяризацией идеи диктатуры пролетариата, так большевистская пропаганда мира в трехчленной формуле «Хлеба, мира и свободы» явилась в определенной обстановке только популяризацией идеи превращения империалистской войны в войну гражданскую.

То же самое, только в другой обстановке, видим мы и теперь, в 1934 году. Никто не добивается мира с большей последовательностью и настойчивостью чем большевистское правительство. Это вынуждены признать даже наши враги. Никто не борется против опасности новых войн с большей страстностью чем коммунисты. Но это удается большевизму только потому, что он остается верен революционной постановке этого вопроса. Военный рост вооружений давно привел бы к войне, если бы за войной не стояла революция еще ближе чем за вооруженным миром. Другими словами: если бы империалисты не знали, что мировой коммунизм сумеет использовать всякую новую империалистскую войну для превращения ее в гражданскую; если бы капиталисты не должны были считаться с тем, что всякую их войну рабочий класс под руководством коммунистов попытается использовать для ускорения пролетарской революции, — они гораздо скорее развязали бы новую войну. Лакеи буржуазии во главе с Каутским упрекают коммунистов в том, что они будто бы «ставят ставку на войну». А между тем двадцатилетие 1914—1934 гг. показало всему рабочему классу, что именно большевикам удалось вырвать первую сотню миллионов людей из ужасов империалистской бойни и удалось это им потому, что они сумели превратить империалистскую войну в войну гражданскую. Всякий, кто имеет глаза, чтобы видеть, не может не констатировать теперь, что в нынеш-

---

[1] Ленин «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Т. XXVII, стр. 27—28. Разрядка наша.—Г. З.

ней напряженной обстановке, когда ружья готовы сами начать стрелять, для дела мира реально работают только коммунисты и работают именно тем, что всякую империалистскую войну они готовятся превратить в гражданскую.

Если бы мы не имели массовых коммунистических партий в ряде стран Европы и Азии, если бы мировой большевизм не воспитал в этих странах целого поколения борцов, беззаветно преданных ленинской идее превращения империалистской войны в гражданскую, — империалисты давно развязали бы новую империалистскую войну. Сторонники «лозунга мира» в той его постановке, какую давали Каутский, Троцкий и К° в 1914 г., на деле помогали и помогают империалистским войнам. А противники такого «лозунга» мира и сторонники превращения империалистской войны в гражданскую на деле работают и для дела революции и для дела мира: они одни заставляют капиталистов хотя бы только на время откладывать новую войну.

Такова диалектика.

Ленин говорил в 1921 г., что вопрос, стоящий теперь перед нами,—«это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов убитых в войне 1914—1918 гг., с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и по-сейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 гг. 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории»[1].

С тех пор, как сказаны эти слова, прошло 13 лет. Если до сих пор дело еще не дошло до новой войны и не были перебиты 20 млн. и искалечены 60 млн. человек, если есть еще какие-либо шансы оттянуть на некоторое время новую империалистскую войну, — львиная доля заслуги в этом принадлежит Октябрьской революции, которая «открыла новую эпоху всемирной истории», и Коминтерну, твердо ставшему на почву превращения империалистской войны в гражданскую. Предотвратить новую войну, в которой убито и искалечено будет 80 и более миллионов людей, может только победа пролетарских революций в решающих империалистских странах.

IV

Где и когда раньше разразится новая война?

Где и когда раньше осуществится единый революционный фронт рабочего класса?

В сущности, именно эти две проблемы являются наиболее актуальными к моменту 20-летия первой мировой империалистской войны. Обе эти проблемы представляют только две стороны одного и того же вопроса, ребром поставленного 4 августа 1914 г.: либо рабочий класс сумеет ликвидировать раскол, внесенный в его ряды буржуазией через социал-демократию, и создаст единый революционный фронт под знаменем большевизма, либо буржуазия учинит еще не одну мировую бойню и перебьет еще не одну сотню миллионов людей во имя интересов различных групп финансового капитала. В последние годы вопрос о едином фронте больше всего связывали с вопросом о фашизме. В действительности это вопрос не только о фашизме, но и о новой войне. Впрочем фашизм, кроме всего остального, ведь означает именно войну.

---

[1] Ленин «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Т. XXVII, стр. 27. Разрядка наша.—Г. З.

Ход и исход первой мировой империалистской войны оставили нам и для нынешнего времени именно эту постановку вопроса. Победа пролетарской революции на $^1/_6$ части земного шара нанесла громадный удар империализму, но гарантии против новых империалистских войн Октябрьская победа в себе самой еще не заключала. В статье «О тезисах по аграрному вопросу французской компартии» Ленин в декабре 1921 г. писал:

«Нет сомнения, что революция пролетариата одна только может положить конец и несомненно положит конец всяким войнам вообще. Но было бы пацифистской иллюзией думать, что победоносная революция пролетариата в одной стране, например, во Франции, сразу и наверняка уничтожит всякие войны.

Опыт России наглядно опроверг эту иллюзию» [1].

Борьба пролетариата капиталистических стран против новых войн получает, разумеется, гигантскую поддержку в том факте, что на $^1/_6$ части земного шара существует и процветает социалистическое государство. Но сразу и наверняка уничтожить всякие войны победа эта еще не может.

Единый фронт становится «вопросом всех вопросов» прежде всего именно потому, что без новых революций пролетариата неизбежны новые войны. Подспудные стремления рабочей массы — в том числе и беспартийных и социал-демократических рабочих — к единому фронту растут, ибо масса чутьем улавливает приближающуюся новую военную грозу. Исполняются сроки. Надвигается новая война. И либо все мы, рабочие, об'единимся и свергнем буржуазию, либо она вновь заставит нас воевать, заставит нас гибнуть за дело империализма—эта альтернатива стучится в сознание рабочего-«середняка» во всем мире.

Ряд важнейших симптомов говорит о том, что Коминтерну в ближайшую эпоху предстоят громадные успехи именно в области реализации единого рабочего фронта. Ряд симптомов говорит о том, что в этой области коммунистам предстоит пожать обильную жатву и собрать теперь «в закрома» то, что было посеяно за целых 15 лет.

Две названных проблемы являются сейчас в указанном смысле главными. Ключ к вопросу о сроке и месте новой войны больше всего в данный момент находится в Англии. Ключ к вопросу о сроке и месте победы единого рабочего фронта больше всего в данный момент находится во Франции.

Остановимся на этих двух вопросах подробнее.

В сочинениях Ленина разобран целый ряд вариантов второго тура войн, причем Владимир Ильич всегда оговаривался, что знать точно срок и группировку империалистических держав невозможно. На несколько лет раньше или позже—этого знать точно невозможно. Сначала Америка против Англии, или Япония против Америки, или Америка против Японии плюс Англия—этого знать абсолютно точно нельзя. В какой именно комбинации и в какой именно срок империалисты начнут новую войну против СССР—этого тоже с абсолютной точностью знать нельзя. На XVII с'езде партии товарищ Сталин, развивая учение Ленина о войне, наметил ряд вариантов войны, вытекающих из мировой обстановки, как она сложилась через 10 лет после смерти Владимира Ильича и спустя 20 лет после начала первой мировой империалистской войны.

Один из этих вариантов, естественно, интересует международный пролетарский авангард больше всего и прежде всего. Это возможная коалиция японского империализма с фашистской Германией под руководством и протекторатором английского империализма против СССР. Этот империалистский «треугольник» до самого последнего

[1] Ленин. Собр. соч. Т XXVII, стр. 102.

времени вырисовывался все более четко как главная опасность для международного пролетариата на ближайший период.

Если японский империализм несколько отложил решительные действия, то это, во-первых, потому, что он сейчас «в уме» складывает рост своих вооружений с ростом германских вооружений и, противопоставляя сумму этих слагаемых росту вооруженных сил СССР, приходит к выводу, что все еще надо «довооружаться». И, во-вторых, потому, что европейский союзник и покровитель, который должен руководить всем предприятием, в значительной мере финансировать его и обеспечить ему дипломатический и всякий другой тыл, еще не сказал решающего слова.

Во всяком случае, не мировой большевизм будет возражать против «отодвигания» войны, какими бы мотивами оно ни об'яснялось. Мы помним слова Ленина о «самой главной победе, которую мы одержали над Антантой».

«Мы у нее отняли ее солдат, — писал В. И. — Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств...

Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы все революцию начинали, указывая на которую, мы говорили, что как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы окупятся развитием международной революции, которая неизбежна»[1].

Эти слова учителя мы помним. К тому же: что касается «бесконечного военного и технического превосходства», то времена не только меняются, но уже изменились...

Мы знаем, что, кроме четырех действий арифметики, существует еще высшая математика и что политика ближе к последней, как говорил Ленин.

Мы понимаем подлинные мотивы японских и германских империалистов и их покровителей. И мы внимательно всматриваемся в положение каждой из этих стран.

Внутреннее положение Японии отнюдь не улучшается.

Внутреннее положение фашистской Германии ухудшается с каждым днем, а после событий 30 июня 1934 г. будет ухудшаться еще быстрей. Фашистская буржуазия стремится начать внешнюю войну, надеясь через войну одним ударом выправить свое положение. Но без поддержки со стороны британского империализма она не может ни довести до конца свои вооружения, ни тем более начать войну. Англия выступает до известной степени суперарбитром между Францией и Германией. Англия диктует Италии ее отношение к Германии.

В этом смысле «ключ» сейчас больше всего в руках Англии.

Ну, а в каком смысле ключ к вопросу о победе единого фронта больше всего находится сейчас во Франции?

Во Франции в настоящий момент быстро назревает разрешение вопросов и о реализации фашистского переворота и о начале превентивной войны. Фашистское крыло французской буржуазии черпает из внутреннего положения Франции: ее экономики, результатов кризиса, финансового положения, рабочего вопроса и т. д. и т. п. — немало «аргументов» в пользу необходимости фашистского переворота. Но все же самые решающие «аргументы» оно черпает из сферы иностранной политики. Если в Германии у власти фашисты, если фашисты бешено вооружают Германию, если британский империализм «слегка» поддерживает в этом фашистскую Германию, если итальянский фашизм, имея конфликт с Германией из-за Австрии, в то

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 594—595. Разрядка наша.—Г. З.

же время не возражает против германских вооружений, — то для влиятельных кругов французского империализма это не может не быть решающим аргументом в пользу создания фашистского режима у себя, во Франции, главным образом для организации войны, которую часть французской буржуазии хочет трактовать как превентивную. Победа фашизма во Франции в небывалой степени приблизила бы начало новой мировой войны. Сколько бы ни болтали Розенберги о «мировом фашизме» и «фашистском интернационале», в действительности международно-организованный фашизм невозможен, как невозможен международно-организованный капитализм вообще. Нет никаких сомнений, что фашистская Франция и фашистская Германия втянулись бы в военное столкновение — при прочих равных условиях — быстрее и острее нежели Франция и Германия при «нормальном» «демократическом» режиме. Либо это, либо их временная сделка непосредственно против СССР и в определенный момент все-таки бешеная драка между Францией и Германией.

Такова диалектика.

Однако фашистский переворот во Франции вызревает после фашистских переворотов в Германии, в Австрии и т. д. Этот чисто хронологический момент имеет немалое политическое значение. Берлинские и венские уроки оказали громадное влияние на рабочий класс Франции и на французские народные массы вообще. Французский пролетариат чувствует, что фашистский переворот в Париже, при теперешней мировой обстановке,—это наверняка новая мировая война со всеми ее ужасами, не говоря уже об ужасах самого фашизма. Французский фашизм ныне представляет уже большую силу, но все же еще далеко недостаточную для того, чтобы рискнуть прямо прорываться к власти. Мелкая буржуазия французским фашизмом не завоевана, а весь пролетариат уже становится на дыбы против фашизма (между прочим, именно потому, что дело происходит после Берлина и после Вены). Уроки германских событий июня 1934 г. еще усилят сопротивление французских рабочих. Рабочий класс Франции имеет все шансы не пустить фашистов к власти. Но это возможно только в том случае, если пролетарский авангард сумеет создать единый революционный рабочий фронт против социал-фашистской верхушки, которая бахвалится своими «антифашистскими» устремлениями, но которая на деле и во Франции расчищает дорогу фашизму.

События января—февраля 1934 г. во Франции показали, как реальна, как близка там опасность фашистского переворота. Но они же показали, как близок, как возможен единый рабочий фронт во Франции и какую гигантскую силу он представит, если будет осуществлен под руководством коммунистов. Если этот единый фронт во Франции осуществится, тогда станут возможными события, еще куда более грандиозные чем февральская всеобщая стачка 4 миллионов. Тогда французский пролетариат распрямит свою спину и покажет дорогу рабочим Англии, Германии, Австрии и ряда других стран. Крик галльского петуха в нынешней напряженной атмосфере встретил бы могучий отклик рабочих всего мира, среди которых усиленно «зреет идея штурма». Победа тактики единого революционного фронта во Франции показала бы пролетариям всех стран, «как это делается». Это был бы одновременный удар и по фашизму и по опасности войны. Это был бы такой удар по социал-фашизму, который добил бы подорванную социал-фашистскую верхушку в ряде стран. Это было бы такое великое событие, которое получило бы особенно большой отклик в Англии, где вопрос о сроках войны решается всего непосредственнее.

Фашистский переворот во Франции ближе всего отразился бы в Англии. Именно здесь он имел бы самые роковые последствия. И наоборот: победа единого революционного фронта во Франции возымела бы опять-таки громадное влияние в Англии и, разумеется, также в Германии и ряде других

стран. Это было бы такое благотворное событие, которое во многом повернуло бы весь ход вещей в пользу мирового пролетариата.

Говоря так, мы, разумеется, нисколько не умаляем значения борьбы за единый революционный фронт в других странах капитала, прежде всего в Германии и Австрии, где фашисты уже у власти. Добиться об'единения всего германского рабочего класса (или хотя бы его большинства) под руководством коммунистов — задача всемирно-исторического значения. Сбросить фашизм в Германии, Австрии и других странах тоже означает ударить и по опасности войны и по опасности новых фашистских переворотов. В английской буржуазной печати попадаются известия, что после событий 30 июня 1934 г. влияние коммунистов в Германии «распространяется как лесной пожар». Успехи германских и австрийских коммунистов в проведении тактики единого фронта имеют и будут иметь благотворное влияние на ход событий и в Англии и во Франции. Но все-таки главное звено сейчас в этом отношении — Франция. Здесь вопрос особенно актуален. Французская арена классовой борьбы сейчас особенно выпукло видна рабочим всех стран. Здесь рабочее движение еще не загнано в подполье. Здесь каждый шаг передовых рабочих в борьбе за единый фронт немедленно становится достоянием гласности. Здесь непосредственный исход борьбы сейчас решает особенно многое для ближайшего развития событий. Отбить натиск фашизма во Франции и развернуть дальнейшее наступление единого рабочего фронта сейчас означает оказать громадное влияние на ближайший ход мировой истории.

Вот в каком смысле мы говорим, что ключ к единому рабочему фронту сейчас больше всего находится во Франции.

Французская компартия становится во главе борьбы за единый рабочий фронт во Франции. Социал-фашистской верхушке становится все труднее маневрировать. Тот «вариант», который начал теперь осуществляться во Франции, есть не худший из вариантов. Тяга к единому фронту распространяется сейчас среди французских рабочих с изумительной, прямо-таки стихийной силой. Это симптом. Это надежда.

Чтобы правильно осуществить эту великую задачу, французская компартия должна была очиститься от перебежчиков (Дорио), играющих на стремлении рабочих к единому фронту для того, чтобы протаскивать фактическую ликвидацию компартии.

Когда в органе Дорио (статья Venet в журнале «Эмансипацион» от 28 апреля 1934 г.) пишут: «Мы хотим победить фашизм. Мы знаем, что только единство всех сил, заявляющих себя (se réclamant) антифашистскими, может привести нас к цели», — это есть «тактика» слияния с социал-фашистами и срыва единого революционного фронта. Ибо социал-фашистская верхушка, конечно, «заявляет себя» антифашистской, но на деле как и в Германии расчищает дорогу фашистам. Когда Дорио против ЦК компартии пишет (в том же журнале от 12 мая), что рабочим «надоели уловки, выдвигаемые как помеха делу об'единения с другими фракциями (!) рабочего класса (avec les autres fractions de la classe ouvrière), то ясно, что человек, который договорился до этого, порвал с коммунизмом. Назвать современную официальную «социал-демократию», т. е. ее официальные верхи, «фракцией» рабочего класса, с которой должна об'единиться другая «фракция» рабочего класса (т. е. коммунистическая партия),—значит перейти на сторону врага.

После исключения из партии Дорио окончательно снял маску. На собрании в Сен-Дени 5 июля 1934 г. Дорио уже открыто нападает на СССР и провозглашает: «Необходимо соединить революционный динамизм компартии с огромным политическим опытом социалистической партии, с тем чтобы создать большую настоящую пролетарскую партию». А 15 июля 1934 г. Дорио

печатает в социал-демократическом «Попюлере» письмо, в котором заявляет: «Партия, предлагающая единство действий, не имея в виду в дальнейшем добиться организационного единства, употребляет нечестный маневр, который следует с негодованием отвергнуть».

Дорио перешел на сторону Блюма и К°.

Только очистившись от таких «друзей» единого рабочего фронта, французские товарищи смогут осуществить подлинный единый фронт, как его защищает Коминтерн.

V

Тема «большевизм и война» непременно включает в себя тему «большевизм и борьба за единый революционный фронт рабочих». Эта последняя тема является самой злободневной в мировом рабочем движении к 20-летней годовщине империалистской войны. Это — то звено, за которое надо теперь всеми силами ухватиться, чтобы вытащить всю «цепь».

Но, разумеется, залог победы — только в той постановке, которую дает этой проблеме Коминтерн.

Двадцатилетие (1914—1934) капитализм в Европе прожил «за счет» социал-демократии. Если бы европейская социал-демократия в 1914 г. окончательно не перешла на сторону буржуазии, если бы она не поддержала разбойничью империалистскую войну, если бы она в начавшихся к концу войны революциях не выступила рука об руку с офицерским корпусом буржуазии в роли усмирительницы рабочих восстаний,—капитализм уже давным-давно был бы свергнут в ряде европейских стран.

Об этом нельзя ни на минуту забывать и теперь, когда опасность новой войны надвинулась вплотную и когда с перспективой новой войны в довольно близком будущем необходимо считаться как с чем-то весьма реальным. Официальная социал-демократия сошла нанет в целом ряде стран. Но, тем не менее, она продолжает оставаться важнейшей социальной опорой буржуазии в рабочем движении как «демократических», так и фашистских стран. Особенно, когда новая война начнется, услуги социал-демократии будут сугубо нужны буржуазии.

В чем состоит сейчас важнейший «социальный заказ», получаемый официальной социал-демократией в тех странах, где еще существует «демократический» режим? Больше всего и прежде всего—в идеологическом оправдании империалистской внешней политики буржуазии данных стран, в оправдании подготовки войны «своим» империализмом. Дело это для империалистской буржуазии не маленькое. В народных массах всего мира еще живы воспоминания о первой империалистской бойне, отвращение к ней, ужас перед войной, вражда и ненависть к войне. Поднять массы на новую войну за контрреволюционные империалистские цели — дело крайне трудное для самых «демократических» правительств. Без уверенности в поддержке со стороны своих «социалистов» решиться на это дело невозможно, ибо только при их помощи можно еще рассчитывать вновь расколоть «свой» рабочий класс, внести в его ряды колебания, увлечь хотя бы часть его на поддержку войны.

В этом отношении особенно характерно положение в Англии, которая все еще является важнейшей твердыней империализма в Европе и одной из сильнейших империалистских твердынь во всем мире. Ключ к вопросу о сроках новой империалистской войны в данный момент в данной конкретной международно-политической обстановке, как мы уже говорили, больше всего в руках Англии. Но без поддержки со стороны «своей» «рабочей партии» британский империализм не может решиться развязать новую

войну. И в этом смысле состояние умов в «рабочей партии», ее политика, настроение массы ее членов имеют гигантское значение.

Что народные массы Англии—и прежде всего рабочие массы—настроены против войны, это ясно. Более того. Рабочие массы Англии чуют, что ключ от сроков новой войны сейчас больше всего находится в руках британских империалистов. Народные массы Англии смутно догадываются, что именно в Англии больше всего решается сейчас этот вопрос, что именно в Англии, в кругах твердолобых, вызревает адский замысел, что именно здесь в тайне «рождается» война, что именно здесь, за спиной народа, вершится это темное дело, что именно в котле британского империализма больше всего варится эта отрава, несущая смерть десяткам миллионов людей. Народные массы, поддерживающие английскую «рабочую партию», смутно об этом догадываются и больше чуют правду, нежели знают и понимают ее, ибо ясно и точно понять дело мешает им именно «рабочая партия», сознательно и планомерно дезориентирующая рабочих в этом коренном вопросе.

Вожди английской «рабочей партии» действуют в этом пункте особенно искусно, опираясь и тут на традицию своей многоопытной и искушенной в обмане народных масс буржуазии. «Рабочая партия» очень ловко играет на тревоге народных масс, опасающихся того, что именно в Англии сейчас «делается» новая война. Именно вокруг этого, вокруг вопроса о подготовке новой войны, будет идти, вероятно, вся избирательная борьба на общих выборах в английскую Палату депутатов, если только эти выборы будут происходить в «нормальной» обстановке, без особых сюрпризов. Это очень важно понять, дабы отдать себе отчет и во всех дипломатических маневрах английской буржуазии на внешней арене. Вожди английской «рабочей партии» очень искусно пускают сейчас в ход пацифистские мелодии и, эксплоатируя ненависть народных масс к новой войне, опять привлекают на свою сторону рабочих и мелкобуржуазных избирателей. Именно *на этом* покоятся все избирательные успехи «рабочей партии» в последний период. В то же время заправилы «рабочей партии» *на деле* всюду и везде *поддерживают* и *защищают* иностранную политику британского империализма, готовящего новую войну и только выбирающего для этого более «подходящую» ситуацию и более «удобную» группировку сил.

Пацифистские фразы для масс и реальная поддержка «своего» империализма на деле!—такова политика вождей «рабочей» партии.

Присмотритесь поближе к разделению труда между Макдональдом и Гендерсоном! Английская буржуазия, когда это ей понадобилось, произвела «маленький» раскол в «рабочей партии» и взяла себе в премьеры виднейшего и популярнейшего вождя «рабочей партии» — Макдональда, создав для него полуфиктивную группу под названием «национал-лейбористская партия». Буржуазия держит Макдональда в премьерах, хотя консерваторы имеют гигантское большинство в палате и могут в любой момент посадить премьером своего твердолобого. Это делается потому, что так легче обмануть рабочих, в особенности—в вопросе о новой войне. Макдональд десятки лет выступал как пацифист. При его помощи легче вести подготовку к новой войне.

Гендерсон перешел в «оппозицию» к правительству. Он признанный лидер «рабочей партии», после того как из нее ушел Макдональд. Гендерсон пожинает сейчас избирательные лавры, клянется и божится перед массами, что он «против войны», что он пацифист. А на деле он помогает внешней политике британского империализма не менее эффективно чем Макдональд. Именно Гендерсону — лидеру «оппозиции» — не шутите! — британский «разоружению», т. е. дал ему место, наиболее «удобное» для обмана рабочих империализм поручил председательствовать в Женеве на Конференции по масс. Британский империализм сам дал в руки «страшному» вождю «оппо-

зиции» те ноты, по которым сей вождь оппозиции должен петь оппозиционно-пацифистские арии.

Когда недавно (летом 1934 г.) в Женеве на Конференции произошла стычка между английским империализмом (Саймон) и французским империализмом (Барту), страшный вождь «оппозиции» Гендерсон, несколько позабыв свою роль, так распинался в пользу «своего» империализма, что самим хозяевам пришлось его одернуть и умерить его пыл. В Женеве на деликатнейших поручениях Гендерсон нисколько не менее полезен британскому империализму чем Макдональд.

Макдональд и Гендерсон раскололись, вернее, их расколола английская буржуазия, потому что ей это нужно в интересах империалистской внешней и внутренней политики. Буржуазия установила между ними определенное разделение труда. Если завтра ей понадобится, она произведет еще один—два раскольчика в «рабочей партии» и переставит «вождей» так, как это нужно для лучшего обмана масс.

В 1933 г., на Брайтонском конгрессе, лейбористы сочли необходимым для завоевания симпатий встревоженных опасностью войны рабочих принять резолюцию, в неопределенных выражениях намекающую на возможность об'явления всеобщей стачки в случае войны. А 29 июня 1934 г., на заседании об'единенного руководства «рабочей партии» и трэдюнионов вопрос об отношении к войне поставлен был заново и принято решение о «непрактичности» всеобщей стачки! Война близится, и надо развязывать себе руки. Поэтому выгодно намекнуть, что, может быть-де, Англии придется вести войну против фашистской Германии и такой войне «мы» должны помочь.

Гендерсоны, конечно, прекрасно знают, что на деле английский империализм, когда это ему выгодно, в иных важных вопросах поддерживает фашистскую Германию, помогает ей вооружаться, покровительствует ее блоку с Японией против СССР. Так было, по крайней мере, до самого последнего времени. Но лейбористские двурушники ловко используют ненависть английских народных масс к германскому фашизму, чтобы провалить «раз навсегда» идею всеобщей стачки, посеяв среди рабочих мысль об ее «непрактичности». Англия не должна участвовать в «агрессивной» войне. В случае же «оборонительной» войны следует защищать империю, говорится в резолюции. Ну, а какая война является «агрессивной» и какая «оборонительной», это уж Гендерсоны в свое время «раз'яснят». Не впервой!

Нельзя ни минуты сомневаться в том, что, когда пробьет час войны, Гендерсон и К° активно встанут на сторону «своего» империализма, как это было и в войне 1914—1918 гг. А пока что они улавливают массы пацифистскими лозунгами, ибо это пока выгодно самим империалистам. Без Гендерсонов британский империализм не мог вести войну 1914—1918 гг. и тем более не может вести войну теперь. «Пацифистская» игра вождей социал-демократии имеет поэтому очень большое значение, и опасность этой игры нельзя недооценивать. Можно даже сказать так: в послевоенный период у социал-демократических вождей было два козыря: 1) использование лозунга «Демократия против диктатуры» и 2) антивоенные фразы. После того как война окончилась, стали выгодны пацифистские клятвы: никогда, мол, мы не допустим новой войны.

Первый лозунг (демократия против диктатуры) явно выдохся или выдыхается после событий в Германии, Австрии и т. д., но второй (пацифистские заверения) еще действует.

В рабочей среде, в народных массах многие еще верят, что официальная социал-демократия войны все же не хочет и будет бороться против нее. В частности в Англии еще верят, будто «рабочая партия» «против войны».

Членская масса «рабочей партии» действительно против войны. Так было и в 1914 г. в Германии да и в ряде стран. Но в решающий момент именно

поведение вождей, поведение официального аппарата партии и социал-демократических профсоюзов получало гигантское значение, потому что вожди действовали в полном согласии со всем аппаратом буржуазных правительств. Когда в ходе войны 1914—1918 гг. Каутский, Троцкий и К° пробовали доказать, что большевики «преувеличивают» роль социал-демократических вождей, и ссылались на то, что-де и сами массы поддались патриотическому угару (аналогичные «доводы» те же люди приводят теперь по поводу фашистского переворота в Германии и Австрии), Ленин отвечал:

«Военная организация (т. е. военная организация империалистов.—*Г. З.*) была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» поодиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету своих вождей) или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию» [1].

На это же рассчитывают социал-демократические вожди и теперь, перед новой войной. «Мы», мол, их (рабочих) убаюкаем, захлороформируем, успокоим до поры до времени пацифистскими фразами, а «они» в свое время поставят перед каждым из них поодиночке ультиматум: иди в войско или — расстрел! Сами по себе официальные вожди социал-демократии, конечно, большой силы не представляли бы. Но в сочетании с государственной машиной буржуазии, могущей в решающий момент поставить рабочих «поодиночке» перед гильотиной этакого ультиматума, они сила. И в этом смысле нынешней, хоть и сильно потрепанной, социал-демократии предстоит еще сыграть крупную роль в предстоящей войне. В этой функции она очень ценна для буржуазии, не менее ценна чем фашисты.

VI

Выше мы говорили о «демократической» Англии. Но и в фашистской Германии mutatis mutandis (со всеми необходимыми различиями, вытекающими из различия обстановки) роль социал-демократических вождей в вопросе о новой войне та же. Какие бы «левые» манифесты теперь ни писали из Праги старые вожди германской социал-демократии, факт остается фактом: на единственном заседании гитлеровского рейхстага в котором участвовала социал-демократическая фракция (17 мая 1933 г.) и на котором обсуждались вопросы иностранной политики Германии, социал-демократические депутаты (65 человек) высказались и голосовали за программу, изложенную с трибуны рейхстага Гитлером. И это, — когда еще войны не было! И это — в момент, когда Гитлер обрушивал на голову социал-демократической партии жестокие репрессии! Ну, а когда война начнется, когда социал-демократические вожди будут стоять «на почве уже совершившихся фактов» и когда их опять поманят пальцем? В упомянутом «историческом» заседании рейхстага. Гитлер в ответ на любезные декларации социал-демократического вождя Вельса бросил социал-демократическим депутатам: «Вы приходите слишком поздно, но вы все же приходите». Ну, а в начале новой войны им скажут, конечно: «Вы приходите все же не слишком поздно»—и их услуги оценят!

Фрондирующие вожди итальянских социал-демократов, вынужденные сейчас пребывать во французской эмиграции, иногда намекают, что в случае войны Франции с Италией они будут на стороне первой; а австрийские социал-демократы намекают, что они будут на стороне Чехо-Словакии, про-

[1] Ленин. «Крах II интернационала». Т. XVII, стр. 265—266.

тив Австрии. Но, во-первых, в их постановке вопроса это ничего общего не имеет с «пораженчеством» пролетарских интернационалистов, как его защищали Маркс и Энгельс, как его проповедывали Ленин и Сталин в эпоху мировой империалистской войны. А, во-вторых, от слов до дела еще далеко. Как только «свое», хотя бы фашистское правительство поманит их, многие из верхушки официальных вождей тотчас же бросятся в его об'ятия.

Элементарный долг всякого, кто чувствует связь с рабочим делом, заключается в том, чтобы уже теперь, раньше, чем война началась, заявить: «Во всяком случае и при всех условиях я буду на стороне СССР, отечества пролетариев всех стран, против всех буржуазных «отечеств», в том числе и «моего». Но именно этой элементарной декларации не делает ни один из вождей современной социал-демократии ни в «демократических», ни в фашистских странах. Куда там! Даже самые «левые» из них еще совсем недавно травили СССР, клеветали на всю политику пролетарского государства. Даже «левый» Отто Бауэр на марсельском конгрессе II интернационала (1925 г.) провел резолюцию, в которой говорилось: «Если раньше необходимо было бороться за признание России и против капиталистической интервенции (что-то никто не заметил этой «борьбы».—*Г. З.)*, то теперь нужно думать о том, как охранить соседей России от русской империалистской (!) интервенционистской (!!) политики». Мы не говорим уже о выступлениях Вельсов, Гендерсонов и К°, защищавших в свое время ультиматум Керзона, и т. п. Достаточно вспомнить, как держали себя официальные органы II интернационала во время конфликта СССР с китайскими генералами из-за КВЖД.

Затаенная мечта наиболее «законченных» представителей социал-фашизма заключается в том, чтобы «они» (та или другая империалистская коалиция) в войне свергли большевиков, а потом призвали бы «нас» (социал-демократов) для мирного строительства на базисе «возрожденной» демократии. Немножко «обрезать» фашистов и зарезать при этом коммунистов — вот реальная программа официальной верхушки нынешних «социал-демократических» партий в ряде стран. Это единственная «перспектива», которую эти господа считают «реальной». Мы нисколько не преувеличиваем. Перелистайте «левый» орган германской социал-демократической эмиграции «Новый форвертс». О чем мечтает эта газета? О том, чтобы внутри Германии фашистская диктатура сменилась военной диктатурой какого-либо рейхсверовского генерала. Это они считают единственно реальной перспективой. Такая военная диктатура неминуемо призовет «нас», рассуждают они, и в то же время будет душить коммунистов. Ну, а что касается внешней политики, то, конечно, она должна остаться «национальной» (читай: империалистской), и тут «отечество» (читай: капитал) может на «нас» рассчитывать целиком.

В фашистских странах официальная социал-демократия сейчас «в оппозиции». Именно — «в оппозиции». Рабочая социал-демократическая масса ненавидит весь фашистский строй, и в ней «зреет идея штурма». Для нее дело идет о революции, а не об оппозиции. А старая официальная верхушка—мы говорим не о низовом и даже не о среднем функционере, а именно о политической верхушке—чувствует себя «в оппозиции». Что эта верхушка является и сейчас важнейшей социальной опорой «своей», хотя и фашистской, буржуазии в лагере рабочих,—это звучит иногда преувеличением. Но это факт. Главное, что нужно сейчас фашистской буржуазии в области внутренней политики, это—«не свергай меня силой, доказывай рабочим, что коммунисты предлагают нечто неприемлемое ни при каких условиях, что диктатура пролетариата гибельна», доказывай, что идея всеобщей стачки и вооруженного восстания есть «химера» и «преступная демагогия»! Ты (социал-демократический «вождь») можешь при этом употреблять какие угодно «левые»

фразы, но ты делаешь нужное «нам» дело. Оставайся на почве «оппозиции», борись против нас на почве «оппозиции», но раз ты мешаешь «им» (коммунистам) об'единять рабочих на почве революции, раз ты против того, чтобы свергать фашистский режим насильственно,—ты нам полезен, ты наша опора. Ну, а что касается внешней политики, тут ты пригодишься нам еще больше. Побывав «в оппозиции», ты будешь нам еще полезнее тем, что в решающий момент заявишь, как заявил 4 августа 1914 г.: «В минуту опасности мы не оставим своего отечества без защиты». Что ты поступишь именно так, за это ручаются все твое «славное» прошлое и вся твоя позиция по отношению к СССР сейчас...»

Так или приблизительно так рассуждают вожди буржуазии в фашистских и полуфашистских странах. Японские социал-демократические вожди, все эти господа Такахаси, Иномата и К°, служат «своему» империализму так, как это вытекает сейчас из японской обстановки. Сейчас их роль для буржуазии меньше, чем она станет во время войны. Гендерсоны и Макдональды служат «своему» империализму так, как это вытекает из английской обстановки. Итальянские социал-демократические вожди, живущие в эмиграции уже десяток лет, не перестали быть «принципиальными» защитниками буржуазного отечества в империалистской войне и позволяют себе только «оппозиционные» бутады, чтобы набить себе цену. Германские и австрийские социал-демократические вожди, вроде Вельса, Каутского, Гильфердинга, Реннера, Зейца и Бауэра, журят «свои» фашистские правительства за то, что они приносят ущерб внешней политике «своих» отечеств. Но, будучи в оппозиции к Гитлеру и Дольфусу, иные из этих вождей уже сейчас открыто отстаивают «защиту отечества» в империалистской войне. Блюмы и Форы тоже «в оппозиции» и даже поссорились с Ренoделем и Компер-Морелем, но они согласны с отколовшимися «неосоциалистами» (эти последние играют во Франции до известной степени ту же роль, что макдональдовская группа в Англии,—вариант, вытекающий из современной французской обстановки), но в то же время наперебой с последними тоже заявляют, что они целиком стоят за «защиту отечества» в империалистской войне. А Вандервельде и К° все это санкционируют от имени официальных органов II интернационала, направо и налево проповедуя, что «эпоха баррикад миновала», с чем полностью солидаризируются фашисты в тех странах, где они уже являются счастливыми обладателями государственной власти.

Развал современной «социал-демократии» прогрессирует быстрым темпом. На будущее она выдала «задатки» под самые различные группировки, под самые различные «фирмы». На одном фланге — на правом — у нее французская «неосоциалистская» партия, которая на деле является неофашистской партией. На другом фланге—на левом—ряд групп (преимущественно живущих в эмиграции), которые высказываются за «революционную диктатуру». Какова цена этим «левым» группам (мы говорим, конечно, не о тех группах, которые идут к коммунизму, а о тех, которые консервируются для борьбы с коммунизмом), мы хорошо знаем хотя бы по той роли, которую сыграла, скажем, «независимая» социал-демократическая партия в германской революции. Что такие «левые» на деле предают пролетариат, это мы знаем. Об этом не стоит распространяться. Интересно только одно: как они предают его, как они маневрируют сейчас, чтобы сохранить хоть некоторое влияние на рабочих. Их маневры, их лозунги характерны для того, как приходится теперь гримироваться социал-демократическим вождям, какую маску приходится им одевать. Это имеет значение как косвенный показатель тех настроений, какие живут сейчас в среде социал-демократических рабочих, которым коммунисты брат-

ски протягивают руку в общей борьбе против фашизма, против военной опасности, против капитализма вообще.

Среди верхов германской и австрийской социал-демократии этакие «левые» группы плодятся как грибы. И вот особенно интересно, как к ним относятся такие господа, как Карл Каутский. Когда группа германских «левых» выпустила под псевдонимом «Miles» брошюру-платформу под лозунгом «Neu beginnen» («начать все по-новому»), Каутский посвятил ей статью в «Zeitschrift für Sozialismus» (выходит вместо гильфердинговского «Gesellschaft»). И что же? Он целиком солидаризировался с этими «левыми». Их «теоретическую» часть с защитой «революционной диктатуры» он слегка критикует, но их «программу» в целом горячо приветствует и приемлет, ибо он знает, что только в такой «левой» маске еще можно предстать ныне перед социал-демократическими рабочими. Каутский заявляет дословно:

«Недостаток места мешает мне подробнее разобрать теоретические доводы брошюры. Еще многое в ней уязвимо. Но, к счастью (!), это относится только к ее теоретической и критической части. За этой частью идет положительная программа, и эта последняя, к нашей радости, представляет собой нечто совсем другое. К ней мы можем почти без всяких оговорок присоединиться» («Zeitschrift für Sozialismus». Heft 2, S. 57).

Вот именно! Каутский со своей точки зрения поступает неглупо. Этот махровый представитель социал-фашизма совершенно прав, когда он «с радостью» приветствует «положительную программу» «левых», которые обманывают социал-демократических рабочих, заявляя, будто они хотят работать «по-новому». О «теоретической» части мы-де успеем поспорить, а практически вы делаете то, что нам нужно, заявляет Каутский «левым». Одно это заявление Каутского, по немецкому выражению, «равносильно целым томам». Каутский откровенно признал, что иные «левые» делают его дело. После такого заявления только слепой не разберется в том «разделении труда», которое имеется между Каутскими и Милесами. Среди сторонников группы Милеса есть и честные революционные элементы. Для них поцелуй Каутского послужит предостережением.

В основном это то же «разделение труда», что между Макдональдом и Гендерсоном. Это верно в отношении проблем внутренней политики. Но еще в большей мере это относится к проблемам внешней политики, т. е. и к проблеме подготовки войны. В вопросе о «защите отечества» в империалистской войне «левые» и правые социал-демократические вожди не расходятся даже на словах. Это святая святых для вождей обоих оттенков, ибо это святая святых для вдохновляющей их буржуазии.

Отто Бауэр и К° теперь на словах готовы даже признать лозунг диктатуры пролетариата. Но разве это им впервой? Ленин писал об этих именно людях в ту пору, когда они вышли из II интернационала (теперь, кстати сказать, они из II интернационала выходить не собираются) и собирались образовать «левый» $2\frac{1}{2}$ интернационал:

«Самое опасное со стороны «Бернского» Интернационала,—это словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения. Каутский говорит уже теперь, что он не против диктатуры пролетариата. Французские социал-шовинисты и «центристы» подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата!

Доверия они не заслуживают ни на волос.

Не словесное признание нужно, а полный разрыв на деле с политикой реформизма, с предрассудками буржуазной свободы и буржуазной демократии, проведение на деле политики революционной классовой борьбы» [1].

Эти слова звучат так, как если бы они были написаны вчера. Этих слов мы не забудем. Ими мы будем руководствоваться и теперь. Их мы постараемся по-товарищески раз'яснить с.-д. рабочим, которым мы протягиваем руку.

VII

О будущих темпах триумфального шествия марксизма можно судить, хотя бы отчасти, по прошлым темпам. Следующие даты дают, нам кажется, достаточно наглядное представление о том, как марксизм завоевывает мир.

Взгляды Маркса сложились 90 лет назад. О работах Маркса в 1842 г. В. И. Ленин пишет: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» (Статья «Карл Маркс») [2]. «Начиная с 1844—5 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом» [3].

Итак, 90 лет назад, в 1844—1845 гг., сложились взгляды Маркса.

В 1848 г. появляется «Манифест коммунистической партии».

В 1864 г. основывается под руководством Маркса I интернационал, 70-летие которого мы отмечаем в нынешнем году. От того момента, когда сложились взгляды Маркса, до создания I международного товарищества рабочих проходит 20 лет.

В 1871 г.—Парижская коммуна.

В 1883 г. умирает Маркс, а в 1895 г. — Энгельс. На политическую арену вышел молодой Ленин.

В 1894 г. появляется книга «Что такое «друзья» народа». Это первый развернутый манифест марксизма-ленинизма в России. Подлинную историю подлинного марксизма, т. е. ленинизма, в России надо считать с этой великой книги, которой в нынешнем году исполнилось 40 лет.

Через десяток лет — 1905 год, переломный пункт во всей новейшей истории мира, первая революция после 1871 г. Центр тяжести мирового революционного движения начинает переходить в Россию.

В 1914 г. разражается первая мировая империалистская бойня. Крах II интернационала. «Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом [4]. Ленин выдвигает лозунг III интернационала.

Затем—1917 г. с первой великой победой пролетарской революции в Октябре. Гражданская война. Марксизм отвоевал $^1/_6$ часть земли. Создан Коминтерн. Начало революций в Европе, зарезанных предательством со стороны официальных вождей социал-демократии.

В 1924 г.—смерть Владимира Ильича.

1924—1934 годы—великое десятилетие построения социализма в СССР, эпоха, неразрывно связанная с именем Сталина, десятилетие, когда в историю СССР вписываются величайшей славы страницы, когда социализм одерживает гигантские победы, имеющие всемирно-историческое значение. Мировой кризис капитализма 1929 — 1934 гг. только резче подчеркивает, что капитализм гибнет, а социализм идет вперед. Это эпоха, когда всему миру

---

[1] Ленин. Собр. соч Т. XXIV, стр. 397.
[2] Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 32 .
[3] Там же, стр. 8. Разрядка наша.—Г. З.
[4] Там же, стр. 64.

становится ясно, что большевизм — не «специфический продукт» войны, что большевизм призван историей перестроить весь мир, что он строит и построит социализм.

С 1844 по 1934 гг. темпы победного шествия марксизма во всем мире постепенно нарастают, хотя дело не обходится без ряда измен со стороны мнимых «ортодоксов», пытающихся извращать идеи марксизма, хотя «внутренние враги» оказываются опаснее «внешних».

Если темпы будут развиваться с такой же быстротой,—а на деле они пойдут, вероятно, быстрее,—то к столетию идей марксизма социалистический строй будет совершившимся фактом не только на одной шестой части земли.

Неверно, будто Ленин связывал следующий революционный взрыв непосредственно с грядущей войной. Напротив, Ленин еще в 1916 г. писал:

«Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, — но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.»[1].

Эти слова особенно верны сейчас, когда к возможностям, перечисленным выше, можно было бы прибавить прежде всего: социалистическая революция может разгореться из-за попыток фашистского переворота, из-за ненависти, накопленной в массах против фашистского режима, из-за резни в лагере самих фашистов и т. п.

Ленин сказал партии и всему рабочему классу незадолго до своей смерти: на этом поприще (хозяйственном) борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу—и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. Верная этому ленинскому завету, наша партия под руководством Сталина сконцентрировала все свои силы именно на этой задаче. Великие пятилетние планы являются гениальным осуществлением именно этой идеи. Но в то же время партия помнит и другой завет Ленина. Она не забыла его слов, сказанных на VIII всероссийском с'езде советов:

«... История учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решилась иначе, как в ряде войн... Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Для этого прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги.

...Вопрос стоит именно так,—долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй.

...Если мы из первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко...

Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял...»[2].

«Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм,—кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике»,— говорил на VIII с'езде Владимир Ильич. Партия не забыла этих слов. Она и в «мирный» период продолжает

---

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 39. Разрядка наша.—Г. З.

[2] Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 30, 35, 37.

ковать вооруженные силы СССР, являющиеся в то же время вооруженными силами всего мирового пролетариата. Под руководством Сталина партия выпестовала Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, стоящие на уровне второй пятилетки и вполне отвечающие тем запросам, которые пред'являет нам история. Товарищ Сталин говорил на XVI с'езде: «...Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР...» Из этого глубоко верного анализа вытекала и вытекает вполне определенная программа действий. Ход событий на каждом шагу подтверждает сказанные тогда же слова Сталина, что «буржуазия будет искать выхода в новой империалистской войне и интервенции», а «пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции». Эти положения являются прямым продолжением и развитием учения Ленина о войне. Только благодаря тому, что партия вовремя была вооружена теорией Ленина и Сталина, Страна социализма теперь имеет стоящую на высоте эпохи вооруженную силу, имеет Красную армию второй пятилетки, дающую возможность Советскому союзу спокойно смотреть в будущее.

Ллойд-Джордж, старая лиса британского империализма, прикидывается сейчас «пацифистом». Порода прикидывающихся пацифистами имеет некоторое распространение среди премьеров не у власти, социал-демократических вождей не при месте и т. п. Недавно Ллойд-Джордж поместил «пацифистскую» статью в немецкой прессе [1]. В этой статье он не без сокрушения констатирует: «Русская армия сейчас существенно лучше, чем она была в 1914 г. Это не прежняя лавина. Она получила крылья. Говорят, ее стальные птицы—самые опасные во всём мире».

Красная армия получила крылья!.. Старый Ллойд-Джордж даже не подозревает, какую истину он высказал в этих словах. Да, она получила крылья! И «крылья» получила не только наша Красная армия, но вся страна, весь Советский союз. Крылья за спиной чувствует теперь каждый рабочий, каждый колхозник, каждый работник умственного труда. Победа первой пятилетки окончательно вывела страну на широкую дорогу социализма. Самое трудное осталось позади. Вся страна слилась с партийным руководством, с вождем мирового пролетариата и переживает такой под'ем, который напоминает самые высшие моменты нашей революции.

Марксизм учит тому, что в современной войне экономическая организация имеет решающее значение. «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными... Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономическое преобразования»,—писал Ленин [2]. Отсюда Ленин и выводил великий лозунг «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически».

Партия под руководством Сталина выполняет этот завет с такой энергией, беззаветностью и с таким успехом, которые вызывают изумление даже у наших врагов. Партия помнит это глубокое замечание Ленина о войнах Великой французской революции. Рабочий класс во главе с коммунистической партией смело и решительно осуществляет «великие экономические преобразования», олицетворяемые пятилетними планами. Вот откуда у нас будут и такие «чудеса военной доблести», которые затмят все, что до сих пор знала история.

---

[1] «Биржевой курьер». Берлин, 27 мая 1934 г.

[2] Ленин. Собр. соч. Т. XXI. стр. 189—190

Да, у СССР выросли крылья! Да будет это ведомо всем, всем. Когда Сталин говорит: «Мы войны не хотим, но войны не боимся и на удар ответим ударом»,— эти слова пережиты и передуманы всей страной. За этими словами стоит дело. Гениальной внешней политике Ленина—Сталина удалось на ряд лет оттянуть новое нападение империалистов на Советскую страну. «Передышка» превратилась в целую историческую полосу. И если эту полосу еще можно удлинить, то только на тех путях, по которым ведет сейчас страну и мировое революционное движение товарищ Сталин.

Как ни велики успехи, одержанные советской дипломатией на арене иностранной политики в последние годы, партия помнит слова Ленина: «Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...» [1]. Наша партия сделала все, чтобы помочь рабочему классу СССР разгадать «тайну» мирового империализма. Никакая империалистская коалиция не застанет врасплох Советский союз, как бы велика ни была тайна, в которой война подготовляется. Братские компартии тоже сделали многое, чтобы помочь рабочим всех стран разгадать «тайну», в которой готовятся новые войны. Там, где в 1914 г. у рабочих был только один Либкнехт, теперь будут сотни и тысячи Либкнехтов, и притом свободных от ошибок люксембургианства и прошедших большевистскую школу, школу Ленина и Сталина.

Пусть назовут нам другую партию, которая так, как большевики, выполнила свой долг в первой мировой империалистской войне и чье дело увенчалось таким успехом, как наше. Пусть назовут нам другие имена в новейшей истории человечества, которые так много говорят рабочему классу всего мира, как имена Ленина и Сталина! Когда грянет новая война, мыслящие рабочие всего мира скажут: «Мы должны идти той дорогой, которой шли большевики, которой они пришли к победе, которой они ведут международный коммунистический авангард к окончательному торжеству коммунизма во всем мире».

Новые пролетарские революции возможны и без новых империалистских войн. Но новые империалистские войны уже невозможны без новых пролетарских революций.

В момент, когда нам навяжут новую войну, с особой силой прозвучат, ударив по сердцам пролетариев всех стран, вещие слова Ленина:

«Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками» [2].

В будущей истории освобождения земли от ига капитализма глава «Большевизм и война» будет одной из самых значительных и увлекательных глав. Теоретическая мысль и практическое действие, полет ума и полет духа, революционная диалектика и революционная организация, смелость и отвага пролетарского авангарда отпразднуют свои величайшие триумфы. «Большевизм и война» — это и сейчас глава, наполняющая гордостью сердца лучшей части мирового пролетариата. По мере того как эта глава будет удлиняться, ее содержание будет делаться все поучительней, богаче и призывней.

---

[1] Ленин. Собр. соч Т. XXVII, стр. 372.

[2] Речь на VIII с'езде советов. Т. XXVI, стр. 49—50. Разрядка наша.—**Г. З.**

Двадцать лет назад

(Начало мировой империалистической войны в царской России)

А. Бадаев

Из опубликованных в послевоенные годы документов и переписки буржуазных правительств, венценосных монархов и их дипломатов мы теперь знаем, как тщательно, целыми десятилетиями, готовилась буржуазия капиталистических стран к грабительской войне 1914—1918 гг. за передел мира, за монополии на рынке, за грабеж колоний.

Российское царское правительство и в полном единении с ним российская буржуазия также вступили в войну за свои империалистические интересы: за завоевание проливов и ближневосточного рынка, против германской запретительной таможенной политики на русский помещичий хлеб. Несомненно и то, что российское самодержавие кроме этого смотрело на войну как на средство самозащиты от растущего революционного рабочего движения внутри страны.

Годы 1912—1914 в России знаменуются новым сильным под'емом борьбы против самодержавия, громадным развертыванием стачечного движения.

Уже в 1911 г. можно отметить значительное оживление стачечной борьбы, но особенно всколыхнулись рабочие массы после ленского расстрела, в апреле 1912 г. Волна забастовок прокатилась по всей России и, как бы окончательно разбудив рабочий класс, после длительной реакции начала подниматься все выше и выше.

За 1912 г. фабричной инспекцией было зарегистрировано 2032 стачки с 725 тыс. участников.

В 1913 г. общее число стачек достигло 2143 и число участников в них выросло до 861 тыс. чел.

В праздновании 1 Мая в 1913 г. в одном только Петербурге участвовало свыше 220 тыс. рабочих.

Эта волна стачек и демонстраций, сплошь и рядом принимавших ярко выраженный политический характер, продолжала безостановочно подниматься и в 1914 г., особенно усилившись к лету этого года.

Большевистской фракции IV государственной думы приходилось принимать непосредственное руководящее участие во всех значительных выступлениях того времени.

Одной из наиболее упорных забастовок летом 1914 г. была стачка на принадлежащем морскому ведомству Ижорском заводе, под Петербургом. Забастовка началась пред'явлением ряда экономических требований рабочих заводской электрической станции. Увольнение забастовавших вызвало стачку в других мастерских, пред'явивших в свою очередь различные требования, в том числе и введения 8-часового рабочего дня. Стачкой руководил петербургский комитет партии. По поручению комитета и по просьбе рабочих я приехал в Колпино, где было устроено собрание представителей бастующих. Собрание происходило в уединенном месте, на кладбище, и продолжалось до глубокой ночи. Решено было держаться как можно крепче. По мере разрастания забастовки морское ведомство начало проявлять признаки бес-

покойства и обратилось за помощью к охранке, которая выслала в Колпино казаков.

В день появления казаков я снова поехал на завод для участия в собрании бастующих, устроенном под Колпиным. Вызов казачьей сотни был встречен рабочими с крайним возмущением и еще более укрепил их решимость продолжать борьбу. С участием представителей наших партийных организаций были составлены агитационные листки, в которых перечислялись все требования ижорцев, и, помимо чисто экономических требований, в список был вставлен пункт об удалении начальника завода.

Администрация, узнав о распространении листков, начала охоту за ними. Офицеры (начальники отделений завода) вырывали листки из рук рабочих. Само собой разумеется, что это только подняло настроение бастующих, решивших упорно добиваться выполнения своих требований.

Забастовка на Ижорском заводе продолжалась три недели и закончилась обещанием администрации повысить расценки и рядом других уступок.

Не только в Петербурге, но и в ближайших к Петербургу районах рабочие усилили свою борьбу. Стачечная волна перекатывалась из одного города в другой по всей России. Рабочие в городах провинции начали проявлять небывалую до тех пор организованность, большую революционную сознательность и огромное упорство в борьбе.

В середине мая началась продолжительная и упорная забастовка текстильщиков в Московском районе. Движение началось в Костромской губернии, откуда быстро перебросилось на текстильные фабрики соседних Владимирской и Московской губерний. Число бастующих в одной только Костромской губернии достигло 50 тыс. чел., а по всему району — почти 100 тыс. Для текстильщиков, работавших на разбросанных и отдаленных друг от друга фабриках, это количество бастующих было огромно.

Забастовку текстильщиков думская большевистская фракция поддерживала и направляла всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Как только окончилась думская сессия, член фракции тов. Шагов, избранный в Думу от Костромской губернии, немедленно приехал туда и, об'езжая районы забастовок, проводил там партийное влияние. Поездка Шагова протекала в обстановке, обычной для поездок всех рабочих депутатов. Полицейские и шпики следовали за ним по пятам, следили за каждым его движением, вламывались в дома, куда заходил Шагов, арестовывали всех, с ним соприкасавшихся, и т. д.

В то время как текстильщики вели свою борьбу в Московском районе, на юге России, в Баку, произошли события, имевшие огромные последствия для всего рабочего движения.

Бакинская забастовка отличалась от ряда других тем, что она была особенно длительна и стойка, и кроме того тем, что со стороны предпринимателей и царского правительства для ее подавления были предприняты исключительные меры. Видно было, что забастовка на нефтяных промыслах, вызвавшая прекращение добычи нефти, ударила больно по интересам промышленной буржуазии. Эта забастовка замечательна еще тем, что повлекла за собой историческое выступление питерских рабочих накануне самого об'явления войны.

Кстати сказать, эта забастовка на бакинских нефтяных промыслах не была результатом стихийной вспышки, а подготавливалась в течение нескольких месяцев. В забастовке участвовало около 50 тыс. чел. Руководил забастовкой стачечный комитет, который выпускал прокламации, организовывал движение, создавал стачечный фонд и т. д. Стачечный комитет находился в тесной связи с партийными организациями и выполнял работу под их руководством. Рабочими был пред'явлен большой список требований, насчитывавший свыше 60 отдельных пунктов. На некоторых промыслах ра-

бочие требовали также введения 8-часового рабочего дня и официального признания первомайского праздника.

Характер этих требований, в числе которых было требование всеобщего обучения и признания первомайского праздника, указывал на то, что забастовка имела и политическую окраску, что являлось результатом значительного влияния на нее партийной организации. Предприниматели решили ни в чем не уступать рабочим и прибегнуть для борьбы с забастовкой к самым крайним мерам. Наравне с администрацией предприятий свирепствовала и полиция. Город был превращен в военный лагерь. В Баку были вызваны шесть сотен казаков для борьбы с «внутренним врагом». Профессиональный союз рабочих был разгромлен, и все активные работники союза арестованы. Арестовывали всех, кто подвернется; рабочие собрания разгонялись. В городе было об'явлено военное положение. После 8 часов вечера было запрещено выходить на улицу.

Несмотря на эти жестокие преследования полиции упорство бакинских рабочих не ослабевало. В последних числах июня была организована демонстрация, в которой участвовало свыше 20 тыс. чел. С плакатами, на которых были написаны требования рабочих, демонстранты двинулись к зданию Совета с'ездов нефтепромышленников. Полиция не справилась с огромной толпой, и тогда были вызваны казаки, окружившие и разогнавшие демонстрантов. При этом было арестовано несколько сот рабочих.

Вся страна со жгучим интересом следила за ходом бакинских событий. Обе стороны: предприниматели и царское правительство, с одной стороны, и рабочий класс — с другой,— напряженно ждали каждого известия о ходе развернувшейся грандиозной борьбы.

Для усиления борьбы со стачечниками по особому распоряжению Николая II в Баку был командирован чрезвычайный уполномоченный, сам товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский, выехавший туда вместе с директором департамента полиции. Джунковский был начальником всей царской полиции и жандармерии, особенно отличившийся в усмирении революционных выступлений и жестокой расправе с революционными рабочими. С приездом Джунковского начались еще более сильные полицейские преследования.

Бакинские рабочие обратились за помощью к своим товарищам из других городов. Естественно, что в первую очередь они обратились к нашей думской фракции, уже неоднократно перед этим организовывавшей помощь бастовавшим рабочим. В Петербурге началась подготовка к выступлению на помощь бакинцам.

Кстати сказать, все эти события происходили летом, когда Государственная дума была распущена на очередные летние каникулы, депутаты раз'ехались по местам и из состава думской социал-демократической фракции оставался в Петербурге почти один лишь я, поэтому мне приходилось играть как представителю фракции заметную роль во всех происходивших событиях.

В донесении директору департамента полиции охранное отделение так описывало подготовительную работу нашей партии для организации выступлений питерских рабочих: «...Помимо систематически и явно будирующих бюллетеней о ходе означенной стачки в местных легально издающихся социал-демократических органах печати, руководящими кругами революционного подполья был дан лозунг—затрагивать и обсуждать вопросы о характере и значении бакинской забастовки на всех текущих собраниях и сходбищах рабочих, дабы указанием на невозможное положение трудящихся при существующем государственном строе повысить революционность настроения в рабочих кругах и тем самым еще больше заинтересовать конечными идеалами социалистического миросозерцания.

Усиленными агентурными наблюдениями за последнее время выяснено, что наиболее серьезная работа в означенном направлении ведется преимущественно или лично остающимся в городе Санкт-Петербурге членом социал-демократической думской фракции Бадаевым или же близко к нему стоящими и им руководимыми отдельными партийными работниками. Организуя загородные, под видом научных экскурсий, собрания рабочих, поименованный депутат Государственной думы и наблюдаемые в связи с ним лица, систематически освещая цели и задачи предстоящего социалистического конгресса, поднимая вопрос о бакинской стачке, агитировали за желательность солидарности между отдельными группами и указывали на крайнюю необходимость поддержания бастующих соответствующими мерами как морального, так равно и материального характера» [1].

Кампания за поддержку бакинской забастовки с каждым днем разрасталась. Когда в Петербург дошло известие о выселениях, высылках и арестах бастующих, питерские рабочие уже не ограничились одними денежными сборами. Классовая солидарность с бастующими выразилась в новом под'еме забастовок и протестов.

В первых числах июля массовое движение на петербургских фабриках и заводах начало быстро расти. 1 июля забастовали рабочие заводов Лангензиппена, Трубочного, Лесснера, Эриксона, Сименса и Шукерта, Айваза и других, более мелких. Перед оставлением предприятий забастовщиками принимались резолюции протеста против преследования рабочих. «Товарищи бакинцы, мы с вами», «Победа бакинцев — наша победа»,— заявляли питерские рабочие.

3 июля состоялся митинг на Путиловском заводе по поводу бакинских событий, собравший около 12 тыс. рабочих. Этот митинг закончился событием, которое явилось поворотным пунктом в июльских выступлениях петербургских рабочих. После окончания собрания рабочие подошли к воротам завода и потребовали, чтобы их открыли. Ворота открылись, но не для того, чтобы выпустить рабочих, а для того, чтобы пропустить во двор отряд конной и пешей полиции, которая еще с утра была спрятана на территории завода. По распоряжению полицейских ворота снова были закрыты за ними наглухо.

Раздались протесты рабочих, в ответ на которые полицией был дан залп. Кто-то крикнул: «На баррикады!» Толпа бросилась на находившуюся во дворе вышку, откуда в полицию полетели камни. Полицейские дали второй залп.

В итоге выстрелами полицейских было ранено около 50 чел. и двое, по сообщению рабочих, убито. Около 100 путиловских рабочих были арестованы и отправлены в ближайший участок.

Как обычно, при таких острых событиях революционного движения в помещение думской фракции позвонили по телефону, и по поручению товарищей я немедленно поехал на завод. За точными сведениями о расстреле я обратился к администрации завода, но, однако, последняя, боясь ответственности, постаралась уклониться от разговоров. Перепуганный фельдшер заводской больницы заявил, что он никого не видел и ничего не знает. По его словам, ни раненых, ни убитых не привозили в больницу. После упорных расспросов рабочих на заводе мне все же удалось восстановить всю картину расстрела и выяснить число жертв.

С завода я отправился в Петергофский участок, куда были загнаны арестованные. В комнате пристава я застал целую группу полицейских офицеров в полном боевом вооружении: в портупеях, с кобурами наружу. Я потребовал от пристава немедленного ответа на вопросы: кто распорядился

[1] Архив департамента полиции. Особое дело. 1914 г. Дело № 307, л.л. 330—332.

стрелять в безоружных рабочих, кто и за что арестован? Удивленный моей настойчивостью, пристав начал спорить: он не обязан отвечать какому-то неизвестному человеку, никто не имеет права вмешиваться в действия полиции. Мне пришлось назвать себя и показать депутатскую карточку. Это вызвало растерянность среди полицейских, пристав стал звонить градоначальнику с просьбой дать указания и получил категорическое распоряжение: никаких сведений мне не давать. После этого меня «вытеснили» из участка.

Под впечатлением всего виденного я отправился на обычное ночное дежурство в редакцию «Правды». Там наскоро приготовили сообщение для газеты, и добытые сведения о расстреле сообщили в ликвидаторскую газету меньшевиков и в газету «День», которые печатались в той же типографии.

На другой день сообщение о расстреле путиловских рабочих разошлось по всему городу. Еще ночью из редакции «Правды» я по телеграфу обратился к министру внутренних дел Маклакову с требованием назначить мне прием для переговоров о путиловских событиях. Маклакова не было в городе, вместо него управлял министерством товарищ министра, шеф жандармов Джунковский. Джунковский прислал мне на квартиру своего чиновника с сообщением, что примет меня утром у себя на дому.

На несколько минут позже назначенного срока я на другой день явился на Сергиевскую к Джунковскому, где произошел следующий, чрезвычайно любопытный и характерный разговор:

— Я опоздал,— начал я,— потому что всю ночь отбивал «Трудовую правду» от ваших налетчиков.

Такое начало сразу привело генерала в нервное состояние.

— Конечно, вам некогда: вы ездите по заводам, подстрекая рабочих к забастовкам. Удивляюсь, как вас допустили на Путиловский завод. Вы депутат Государственной думы, ваше дело заседать. Для этого вы и выбраны. А вы вместо того ходите по заводам, разводите смуту, выпускаете прокламации, издаете газету, которая с раннего утра занимается подстрекательством,—он указал на свеженький номер «Трудовой правды», уже лежавший на его столе.—Я распорядился образовать специальную комиссию для привлечения в срочном порядке к суду вас и вашу газету.

— Меня уже не первый раз привлекают по разным статьям. Вы на это дело способны. Я пришел не за тем. Скажите, какое право имела полиция расстреливать путиловцев? Ваш ответ я передам рабочим петербургских фабрик и заводов.

— Никаких выстрелов там не было. Полиция дала только два холостых залпа.

Джунковский встал, я тоже. Мы стояли друг против друга, как будто готовые к немедленной схватке.

— Мы не допустим,— сказал Джунковский,— чтобы рабочие избивали булыжниками полицейских, которые имеют винтовки и шашки. Полиция будет стрелять и впредь в таких случаях. Для этого она и вооружена.

— Другого ответа от наших министров никто и не ждал. Я его знал заранее и передам на фабрики и заводы. Запретить мне туда ездить вы не можете. Депутат от рабочих, в то время когда в участках водой отливают избитых, никогда не ограничится одними разговорами в Думе.

Резко оборвав разговор, я вышел от шефа царских жандармов.

Эту мою «дискуссию» с Джунковским мы тотчас же опубликовали в «Правде». Газету конфисковали. В следующем номере «Правда» его опять напечатала. Необходимо было раз'яснить всем рабочим, что выстрелы на Путиловском заводе не являются случайностью, а что это—система, от которой царское правительство никогда не откажется.

По силе того возмущения и негодования, которые охватили рабочих, весть о расправе с путиловскими рабочими могла сравниться лишь с сообщением о ленском расстреле.

II

На другой же день после разгрома путиловцев все фабрики и заводы Петербурга были охвачены стачками. С утра забастовало 90 тыс. чел.

«Выслушав сообщение о новом пролитии крови,—заявляли в своей резолюции рабочие завода Винклер,—мы решили не приступать к работе, а на новый вызов ответить стачкой. Нет слов негодования. Дальше терпеть нет сил...»

Множество подобных резолюций было напечатано в вышедшем на другой день номере «Правды». Улицы во всех рабочих районах с утра были полны толпами демонстрантов. С пением революционных песен и с красными флагами рабочие обходили соседние заводы, призывая товарищей прекратить работу. Толпы рабочих росли неудержимо. Во многих районах города произошли схватки между полицией и демонстрантами, причем вновь раздались выстрелы. В течение всего дня по всему городу происходили стычки и столкновения с полицией.

5 июля повторилась та же картина, что и накануне. К забастовавшим присоединился целый ряд новых заводов.

С утра 7 июля город принял облик, напоминавший дни 1905 г. Бастовало 130 тыс. чел. Улицы оказались во власти рабочих. Единственно, что могла сделать полиция, это не допустить демонстрантов на Невский проспект. Боясь конфуза перед французским президентом Пуанкаре, который в то время приехал к царю сговариваться о дальнейших совместных действиях, полиция в огромной массе сосредоточилась на охране центра города, не допуская туда рабочие демонстрации.

На царское правительство эти уличные выступления рабочих произвели сильнейшее впечатление. Вечером, 7 июля, состоялось экстренное совещание петербургского градоначальника с министром внутренних дел Маклаковым. Решено было прибегнуть к особенно крутым мерам. На другой день градоначальник обнародовал обращение к населению с предупреждением, что для прекращения беспорядков будут приняты самые крайние меры.

Несмотря на все эти запугивания 9 июля на улицах Петербурга уже появились баррикады. Материалом для баррикад служили остановленные трамвайные вагоны, бочки, столбы. Во многих местах это все оплеталось проволокой. Бо́льшая часть баррикад была устроена на Выборгской: на углу Самсониевского проспекта, Башенного, Флугова и Муринского, на углу Парголовского и Муринского, Сердобольского и Языкова и в других местах пересечения улиц. В Василеостровском районе баррикады из бочек были построены на Большом проспекте. По Сестрорецкой железной дороге баррикадами было приостановлено движение поездов.

Совершенно очевидно, что это нарастание революционного движения не могло не испугать царя и его министров. Насколько тревожно следила охранка и правительство за развитием революционных событий, показывает то, что полиция систематически докладывала самому царю о всех выступлениях рабочих и давала ежемесячные сводки «о настроениях населения».

Таким образом, ясно, что одной из подчиненных целей войны являлась возможность отвлечь внимание рабочих и всего населения от революционного движения и одновременно под шовинистические фанфары расправиться с ненавистным революционным подпольем и в том числе с большевистской фракцией Государственной думы.

Расчет правительства в одной части для начала оправдался. Июльское движение было прекращено войной. Уже за неделю до об'явления войны начались

повсеместно патриотические демонстрации и выступления. Печать, школа, церковь, трибуна Государственной думы вместе с полицейскими мерами — все было пущено в ход, чтобы вызвать шовинистический угар и патриотический энтузиазм в населении. Одновременно началась жестокая расправа не только с партийным подпольем, но и с легальными рабочими организациями.

Российская буржуазия наравне с буржуазией других стран встретила об'явление войны с восторгом. Для буржуазии война сулила не только возможность грабежей на мировом рынке, но и огромные барыши внутри страны от бесчисленных военных заказов.

Шовинистический угар густой пеленой окутал страну и дал возможность военщине и полицейским властям распоясываться все больше и больше, не считаясь ни с какими средствами. Царская охранка торопилась свести свои старые счеты с «внутренним врагом», т. е. с наиболее передовой, сознательной частью российского пролетариата. Росчерком пера закрывались рабочие организации, пресекались всякие попытки рабочих собраний для обсуждения вопроса о войне, тюрьмы наполнялись новыми партиями арестованных, в Сибирь потянулись новые эшелоны высылаемых. Партийные организации были почти полностью разгромлены, потеряв целый ряд своих лучших работников. Черная волна реакции выхватывала все новые и новые жертвы из рабочих рядов.

И несмотря на все эти обстоятельства, несмотря на большой урон, который только что потерпел рабочий класс, в первые же дни войны Петербург был свидетелем нескольких противовоенных выступлений рабочих.

После об'явления мобилизации петербургский комитет нашей партии выпустил первую противовоенную прокламацию.

«Кровавый призрак веет над Европой, — этими словами начинался призыв партии ко всем рабочим, крестьянам и солдатам.—«Долой войну! Война войне!» — должно катиться мощно по городам и весям широкой Руси. Рабочие должны помнить, что у них нет врагов по ту сторону границы: всюду рабочий класс угнетается богатыми и власть имущими, везде гнетут его ярмо эксплоатации и цепи нищеты... Солдаты и рабочие, вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу отечества, расстреливающего голодных крестьян, рабочих, душащего по тюрьмам лучших своих сынов. «Нет, мы не хотим войны», — должны заявить мы. «Мы хотим свободы России!» — вот должен быть ваш крик...»

Эта прокламация, наскоро составленная под впечатлением первых сведений о разразившейся военной катастрофе, давала только краткую, беглую характеристику момента; но уже и тогда, в первые же дни войны, петербургская организация большевиков наметила ту правильную линию, которая впоследствии была подкреплена, пополнена и обоснована нашей партией как программа наших действий.

Отрывочные сведения из провинции, с трудом доходившие до нас, также давали понять, что в рабочих организациях несмотря на разброд под влиянием шовинистического угара уже организуются группы, готовые приступить к противовоенной работе. В письме из Костромы сообщалась, например, следующая резолюция, принятая на собрании группы костромских рабочих:

«Мы самым решительным образом протестуем против действий правительства и правящих классов, вовлекающих в братоубийственную войну пролетариев России, Сербии, Австрии и Германии, и **мы спрашиваем** СДР **фракцию: какие меры предприняты ею против войны и для выражения солидарности пролетариата враждующих государств?**»

В Петербурге первые дни войны ознаменовались несколькими забастовками и даже отдельными демонстрациями. В день мобилизации запасных в знак протеста против войны в Петербурге бастовало свыше 20 предприятий. В не-

которых местах рабочие встречали запасных криками «Долой войну!» и пением революционных песен.

Но, в то время как до об'явления войны рабочие выступления привлекали к себе симпатии студентов и мелкой буржуазии, теперь демонстрации происходили совсем уже в другой обстановке. Уличная толпа, особенно в центре города, взвинченная патриотическим угаром, не только не сочувствовала демонстрантам и не только не держала дружественного нейтралитета, но и сама набрасывалась на демонстрантов, помогая полиции арестовывать их и избивать. В приведенных полицейских донесениях царю уже рассказывалось об одной из таких демонстраций на Невском, когда публика Невского проспекта проявила «активность» в отношении демонстрантов, приняв на себя роль царской полиции и бросившись на выступавших рабочих с криком «Изменники, предатели!» Полиции в этом случае осталось только арестовывать участников демонстрации и отводить их в ближайший полицейский участок. Отдельные героические выступления рабочих тонули в общем море воинственного патриотизма.

III

Буржуазия во всех странах с трепетом следила за тем, как поведут себя рабочие партии по отношению к войне.

4 августа (22 июля старого стиля) социал-демократы, в том числе Гаазе и Каутский, совершили неслыханную в мире измену делу рабочего класса и вотировали в рейхстаге германскому правительству кредиты на войну. Ту же политику повели социал-демократические вожди других стран.

Буржуазная печать превозносила до небес благородное патриотическое поведение этих «рабочих» вождей и курила им фимиам. Российские газеты, очевидно, ожидали подобного же патриотизма, подобного же об'явления гражданского мира и от нашей фракции в Государственной думе.

Сразу же после об'явления войны ко мне как к депутату питерских рабочих на квартиру во время обычного приема рабочих ввалилась гурьба человек в 15 наиболее видных, «заслуженных» журналистов—представителей всех петербургских газет, начиная от левого «Дня» и кончая черносотенной «Земщиной». Они знали по прежним моим выступлениям в Государственной думе отношение большевиков к возможной империалистической войне.

Тем не менее явившиеся представители печати были всемерно заинтересованы в том, как мы ответим на поставленные ими по поручению своих редакций вопросы: «Как относятся рабочие к войне? Какую позицию занимает ваша фракция? Как будут вести себя в Думе рабочие депутаты?» и т. д.

Журналисты приготовились записывать мои ответы. Я уже говорил о том, что события начала войны разразились во время перерыва между сессиями Государственной думы. Раз'ехавшиеся депутаты еще не успели вернуться, и в Петербурге я был один из фракции. Я знал, что за каждое мое слово как представителя думской фракции я являюсь ответственным перед партией и пролетариатом и оно будет разнесено по всему миру.

То, что я сказал, было, однако, совсем не подходящим для опубликования в газетах, от которых явились журналисты.

— Рабочий класс,—заявил я,—будет бороться всеми силами против войны. Война не в интересах рабочих. Наоборот, всем своим острием она направлена против рабочего класса всего мира. На международном социалистическом конгрессе в Базеле было принято решение от имени пролетариата всего мира—в случае об'явления войны повести против нее решительную борьбу. «Война войне»—вот наш лозунг. За этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, и будем бороться. Наша фракция всеми

имеющимися в ее распоряжении средствами будет решительно бороться против войны.

Мой ответ произвел должное впечатление на представителей печати, и ни одна газета, конечно, не опубликовала моего заявления. Зато оно немедленно стало известным охранке, для которой мои слова были подтверждением уже ранее известной ей противовоенной позиции нашей партии. Были пущены в ход «доводы», целью которых было не столько убедить, сколько устрашить, терроризовать нас. В частности по моему адресу посыпались полные отборных ругательств угрожающие письма.

Все это происходило в самые первые дни войны, еще до публичного выступления нашей фракции в Государственной думе.

Для того чтобы полнее продемонстрировать «единение» правительства с народом, а главное, чтобы утвердить кредиты на войну, в экстренном порядке была созвана Государственная дума. С'ехавшиеся в Петербург депутаты начиная от крайних правых и кончая кадетами были настроены самым воинственным националистическим образом, крича о войне до победного конца, о защите отечества, о решительном отпоре «наглому врагу» и т. д. Газеты наперебой печатали патриотические заявления лидеров думских фракций, высказывавших самые урапатриотические мысли о необходимости об'единиться для борьбы с «общим» внешним врагом.

Наше выступление, в котором нам необходимо было охарактеризовать перед пролетариатом отношение большевистской фракции к войне, должно было состояться на заседании Государственной думы, посвященном голосованию военного бюджета. Никаких заранее приготовленных, согласованных с руководящими центрами заграницей формулировок у нас не было, и нужно было их выработать. После переговоров с теми из партийных товарищей, которые тогда были в городе, мы решили выработать, если это удастся, от имени обеих социал-демократических фракций общую декларацию, которая решительно осуждала бы войну и категорически отвергла бы всякую поддержку царского правительства рабочим классом. После первого же предварительного обмена мнениями, на котором присутствовали Керенский, Чхеидзе и я, трудовики окончательно отпали от нашей позиции. Керенский прямо заявил, что они считают необходимым выступить за поддержку об'явленной войны. Чхеидзе при первых переговорах занимал чрезвычайно неопределенную позицию, в значительной мере склоняясь к оборончеству.

После ряда переговоров было приступлено все-таки к выработке совместной декларации от обеих фракций. Совещание состоялось с участием нескольких членов ЦК большевиков и некоторых партийцев — меньшевиков. И здесь были намечены основные линии декларации. В тот же день, вечером, приехали члены большевистской фракции Шагов и Петровский, которые также приняли участие в выработке декларации. Постепенно под'езжали другие депутаты как нашей фракции, так и меньшевиков.

По отдельным пунктам и формулировкам шло очень много споров и дебатов, поправки и дополнения вносились чуть не к каждой фразе. Наконец, комбинированный текст декларации обеих фракций после нескольких обсуждений как в большевистских партийных кругах, так и среди меньшевиков был окончательно выработан.

Заседание Государственной думы состоялось 26 июля. Как водится, перед заседанием думское большинство, и на этот раз вместе с ним, против обыкновения, и трудовики, отправилось на прием во дворец для выражения своих верноподданнических чувств. При открытии заседания Думы Родзянко произнес торжественную высокопатриотическую речь об «единении русского царя с верным ему народом», об «охране целости и единства государства», о том, что «все народы, населяющие Россию, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда», и т. д., т. е. применил все те обычные

формулы воинственного патриотизма, которые с теми или иными изменениями повторяли затем лидеры всех фракций Думы.

Трудовики в оглашенной Керенским высокопарной декларации после нескольких фальшивых революционных фраз заявили, что они «непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений». Вся Дума, вплоть до крайних правых, бешено аплодировала ренегатской декларации Керенского.

Затем была оглашена декларация социал-демократической фракции. На фоне патриотического угара ультранационалистских выступлений всех остальных фракций, на фоне только что выявившейся измены вождей западноевропейских социалистических партий, на фоне вотирования военных кредитов со стороны немецких социал-демократов даже эта компромиссная общая социал-демократическая декларация произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Родзянко перед напечатанием ее в стенографическом отчете сделал в декларации ряд цензурных урезок. Полный же текст, оглашенный нами с думской трибуны, был следующий:

«Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены, брошены в кровавый водоворот. Миллионы семей обречены на голод. Война началась... Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат во главе с германским выступил с дружным протестом против подготовляемой правящими кругами войны. Ряд насилий над рабочей печатью и рабочими организациями непосредственно перед войной помешал рабочим России выступить открыто с тем же протестом против войны. Но в моменты грандиозных демонстраций европейских пролетариев против войны сердца российских пролетариев бились вместе с их сердцами. И мы, представители рабочего класса России, считаем своим долгом заявить, что настоящая война, порожденная политикой захватов и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран, что война эта противоречит чувству и настроению сознательных элементов российского пролетариата так же как и пролетариата всего мира. Чуждый того фальшивого патриотизма, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику, пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент исполнит свой долг и будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили: извне или изнутри. Но, когда раздаются призывы к единению народа с властью, мы, констатируя, что народы России так же как и все народы, вовлеченные в войну помимо своей воли, по вине правящих кругов, считаем нужным подчеркнуть все лицемерие и всю беспочвенность этих призывов к единению.

Не может быть единения народа с властью, когда она не является исполнительницей сознательной воли народа, когда последний порабощен властью, когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения.

Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет, но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности пролетариата

всего мира человечество найдет средство к скорейшему прекращению этой войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами хищных правительств, а самими народами, которые возьмут свои судьбы в свои руки. Вместе с тем мы выражаем глубокое убеждение в том, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетения, от которых они страдают, и что теперешняя ужасная вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой».

Наша декларация, как видно из ее текста, не давала правильной революционной оценки как характера самой войны, так и позиций рабочего класса. Фракция в это время была оторвана от ЦК партии, находившегося заграницей. Мы добивались совместного выступления с думской фракцией меньшевиков и шли на компромисс.

Несмотря, однако, на расплывчатый характер декларации, не ставившей коренного вопроса о превращении войны империалистической в войну гражданскую, все же на общем «ура-патриотическом» фоне она прозвучала как резкий протест рабочего класса против военного безумия, против всякой возможности «единения» народа с властью кровавого царизма и крепостников-помещиков.

При переходе к вотированию военного бюджета наша фракция, основываясь на решениях всех конгрессов Интернационала, в знак протеста покинула заседание.

И декларация и отказ наш от голосования бюджета вызвали целую бурю возмущения и протестов со стороны думского большинства. Как одержимые бешенством набросились на нас в кулуарах депутаты всех фракций, не исключая левых кадетов и прогрессистов.

— Что вы делаете? Разве вы не понимаете, вы, представители рабочих, ведущие за собой массы, что вы тянете Россию в бездну? Вы погубите народ.

Черносотенные депутаты грозили откровенной расправой тут же, на месте. Мы уходили из Думы, сопровождаемые угрожающими выкриками думских зубров.

Ставшее широко известным рабочим массам наше выступление в Думе против войны явилось основным стержнем для всей нашей дальнейшей антивоенной работы.

IV

Постепенно, несмотря на то что условия партийной работы в связи с об'явлением войны стали во много раз труднее чем в предыдущие месяцы, мы начали снова развертывать подпольную деятельность, которая сейчас была направлена главным образом на организацию масс для борьбы против войны. Трудности работы в первое время заключались еще в том, что война, закрывшая границы, на первых порах совершенно лишила нас возможности поддерживать связь с находившимся заграницей Центральным комитетом партии. Кроме того, как известно, Центральный комитет в это время подвергся нападению австрийских властей, Владимир Ильич был заключен в тюрьму. Товарищ С т а л и н после бегства из ссылки вновь был арестован и сослан в далекий Туруханский край.

Прошли 2—3 недели после об'явления войны, пока возобновилась деятельность заграничного центра партии. Нашу же связь с ним удалось с колоссальными трудностями, и то лишь частично, восстановить только месяца через два. Условия партийной работы были чрезвычайно тяжелые. Военщина беспощадно расправлялась со всякими проявлениями рабочей общественности. Бесчисленные аресты и мобилизация на фронт образовали зияющие бреши в рядах партийных работников. «Правда», которая являлась организующим

центром революционного движения, была разгромлена, остальная рабочая печать также была полностью ликвидирована. Единственной, пока еще сохранившейся в полной мере организованной силой партии в начале войны оставалась думская фракция. На всех нас, членов фракции, теперь падали во много раз увеличившиеся обязанности и усиленная ответственность.

Первой нашей задачей было налаживание работы разгромленного петербургского комитета партии. При этом необходимо было как можно тщательнее законспирировать всю его деятельность, поэтому новая исполнительная комиссия ПК была сконструирована в значительно более узком чем раньше составе. Партийных сил стало гораздо меньше, между тем работа предстояла нам огромная.

Охранка, очевидно, уже подготовляла материалы для ареста фракции и привлечения ее к суду. Не получив при обысках необходимых для этого данных, начальник охранки докладывал, что «будут приняты все меры к получению откровенных показаний задержанных лиц, дабы добыть материал к изобличению в революционной пропаганде депутата Государственной думы Бадаева» [1].

Несмотря на все преследования постепенно начали возрождаться партийные ячейки, оправившиеся после первого разгрома. Уцелевшие от арестов и мобилизации партийцы стягивали вокруг себя новых работников и, соблюдая строжайшую конспирацию, восстанавливали работу. Вновь начали создаваться районные организации, направлявшие своих представителей в петербургский комитет. Правда, с большими затруднениями и не с той быстротой, как нам всем бы хотелось, большевистская организация в Петербурге начала снова оживать, обрастать связями и ячейками и развивать свою революционную работу.

Позиция думской социал-демократической фракции, выявившаяся в отказе голосовать по поводу военных кредитов и в декларации против войны, а также признаки того, что за этой позицией уже имеются организованные рабочие группы, чрезвычайно обеспокоили правительства союзных с нами стран и вождей социалистических партий в этих странах.

Для нашего увещевания и наставления нас «на путь истинный» решено было прибегнуть к авторитету самого председателя Интернационала Вандервельде, во время войны ставшего королевским министром Бельгии. Он прислал обеим социал-демократическим фракциям торжественную телеграмму следующего содержания: «Для социалистов Западной Европы поражение—я не говорю Германии, которую мы любим и пред которой мы преклоняемся,—но прусского юнкерства—это вопрос жизни и смерти... Но в этой ужасной войне, разразившейся над Европой вследствие противоречий буржуазного общества, свободные нации вынуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства. От российского революционного пролетариата в значительной степени будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной. Я, разумеется, не имею возможности указывать вам, что вам делать и чего требуют от вас ваши собственные интересы. Вы сами прежде всего должны решить, как вам поступить, но я вас прошу—и наш бедный Жорес, если бы он еще жил, конечно, также просил бы вас вместе со мной—стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе... Мы считаем, что против подобной опасности обязательно необходима коалиция всех живых сил Европы, и мы были бы счастливы узнать по этому поводу ваше мнение и еще более счастливы узнать, что оно сходится с нашим».

---

[1] Архив департамента полиции, особого отдела. 1914 г. Дело № 307, л л. 94—96.

Под телеграммой красовалась подпись «Эмиль Вандервельде, делегат бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро, а со дня об'явления войны—министр».

Однако телеграмма Вандервельде провела окончательную грань между нашей позицией революционного большевизма и позицией меньшевиков, быстро скатившихся к социал-патриотизму и оборончеству.

Ответы на телеграмму Вандервельде писались уже каждой фракцией отдельно. Меньшевики в своем ответе, описывая вначале всю тяжесть полицейского строя в России, перечисляя усилившиеся репрессии царизма, кончали телеграмму следующим полным отказом от революционных позиций: «...но несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение общеевропейского конфликта как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее нам основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне». «Не противодействуем»—значит прекращаем революционную деятельность против правительства, значит поддерживаем войну, значит отдаем рабочий класс на расправу царизму.

Другого значения такой ответ иметь не мог.

Позиция большевистской фракции, уже достаточно определившаяся нашей декларацией в Государственной думе и дальнейшей противовоенной пропагандой, могла быть только резко отрицательной в отношении телеграммы Вандервельде. Для окончательного редактирования ответа в последних числах сентября в Финляндии было устроено совещание членов фракции совместно с несколькими партийными работниками, на котором мы и были арестованы.

Дальнейшая судьба думской фракции большевиков известна.

* * *

Империалистическая война, через которую буржуазия стремилась не только к своим захватническим целям, но и к возможности подавления рабочего движения, раскрыла глаза рабочему и крестьянину на природу капиталистической эксплоатации и привела к социалистической революции в слабейшем месте империалистической цепи—царской России. Она же, эта война, разоблачила оппортунизм предателей социалистических партий II интернационала, разоблачила этих агентов буржуазии в рядах рабочего класса.

Сейчас, когда пролетарское революционное движение вновь находится на под'еме, когда австрийские баррикады заставили сердца империалистических властителей сжаться от страха, когда фашизм Гитлера и Муссолини обнаружил свое полное банкротство и неспособность спасти капитализм от кризиса и быстрого шествия к гибели, империалистические правительства всех стран вновь готовятся к грандиозным военным авантюрам.

Но пусть помнят они уроки войны 1914 г. К словам Базельского конгресса, что франко-прусская война привела к коммуне, а русско-японская война вызвала революцию 1905 г., сейчас необходимо добавить, что война 1914 г. привела к величайшей в мире победе российского пролетариата, свергнего диктатуру буржуазии и завоевавшего власть для того, чтобы строить своими руками социалистическое, бесклассовое общество.

И если уроки этой войны не научили еще буржуазию, то рабочий класс всего мира извлек из них ценнейшую практическую программу действий для окончательного разрушения капиталистического общества и создания коммунизма.

Тайна, в которой война рождается

А. Ерусалимский

I

В глубокой тайне от народных масс подготовлялась и развязывалась мировая империалистская бойня 1914—1918 гг. Только Ленин и большевистская партия, подлинные выразители идей пролетарского интернационализма, неустанно разоблачали ту классовую тайну, которая заложена была в мировой войне 1914—1918 гг. В обстановке неслыханного террора, всеобщего гнусного предательства со стороны социал-демократических партий только Ленин и большевистская партия подняли свой голос, чтобы раскрыть перед массами «действительное содержание, значение и смысл современной войны». Пользуясь острым скальпелем своего революционного учения, Ленин показал неизбежность этой войны, к которой привели «рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий» [1].

В глубочайшей тайне закулисной секретной дипломатии империалистские правительства вели неустанную подготовку этой войны.

Эту войну, говорил Ленин, в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран.

В борьбе с молодой и быстро растущей империалистской державой—Германией, требующей аргументами бронированного кулака своего «места под солнцем» и добивающейся мировой гегемонии, империализм старой Англии должен был отказаться от своей традиционной политики «блестящего одиночества», покоящейся на первоклассном морском флоте, превышающем соединенный флот двух любых европейских держав. Развитие экономического и политического соперничества с Германией, борьба за монопольное владение источниками сырья, за колонии, за сферы приложения капиталов (особенно Багдадская железная дорога, стратегически угрожающая неприкосновенности Индии) — в своей совокупности перерастали в борьбу за мировую гегемонию. Огромный рост германской армии, а главное, усиленные темпы осуществления военно-морской судостроительной программы адмирала Тирпица—все это заставило британский империализм на почве раздела сфер влияния в колониальных и полуколониальных странах искать соглашения с Францией (1904 г.), а затем и с царской Россией (1907 г.). Беспрестанные взрывы империалистских противоречий происходили не только по линии борьбы между двумя основными сложившимися империалистскими группировками: между Тройственным союзом и Тройственным согласием, — не только по линии борьбы между отдельными, более мелкими государствами, находящимися в экономической и политической зависимости от более крупных империалистских государств той или иной группировки, но и внутри каждой из сложившихся группировок.

Все это вместе взятое бесконечно усложняло и без того запутанную сеть империалистских противоречий и находило свое выражение в том, что дипломатические конфликты, колониальные войны. вооруженные столкновения в

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 61.

Европе, серьезные политические кризисы, чередуясь и переплетаясь, завязывались в тот гордиев узел, разрубить который должен был меч войны.

Для прикрытия политики империалистских захватов, организации и консолидации военно-политических блоков была использована ширма буржуазного пацифизма.

Это нашло свое выражение в созыве первой в истории капитализма разоружительной конференции, так называемой мирной конференции в Гааге (1899 г.).

Политический смысл этой, как и следующей мирной конференции (1907 г.), был довольно точно определен германским императором Вильгельмом II; на одном из секретных донесений о закулисных переговорах по вопросу о том, как создать в народных массах еще одну иллюзию о возможности предотвращения империалистских войн, кайзер Вильгельм наложил грозную резолюцию: «В своей практике я буду и в дальнейшем полагаться только на бога и на свой острый меч». Он выдал тут не только свои собственные намерения, но и политическую программу всех империалистических правительств.

Итог Гаагской конференции сводился к решению о желательности ограничения государственных расходов на военные нужды. Известно, что добрыми намерениями вымощен ад, и ни к чему не обязывающие пожелания, высказанные для широкой публики, выражали только начало резкого обострения империалистических противоречий и прикрывали перегруппировку сил на арене мировой политики.

Подготовляя войну, империалистическая буржуазия принимала в расчет оппортунистическое перерождение социалистических партий. К деятельности лидеров этих партий буржуазия относилась не только с некоторой долей высокомерной иронии, но и с большой уверенностью относительно той позиции, которая будет ими занята в решающий момент. «Характерно,—указывал, например, Извольский, русский посол во Франции, в связи с созванным накануне войны «Постоянным междупарламентским франко-германским комитетом», в котором принимали участие преимущественно социалистические депутаты парламентов обеих стран,— что наиболее жгучие политические вопросы, раз'единяющие оба правительства, и, в частности, главнейший из них—об Эльзас-Лотарингии, были обойдены на означенном собрании полным молчанием. Очевидно, что на этой почве невозможен разговор даже между самыми ярыми сторонниками франко-германской дружбы. Большинство здешней прессы (имеется в виду, конечно, крупная капиталистическая пресса Франции.—*А. Е.*).—заключает Извольский,—относится ко всему этому делу весьма скептически» [1].

Не менее хорошо знали правящие классы и «душу» германской социал-демократии, проданную отечественной империалистической буржуазии. Германский канцлер Бетман-Гольвег имел, очевидно, основания с полным удовлетворением и нарочито подчеркнутой скромностью отмечать в своих написанных позднее мемуарах, что голосование социал-демократии за военные кредиты, состоявшееся «4 августа, показало, что мое отношение было не совсем неправильно» [2].

Действительно, во всех империалистских странах «военная организация была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» по одиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей)—или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в горстке Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно вре-

---

[1] «Международные отношения в эпоху империализма» (в дальнейшем: М. О.), т. III, № 161.

[2] Бетман-Гольвег. «Мысли о войне».

мя, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию»[1].

Но каждое правительство должно было облегчить социал-демократическим вождям проведение их предательской линии, должно было предоставить им аргументы в пользу того, что развязываемая империалистическая война якобы является войной «оборонительной». И когда еще в самом начале 1912 г. один из крупнейших военных деятелей в конфиденциальной беседе заявил, что в предстоящей войне «искусство дипломатии будет состоять в том, чтобы не быть нападающей стороной»,—он этим самым формулировал то, что наряду с тайной подготовки империалистской войны для единого фронта империалистских правительств, генеральных штабов и лидеров социал-демократии огромное значение имеет создание той тайны, в которой империалистская война рождается...

II

Империалистические противоречия к весне 1914 г. достигли огромной напряженности. Каждый день приносил такие конфликты и инциденты, которые могли быть использованы в качестве повода для начала войны. Уже за две недели до убийства в Сараево,—непосредственного повода к возникновению войны,—состоялась встреча в Конопиште между австрийским престолонаследником Францем-Фердинандом и германским императором. Официально было об'явлено, что эта встреча носит совершенно частный характер и что она вызвана желанием Вильгельма посмотреть на чудесную расцветку роз в Конопиштском замке. В действительности же в Конопиште «с глазу на глаз»[2] обсуждалась не только австро-венгерская морская программа, которая предусматривала строительство дредноутов на 5 лет и срок выполнения которой был теперь сокращен,—но и «секретная программа, состоящая в изготовлении на заводах отдельных частей судов, могущих быть собранными в случае надобности весьма скоро»[3]. Германский империализм, опирающийся на огромную армию, имеющую ряд военно-технических преимуществ по сравнению со своими континентальными соперниками, считал, что общая международно-политическая ситуация, сложившаяся к 1914 г., достаточно благоприятна для того, чтобы военной развязкой на Балканах сделать огромный скачок к завоеванию мировой гегемонии. Для проведения в жизнь только что принятого во Франции закона о трехлетней службе, который должен был значительно увеличить кадры французской армии, требовалось еще известное время. Затруднения, переживаемые английским правительством в Ирландии, казалось, сковывали внешнеполитическую активность английского империализма. Одновременно германская дипломатия с напряженным вниманием следит за развитием отношений между царской Россией и Англией. Усилившиеся англо-русские трения, главным образом в Персии, зашли к 1914 г. столь далеко, что предметом официальных, крайне секретных, переговоров сделался вопрос о пересмотре конвенции 31 августа 1907 г.,—этой основы англо-русского соглашения. Правда, развитие противоречий между Англией и Россией на почве соперничества в Азии шло параллельно с процессами консолидации Антанты, в частности выразившимися в переговорах о заключении англо-русской (наподобие существовавшей англо-французской) морской конвенции. И, хотя переговоры эти были абсолютно секретными,—о них среди деятелей Антанты знало всего лишь несколько человек,—германское правительство, очевидно через своего шпиона, сидевшего в русском посольстве в Лондоне, было недурно о них информировано и в нужный момент, закулис-

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 265—266.
[2] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette» (в дальнейшем Gr. Pol.), XXXIX, № 15736.
[3] М. О., т. III, № 382.

но действуя соответствующими разоблачениями в прессе, сумело их приостановить и тем самым сорвать. Другой стороной развития англо-русских противоречий (по поводу которых в широкой прессе был поднят большой шум, прикрывающий подлинное намерение обоих правительств во что бы то ни стало преодолеть серьезные трения во имя борьбы против общего и основного врага, все усиливающего свою агрессию,—германского империализма) являлось некоторое сближение, наблюдавшееся в это время между Англией и Германией (соглашение о Багдадской железной дороге находилось накануне подписания, достигнуто было соглашение о совместном разделе Португальских колоний).

Таким образом то, чего не могла скрыть никакая дипломатическая тайна: факт углубления англо-русских противоречий и факт некоторого улучшения отношений между Германией и Англией (оба эти факта английская пресса муссировала), оставалось на поверхности и было принято в расчет австро-германским империализмом, когда он решил идти на развязывание войны. К этому толкала также и оценка внутренне-политической ситуации, сложившейся в Германии за последние годы под влиянием под'ема рабочего движения и обострения классовой борьбы. Такой вдумчивый и тонкий наблюдатель германской политической жизни, как Камбон, французский посол в Берлине, еще в конце 1913 г. отмечал, что некоторые влиятельные политические круги правящих классов Германии «желают войны из социальных соображений, так как они хотят переключить внимание на интересы внешнеполитического характера, которые одни только в состоянии помешать росту власти демократических и социалистических масс или отсрочить его». Обострялось внутренне-политическое положение и в Австро-Венгрии. Лоскутная двуединая монархия переживала тяжелый внутренний кризис в результате обостренной борьбы в сложном переплете классовых и национальных отношений.

В Конопиште рассматривался также вопрос о том, насколько царская Россия подготовлена к войне. И тут, по мнению Франца-Фердинанда, не было оснований опасаться царской России: «внутренние затруднения слишком велики, чтобы разрешить этой стране вести агрессивную внешнюю политику»[1]. С этой оценкой, очевидно, вполне согласился и германский император, который посоветовал своим австрийским союзникам воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы крепким ударом по Сербии предотвратить об'единение южного славянства и окончательно утвердить свое влияние на Балканах. Для германского империализма это рисовало перспективу неимоверного укрепления экономического и политического влияния, охватывающего огромный территориальный комплекс от Гамбурга до Персидского залива. Это означало вытеснение политического влияния русского империализма и финансово-экономического влияния французского империализма на Балканском полуострове, а также в Малой Азии. Но это означало, что вплотную ставился вопрос о войне.

И этот вопрос был поставлен австро-германским империализмом. Но царская Россия, опираясь на содействие французской дипломатии и парижской биржи, не только не собиралась уступить дорогу своему империалистскому сопернику, но и сама готовилась к дальнейшим захватам и к борьбе. И почти в те же самые дни, когда в Конопиште Австрия и Германия обсуждали вопрос о развязывании войны,—в Констанце Сазонов говорил о возможности «вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией по почину России», и тем самым о возникновении европейской войны «...в том случае, если... под каким-либо... предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию»[2].

[1] Gr. Pol., XXXIX, стр. 15736.
[2] M. О., т. III, № 339.

В сложной сети империалистских и местных, балканских, противоречий было достаточно предлогов для военного столкновения. И в те самые дни, когда в Конопиште и в Констанце обсуждались перспективы развязывания войны,—в глубокой тайне уже заложен был тот фугас, взрыв которого привел к австро-сербскому столкновению, как исходному очагу возникновения мировой войны.

Уже самый факт австро-венгерских маневров, проведенных вблизи сербской границы, в'езд Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня, в день сербского национального траура—«Видовдан»,—все это являлось не чем иным, как вызовом и провокацией в отношении сербского национализма, и привело в огромное возбуждение сербскую демократически и националистически настроенную молодежь, за спиной которой действовали тайные велико-сербские военно-патриотические организации Белграда. Австрийская провокация столкнулась со встречной провокацией, организованной тайной велико-сербской террористической организацией офицеров «Черная рука» («Единение или смерть»), руководимой начальником осведомительного отдела сербского генерального штаба, полковником Драгутином Дмитриевичем, по прозвищу—Апис. Эта законспирированная организация играла видную роль в политической жизни страны, и накануне войны она даже имела конфликт с правительством Пашича. Правительство не преследовало организацию «Черная рука», но боялась ее. Австрийское правительство уже давно, почти с самого появления «Черной руки», следило за деятельностью этой тайной велико-сербской организации. Следило за ее деятельностью и русское правительство, которое издавна через своих агентов завязывало связи с организациями сербских офицеров, политически поддерживая, однако, более осторожного и послушного Пашича. В 1910 г. царское правительство выдало субсидию в размере 4 млн. франков «Задруге», игравшей роль легального прикрытия «Черной руки». Уверенная в поддержке царской России (русский посланник в Белграде, Ник. Гартвиг уже давно носился с планами «натравить Сербию на Австрию»)[1], уверенная, что сербское правительство не решится назвать в Вене имена тех, кто взял на себя исполнение террористического акта, «Черная рука» довела свое дело до конца и на австрийскую провокацию ответила встречной провокацией.

В Вене тотчас же было решено, что сараевские события—удобный повод, для того чтобы свести счеты с Сербией. «Теперь или никогда!»[2]—в этих трех словах Вильгельма нашла свое выражение исходная позиция германского империализма в предвоенном кризисе. Соответствующие переговоры 5 и 6 июля велись в Потсдаме: «В Германии не поймут», если Австрия «упустит создавшуюся ситуацию, чтобы не нанести удара»[3],—так оценило австрийское правительство политический результат потсдамских переговоров. Отдав приказ по армии и флоту о подготовительных мерах на случай войны, Вильгельм отправился в свое давно предусмотренное морское путешествие. Несмотря на серьезность надвигающихся событий,—а вернее, именно имея их в виду,—путешествие не было отменено, дабы не возбуждать подозрений.

Австро-германский империализм считал создавшуюся ситуацию благоприятной,—более благоприятной, чем та, которая может сложиться через два—три года, когда царская Россия должна была закончить проведение программы своих военных мероприятий, а Франция должна была значительно увеличить контингенты своей армии на основании принятого закона о трехлетней военной службе.

---

[1] М. О. т. V. Приложение № 2.

[2] Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch (в дальнейшем — Д.). № 7.

[3] Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914 (в дальнейшем Ос. А), 1, 10.

Германское правительство всячески торопило Австрию, подталкивало ее к немедленному выступлению. Вопрос о войне был уже решен, австрийская дипломатия озабочена была лишь тем, чтобы пред'явить Сербии такие требования, которые неизбежно были бы отклонены. «Очистить Санджак—и тогда свалка немедленно налицо!» [1]—советует германский император. Предметом дипломатической активности всех империалистских правительств накануне взрыва являлось создание таких условий, при которых можно было политическую ответственность за развязывание войны переложить перед лицом масс на противника. И это являлось одной из причин задержки ультиматума, ибо, как формулировал Берхтольд, ультиматум должен был быть составлен так, чтобы ответственность за нападение перенести с Австро-Венгрии на Сербию. Но задержка об'яснялась еще и тем, что по расчетам начальника австрийского генерального штаба, Конрада фон Герцендорфа, проведение мобилизации возможно было только через 16 дней. Но этот срок совпадал со временем пребывания Пуанкаре в Петербурге, т. е. «предоставлял французам и русским возможность совместно договориться об их совместной позиции. Нота (ультимативная.—*А. Е.*) должна быть передана в Белграде, по возможности, до от'езда г. Пуанкаре из Парижа или после его от'езда из Петербурга. Это значит или 18 или 24 июля» [2]. И пока австрийское правительство готовилось к пред'явлению ультиматума, германская дипломатия через каналы буржуазной печати начала обрабатывать народные массы внутри страны и заграницей. Секретная инструкция специально требовала повлиять на прессу в том духе, чтобы «общественное мнение Европы насколько только возможно было уверено в истинной правоте Австрии» [3] и чтобы «самым тщательным образом скрыть все то, что может возбудить подозрение, будто мы (т. е. Германия) науськивали австрийцев на войну» [4]. Германская пропаганда в прессе была особенно активна в Англии,—и это имело, конечно, свои реально-политические основания: германский империализм рассчитывал добиться хотя бы временного нейтралитета Англии. Но британская дипломатия уже приступила к своей двойной игре, сталкивающей противников, углубляющей политический кризис и разжигающей европейскую войну.

6 июля, в тот самый день, когда заканчивались потсдамские переговоры, Лихновский «совершенно лично» сообщил Грею, что в Берлине считают необходимым, пользуясь слабостью царской России, не сдерживать Австро-Венгрию. Германская дипломатия тут начала зондировать позицию Англии в надвинувшейся войне. Полученный ответ мог лишь подталкивать Германию к выступлению: Грей осторожно соглашался с тем, что Россия не собирается выступать, и одновременно заверял, что Англия не имеет никаких обязательств в отношении России и Франции (в этом последнем, как мы увидим в дальнейшем, Грей сознательно лгал). Грей заверял, что Англия «в случае европейской войны никогда не выступит вместе с государством, являющимся нападающей стороной» [5].

В условиях развязывающейся империалистической войны ключ к определению нападающей стороны английский империализм оставлял в своем собственном кармане, и таким образом становятся понятными усилия Германии особенно воздействовать на английскую прессу. Не раскрывая своих карт, и оставляя за собой полную свободу действий, британский империализм по существу подталкивал Германию к выступлению.

[1] Д. № 29.
[2] Д. № 34-а.
[3] Д. № 31.
[4] Д. № 36.
[5] British Documents of the Origins of the War 1898—1914 (в дальнейшем—В. Д.). XI, № 32, ср. № 4.

Через два дня—8 июля, уже зная о сокровенных планах Германии и убедившись, что и царское правительство готово начать войну, английская дипломатия начала очень осторожно, но настойчиво подталкивать к выступлению и Россию. Подталкивая Германию своими уверениями, что царская Россия не выступит, Грей теперь вколачивал в мозги царского правительства мысль «...что рассчитывать на Германию... было бы неблагоразумно». Имея дело с Германией, английская дипломатия соглашалась, что Россия в военном отношении слаба и еще не подготовлена. Имея дело с царской Россией, Грей пел совсем иные песни. Когда царский посол в Лондоне Бенкендорф следующим образом резюмировал военное положение: «Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами, Франция—в том же точно положении, что прежде, Румыния стала подозрительной (с точки зрения Германии.—*А. Е.)*, Англия—тем более»,—Грей дал на это весьма многозначительный ответ: «Да,—заявил он,—таковы и мои по этому поводу впечатления, о которых я хотел бы, чтобы г. Сазонов знал. Наш разговор, конечно, является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать». И чтобы у царского правительства не оставалось сомнений в том, о чем следует подумать, Грей тут же указал, «что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести перемещается довольно быстро с Запада на Восток», что «своего основного противника Германия видит в России» и, что, «военное положение видоизменяется в невыгодную для Германии сторону» [1]. Таким образом, одной рукой подталкивая Германию, британская дипломатия другой рукой подталкивала царскую Россию. Каждый из противников укреплялся в своей уверенности относительно благоприятной позиции британского империализма, который, ведя двойную игру, активно разжигал европейский пожар.

Не удивительно, что в Вене по германскому совету укрепляется решение пред'явить Сербии «такие требования, которых она не смогла бы принять и таким образом создать предпосылку для военного выступления» [2]. Если содержанием своего ультиматума стремились вызвать войну, и по сроку его пред'явления—предполагали застать врасплох своих империалистических противников, то форма его была заранее определена: он должен быть составлен так, «чтобы быть понятным широкой публике—особенно в Англии, и чтобы несправедливость можно было ясно и определенно приписать Сербии» [3]. Все эти решения о войне были искусно скрыты под маской миролюбия, и заботливость о настроениях широкой публики зашла весьма далеко: было сделано все возможное, «чтобы создать впечатление, что ничто серьезное не предстоит». В частности, в Германии установлено было специальное наблюдение за прессой, которая, по словам Ягова, «не должна преждевременно возбуждать тревогу» [3]. Расчеты покоились на уверенности, что Россия,—как писал Ягов Лихновскому 18 июля,—в настоящее время к войне еще не готова, что Франция и Англия также не захотят теперь войны. «Через несколько лет Россия по всем компетентным предположениям будет уже способна к бою. Тогда она нас задавит количеством своих солдат, тогда она уже построит свой Балтийский флот и свои стратегические железные дороги. Наша группа, между тем, все более слабеет» [4].

Исходя из таких расчетов, германский империализм считал локализацию австро-сербской войны наиболее благоприятной для себя перспективой: она принесла бы ему победу над царской Россией и всей Антантой прежде,

---

[1] М. О., т. IV, № 146.
[2] Д. № 49.
[3] Д. № 70.
[4] Д. № 72.

чем началась война. На первых порах предвоенного кризиса германская дипломатия еще надеялась,—и Англия сознательно укрепляла эти надежды,—что английский империализм будет содействовать локализации войны, т. е. той расправе Австрии над Сербией, которая неизбежно закончилась бы усилением австро-германского империализма на Балканах. Но и европейская война, неизбежная в случае выступления царской России, не пугала германских империалистов: «Wenn der Kampf sich bietet dürfen wir nicht kneifen» [1].

После вынужденного отступления под напором австро-германского империализма в 1908—1909 гг. и в 1913 г. царская Россия уже с самого начала кризиса определила свою позицию: воевать. Задача заключалась лишь в том, чтобы дипломатическими переговорами замаскировать свои военные приготовления и изобразить эту войну, как войну вынужденную, оборонительную. «С нашей точки зрения следует сказать, — сформулировал эту задачу Бенкендорф, — что если судьба приведет к войне, то чем больше мы сделаем явно и открыто и реально для ее предотвращения, — тем лучше будет наше положение... Для Лондона это исключительно важно» [2], — добавляет он тут же, имея в виду, что необходимо представить английскому правительству такие аргументы, которые могли бы помочь обмануть «общественное мнение».

Давно предусмотренная поездка Пуанкаре в Петербург предоставляла великолепную возможность непосредственно договориться с французскими союзниками о дальнейшем совместном проведении намеченной политической линии.

О содержании переговоров, состоявшихся во время пребывания Пуанкаре в Петербурге (20—23 июля), осведомленный Бьюкенен сообщил в Лондон и там сделал соответствующий политический вывод: «Совершенно ясно, что Франция и Россия пришли к решению поднять брошенную им перчатку» [3].

В тот самый, давно и точно предусмотренный день и час — 23 июля, когда Пуанкаре отбывал из России, в Белграде был вручен грозный австрийский ультиматум. Содержание этого ультиматума в основном заранее было известно не только германскому правительству, но и английскому. Этот факт скрывался и официально отвергался ими под предлогом невмешательства во внутренние дела Австрии. Знали заранее о содержании этого ультиматума и французское и русское правительство. Молчание одних империалистских правительств являлось поддержкой, молчание других — дипломатической провокацией. И то и другое разжигало войну. Радостно была в Берлине встречена весть о вручении австрийского ультиматума: «Браво! — Написал Вильгельм.—От венцев этого уже и не ждали! Каким пустым оказывается все так называемое великосербское государство; так обстоит дело и со всеми славянскими государствами! Только бы покрепче наступить на ноги этой сволочи». С удовлетворением была встречена весть об австрийском ультиматуме и в Петербурге. «Это—европейская война!» [4]—радостно воскликнул Сазонов. Этими тремя словами он выдал сокровенные намерения всех европейских империалистских правительств.

III

Позиция германского империализма была уже заранее определена. «Австрия должна получить на Балканах перевес над остальными мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя» [5],—так формулировал ближайшую задачу германский кайзер.

[1] Д. № 72.
[2] М. О., т. IV, № 329.
[3] В. Д. № 101.
[4] М. О., т. V, № 25.
[5] Д. № 155.

Поэтому германский империализм торопил своих австрийских союзников нанести решающий удар на Балканах, чтобы застать соперников врасплох. В Берлине, как сообщил австрийский посол Сцегени 25 июля, «видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав». «Нам советуют, — пишет он, — самым настоятельным образом, немедленно выступить и поставить мир перед совершившимся фактом».

Некоторые надежды на то, что царская Россия вынуждена будет уклониться от войны, правящие круги Австрии и Германии питали еще в связи с теми сведениями, которые поступали относительно революционных выступлений в России. С другой стороны, эти выступления не на шутку перепугали союзников и друзей русского царизма. «В последнюю неделю, — встревоженно сообщал из Петербурга английский посол Бьюкенен, — мы имеем (кто «мы»? — английская дипломатия и царская охранка? — маленькая, но не случайная и весьма характерная обмолвка—*А. Е.)* целый ряд очень плохих стачек»[1]. Они носят исключительно политический характер и организованы подпольным центром, — сообщает далее Бьюкенен. Не случайно и не безосновательно в иностранных дипломатических кругах Петербурга считали, что среди «подстрекателей к войне... министр внутренних дел играет первую роль», что он указывает на «настроения, опасные в настоящее время даже для престола, из чего вытекает безусловная необходимость, чтобы что-нибудь произошло»[2].

Этим «что-нибудь» и являлось решение о форсировании войны: при обсуждении вопроса о мобилизации одним из главнейших аргументов являлось стремление с помощью войны прервать назревающий революционный кризис.

24 июля, еще до истечения срока австрийского ультиматума, царское правительство приняло решение просить у царя «соизволение на об'явление, в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского», направленных против Австро-Венгрии. Но, собираясь выступать в защиту братьев-славян, заодно сочли необходимым мобилизовать и черноморский флот: царизм сразу ставил вопрос о подготовке захвата Константинополя и проливов. Но на сей раз Николай II оказался последовательней своих сановников: если приходилось «защищать» сербов на Черном море, то это означало, что нужно воевать с Германией,— и в журнале Совета министров перед словами о мобилизации Черноморского флота Николай своей рукой вставляет слово «Балтийского»[3]. 25 июля царское правительство вынесло решение о введении со следующего дня на всей территории России положения о подготовительном к войне периоде. Военный механизм царской России начал работать, но, конечно, он не мог поспеть за аналогичными мероприятиями Австро-Венгрии и Германии, которые начали готовиться к войне после потсдамского совещания. Мы видели, что и английский флот уже к 25 июля был приведен в боевую готовность. В этот же день и французское правительство начало проводить ряд подготовительных мероприятий военного характера.

Поездка Пуанкаре в Петербург не была безрезультатна: даже Извольский, русский посол в Париже, «был поражен», насколько члены французского правительства «верно понимают положение и проникнуты твердой и спокойной решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами»[4]. Эта поддержка зашла столь далеко, что еще 30 июля, как только в Париже стало известно о германских угрозах отве-

---

[1] В. Д., т. XI, № 164
[2] М. О., т. V, № 395.
[3] М. О., т. V, № 19.
[4] М. О., т. V, № 129.

тить на русские военные приготовления об'явлением войны, французское правительство выступило с советом «чтобы приготовления эти носили как можно менее открытый и вызывающий характер...». «Военный министр,— сообщает Извольский,—высказал... что мы могли бы заявить, что в интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не мешало бы нам продолжать и даже усилить военные приготовления» [1].

Напряженные дипломатические переговоры о предотвращении войны, протекавшие между главнейшими столицами Европы, имели для каждого правительства, вступающего в войну, значение прикрытия проводимых военных мероприятий.

Если для германского правительства важно было создать представление, что война вызвана нападением русского царя на Германию, — то царское правительство стремилось создать представление о нападении кайзера на Россию. Англия же раньше прежде всего стремилась оттянуть внимание и силы германского империализма с запада на восток.

Английская пресса еще продолжала твердить о незаинтересованности Англии в австро-сербском конфликте. Официальная британская дипломатия заверяла Германию, что только с того момента, когда вслед за австрийской мобилизацией последует мобилизация России «возникает положение, в коем заинтересованы будут державы. Но уже до этого момента все было подготовлено, чтобы можно было мобилизовать британский флот в 24 часа. «Англию страшит не столько австрийская гегемония на Балканах, — сколько мировая гегемония Германии» [2], — так формулировал Бенкендорф исходные позиции британского империализма. Еще в течение ряда дней британская пресса и официальная дипломатия делали вид, что считают возможным и необходимым локализовать австро-сербский конфликт. На деле же британский империализм с самого начала понимал, что ни о какой локализации не может быть и речи, — и исходя из этого, поддержал решение царского правительства об об'явлении мобилизации. «Берлин является более, чем Вена, центром действия», — неустанно продолжала внушать своим русским друзьям английская дипломатия. Фактически же этот центр переместился в Лондон.

Борьба идет вовсе не по вопросу о судьбе Сербии,—указывал Кроу, один из ближайших сотрудников Эд. Грея, — борьба идет за мировую гегемонию.

«В этой борьбе... в которой Германия добивается своей цели утвердить свое политическое превосходство в Европе, — ...наши интересы переплетаются с интересами Франции и России»,—писал Кроу 25 июля, в тот момент, когда еще не было формально известно — примет ли, или отвергнет Сербия пред'явленный ей ультиматум.

«Если война вспыхнет и Англия в нее не вступит, — тогда это приведет к следующему:

а) Или побеждают Германия и Австрия; они раздавливают Францию и укрощают Россию. Французский флот уничтожается, Германия овладевает Ламаншем при содействующей или противодействующей кооперации Голландии и Бельгии; каково будет тогда положение Англии, лишенной друзей?

б) Или Франция и Россия побеждают. Какую они тогда займут позицию в отношении Англии? И как тогда будет обстоять дело с Индией и Средиземным морем?» [3].

Исходя из этой альтернативы Кроу и предлагал еще 25 июля принять решение о немедленной мобилизации флота,—и об этом решении поставить в известность французское и русское правительство. Пока английская либе-

---

[1] М. О., т. V. № 291.
[2] М. О., т. V. № 91.
[3] В. Д. № 101.

ральная пресса пропагандировала, что худой мир лучше доброй ссоры и великодушно приглашала Сербию принять любые, пред'явленные Австрией, требования, пока консервативная пресса, вроде «Таймс» и «Морнинг-Пост» размышляла о том, может ли Англия остаться невовлеченной в европейскую войну,— британская дипломатия своими предложениями о посредничестве и поддерживании мира умело разжигала эту войну.

Еще до истечения срока ультиматума, 25 июля британская дипломатия выступает с предложением задержать все другие мобилизации, кроме русской и австрийской. Но ни в России, ни в Австрии в этот момент формально еще не была проведена мобилизация, — и это предложение сразу, таким образом, давало английскую санкцию на превращение восточной и юго-восточной Европы в вооруженный лагерь.

Имея уже наготове свой военный флот, английская дипломатия считала, что пацифистский план очень хорош, если им можно сковать военную активность своего империалистского соперника: «Грей сказал мне, — сообщает Бенкендорф,—что этот план предполагает прежде всего согласие на него Германии и обязательство ее не мобилизоваться» [1]. Первое же английское предложение о предотвращении войны являлось не чем иным, как «средством пощупать пульс Германии», по выражению самого Грея, который, как свидетельствует Бенкендорф,—сам «мало рассчитывает на действительность придуманного им средства. Он (Грей.—*А. Е.)* сомневается,—сообщает далее Бенкендорф,— он признался им в этом совершенно конфиденциально, чтобы Германия отказалась от выгод чрезвычайной быстроты своей мобилизации» [2].

И в то время как в Германии английская дипломатия умышленно поддерживала иллюзии о своем нейтралитете, Бенкендорф утверждал, что он «не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои впечатления,—заключает Бенкендорф,—приводят меня к определенному выводу обратного порядка» [3]. На следующий день тот же Бенкендорф высказывает надежду, что ему удастся в самое ближайшее время «заставить Грея приподнять маску». Слово «маска»—не случайное слово. Маска пацифизма сыграла тут великолепную роль. Она была необходима, «ибо суть дела в том, что Грей не уверен в английском общественном мнении и опасается, что не будет поддержан, если он слишком ввяжется в дело».

Не снимая с себя маски, прикрывающей подлинные намерения британского империализма, Грей продолжал свое дело. Его многочисленные проекты о посредничестве и предотвращении войны,—всегда аккуратно запоздалые и заранее обреченные на провал,—имели весьма определенную цель: «Мне кажется более выгодным,—указывал Бенкендорф в связи с одним из таких посреднических выступлений,—что проект Грея был отвергнут не нами, а правительствами тройственного союза» [3]. Это давало возможность прививать народным массам сознание того, что угроза войны надвигается вплотную, несмотря на все противодействие английского правительства. И 27 июля, еще до того, как на континенте были об'явлены мобилизации армий, английское правительство уже поспешило произвести мобилизацию всего своего флота. На запросы в парламенте были заранее заготовлены весьма двусмысленные ответы, предварительно согласованные при этом с русской дипломатией.

Грей выступал как посторонний человек, желающий мира и ничего не знающий о подготовке войны. Он даже уверял, что его осведомленность по-

[1] М. О., т. V, № 56.
[2] М. О., т. V, № 91.
[3] М. О., т. V, № 126.

коится только на данных, опубликованных в прессе, в той самой прессе, которую читают и достопочтенные джентльмены, сидящие в Палате общин. Однако, добавил он, поскольку австро-сербский конфликт приобретает общеевропейский характер, нужно опасаться дальнейшего усиления пожара, который принесет неисчислимые бедствия всему миру [1].

Шли дипломатические переговоры, но еще более напряженно шли военные приготовления. 28 июля Вильгельм пытается сыграть на монархических чувствах русского царя и телеграфно убеждает его, что убийство австрийского престолонаследника — это «гнусное преступление», и что во всем последующем развитии кризиса «политика не играет никакой роли» [2]. Но царское правительство, зная громоздкость и медлительность своего мобилизационного аппарата, спешит, и после того, как убеждается, что секретно провести мобилизацию не удастся, назначает на 30 июля об'явление общей мобилизации [3]. Германские угрозы ответить встречной мобилизацией, конечно, не действуют и только заставляют царское правительство торопиться: ни для кого не являлось секретом, что германская армия может быть мобилизована в гораздо более короткие сроки. Заканчивала свои военные приготовления и Франция. В таких условиях приказ Николая II, внезапно испугавшегося надвигающихся событий, об отмене мобилизации вызвал буквально панику в царском правительстве. Сазонову пришлось прибегнуть к сильному нажиму, чтобы вырвать у венценосного кретина согласие на об'явление общей мобилизации, а начальник штаба Янушкевич, во избежание повторения подобной неожиданности, хотел даже сломать свой телефон. Судьба миллионов людей, посылаемых на бойню, была решена, и «известие об этом, по свидетельству одного из самых близких участников событий, было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело» [4]. Такие же настроения господствовали в момент развязывания войны и в руководящих кругах Парижа: там в генеральном штабе наблюдалась «нескрываемая радость воспользоваться выгодной, по мнению французов, стратегической обстановкой» [5]. Столь же приподнятое настроение было и в руководящих политических кругах австрийского и германского империализма. Но 29 июля в Германии впервые дрогнуло сердце у правительственной верхушки.

В Берлине получили известие от посла в Лондоне Лихновского, что британский империализм недвусмысленно дал понять о своей готовности к войне. Война с самого начала пошла по варианту, хотя и предусмотренному, но наиболее нежелательному для германского империализма. Это вызвало бешенство в правящих кругах германского империализма. «Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! — надписал Вильгельм на телеграмме Лихновского. — Гнусная, торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами... Это, по существу гроза, соединенная с блефом, чтобы раз'единить нас с Австрией, помешать мобилизации и взвалить вину за войну на нас. Он (Грей. — *А. Е.)* знает определенно, что стоит ему только произнести одно серьезное предостерегающее слово в Париже и Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир, а уж никак не мы! Это следует и публично установить» [6].

---

[1] В. Д. XI, № 190.
[2] М. О., т. V, № 184.
[3] М. О., т. V, № 210.
[4] М. О, т. V, № 224.
[5] М. О., т. V, № 297.
[6] Д., № 368.

«Грей отлично понимает положение и смотрит на дело совершенно ясно, — сообщал Бенкендорф 31 июля. — Прошу вас считать несомненным, что правительство не может двинуться вперед, не подготовив общественного мнения» [1].

«Сегодня было констатировано, что в данный момент парламент не может одобрить решительную позицию; дело Сербии нисколько не захватывает общественное мнение... но новые события могут легко изменить настроение умов; нужно их выждать» [2].

Эта выжидательная тактика вызывала большое нетерпение в правящих кругах Франции, которые, зная, что по плану Шлиффена-Мольтке и ввиду медлительности проведения русской мобилизации главные силы Германии будут брошены на французскую границу, всячески торопили английский кабинет. 1 августа Грей вынужден был заявить, что британский кабинет еще не в состоянии выступить. «Они нас предадут! Они нас предадут!» — вскричал изнервничавшийся Камбон. Вечером того же дня германский посол граф Пурталес явился к Сазонову и еще раз потребовал отмены русской мобилизации, но получил отказ. Вынув из кармана сложенную бумагу, Пурталес, не скрывая своего волнения, второй и третий раз повторил свое требование. «Сазонов, — как гласит запись свидетеля, — твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ». Сложенная бумага была передана Сазонову — это была нота с об'явлением войны, «которая, как оказалось впоследствии, содержала в себе 2 варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенные в одном тексте» [3].

Вслед за об'явлением русско-германской войны последовало и начало войны между Францией и Германией. Предлог для этого был создан немедленно: берлинское правительство ссылалось на то, что над германской территорией пролетали французские военные самолеты. Впоследствии оно вынуждено было признать, что никаких самолетов никто не видел.

Как бы то ни было, к обоюдному удовлетворению противников война началась и на Западном фронте. «Этот европейский мировой характер конфликта бесконечно важнее повода, его возбудившего» [4],—телеграфировал Сазонов в Лондон, призывая английское правительство к выступлению. И еще до формального об'явления войны Камбон, терпение которого уже иссякло и который не хотел ждать, пока английское правительство будет считать законченной операцию обмана своих народных масс, явился в английское министерство иностранных дел и положил на стол небольшой документ. Это был меморандум, напоминающий об одной хранящейся у него «маленькой бумажке» — письме, которым Эд. Грей еще в конце 1912 г. секретно подтвердил готовность Англии применить военные соглашения, заключенные между французским и английским генеральными штабами при переговорах, начавшихся еще в 1906 г. Это политическое обязательство являлось столь секретным, что о нем не знали даже многие члены кабинета. «Теперь я жду, — говорил Камбон, — и хочу убедиться, не вычеркнуто ли слово «честь» из английского словаря». Решение британского кабинета не заставило себя долго ждать.

Первые германские отряды перешли французскую границу — и это вызывает у французского правительства вздох облегчения, ибо «даст возможность... заявить палатам... что на Францию сделано нападение, и избежать формально об'явления войны».

В ожидании неизбежного нарушения бельгийского нейтралитета, английское правительство обращается к Германии и Франции с требованием сохра-

[1] М. О., т. V, № 350.
[2] М. О., т. V, № 351.
[3] М. О., т. V, № 396.
[4] М. О., т. V, № 452.

нить бельгийский нейтралитет, гарантированный державами еще в 1839 г. Все это делается в стремлении доказать массам, что английское правительство хочет мира и только мира, что оно стоит на страже справедливости и свободы малых государств. «Даже консерваторы, — не без удивления сообщает Бенкендорф, — несмотря на воодушевляющий их воинствующий дух, стараются не выступать в роли военной партии, что могло бы оттолкнуть... массы».

К 3 августа английский империализм, его правительство, его пресса достигли уже многого: «Возбуждение в Лондоне возрастает с часу на час» [1]. И в этот же день Эд. Грей уже выступает перед парламентом со своей знаменитой речью о неизбежности войны во имя чести (в наличии которой, как мы знаем, далеко не был уверен Камбон), во имя справедливости, во имя жизненных интересов английского народа, во имя сохранения бельгийского нейтралитета. «Речь была произнесена твердым тоном,— передает Бенкендорф свое впечатление.— Грей заботится о непосредственном достижении своей цели. Но нужно предоставить ему свободу и выбор средств» [2]. В этих средствах обмана масс руководитель внешней политики британского империализма ни в какой мере не стеснялся. Он утверждал, что Англия не имеет никаких секретных политических обязательств, и в доказательство он даже прочел ту секретную «маленькую бумажку», которой грозил ему Камбон. При чтении ее он, однако, весьма предусмотрительно опустил те строки, которые указывали на существование военных соглашений с Францией, а также о политической санкции этих соглашений.

Грей заявлял далее, что Англия не может допустить нарушения бельгийского нейтралитета,—и скромно умолчал о том, что уже в течение целого ряда лет английский генеральный штаб строил планы, предусматривающие ведение войны на территории Бельгии, что, начиная с 1906 г., между английским и бельгийским генеральными штабами велись секретные переговоры и о том, что еще во время первого марокского кризиса Англия разработала планы переброски экспедиционного корпуса на континент через Бельгию.

Все это осталось скрытым от народных масс, которые войны не хотели. Германии была послана ультимативная нота, которая, как это заранее было известно, была столь же неприемлема как и австрийская нота, врученная Сербии. Не было никакого сомнения в том, что Германия не откажется от проведения своего военного плана, но стремление к войне было столь велико, что даже тут не обошлось без маленького подлога: срок ультиматума истекал в 12 часов ночи. Английский кабинет собрался, как сообщает об этом Ллойд-Джордж, за большим зеленым столом в зале, где не раз принимались в прошлом исторические решения. Хотя не было никаких надежд, что германский империализм согласится встать на колени, все-таки опасались, как бы Германия не приняла ультиматума. И, чтобы предупредить это, было решено использовать разницу во времени между Берлином и Лондоном: считать срок истечения ультиматума на один час ранее. В ожидании ответа, все смотрели то на стрелку часов, то на двери, и когда пробило одиннадцать, в зале воцарилась торжественная тишина. Через 20 минут явился Уинстон Черчиль и сообщил, что им разослана по всем морям и океанам радиотелеграмма, приказывающая английским военным судам начать военные операции.

В глубокой тайне от народных масс война была подготовлена. Массы были поставлены перед совершившимся фактом. В глубокой тайне зарожденная, мировая война началась...

[1] М. О., т. V, № 486.
[2] М. О.. т. V, № 534.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

I

Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО К ИОАН НАДЕЖДЕ

Публикуемое здесь письмо взято из той обширной переписки, которую Энгельс вел в период возникновения II интернационала с представителями и руководителями социалистических рабочих партий различных стран. Иоан Надежде (Joan Nadejde), румынский профессор, в 80-х годах был членом Генерального совета румынской социалистической партии и редактором ее периодического органа (в конце 90-х годов Надежде перешел к либералам). Непосредственным поводом для настоящего письма являлись, очевидно, материалы, пересланные Надежде Энгельсу через посредство Каутского.

Перевод письма сделан с черновика, имеющегося в архиве Института и написанного на французском языке. Письмо входит в XXVIII том сочинений Маркса и Энгельса, подготовляемый в настоящее время к печати.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б).

(Лондон), 4 января 1888 г.

Г-ну И. Надежде.

Уважаемый Гражданин!

Мой друг К. К(аутский) редактор «Neue Zeit», передал мне несколько комплектов «Rivista sociala» и «Contemporanul»[1], в которых напечатаны также и Ваши переводы некоторых моих работ и в частности моего «Происхождения семьи и т. д.» Позвольте мне выразить Вам мою искреннюю благодарность за труд, который Вы любезно взяли на себя, чтобы сделать эти работы доступными румынской общественности.

Помимо той чести, которой Вы меня удостоили, Вы оказали мне и личную услугу, так как предоставили мне возможность научиться, наконец, хоть немного Вашему языку. Я говорю наконец, потому что вот уже почти 50 лет, как я безуспешно пытался изучить его, пользуясь «Сравнительной Грамматикой романских языков» Дитца. Недавно я достал маленькую грамматику Сивока, но без упражнений для чтения и без словаря я подвигался очень медленно. С помощью вашего перевода я получил возможность сделать некоторые успехи; текст оригинала, латинская и славянская этимология заменяли мне

[1] «Социальное обозрение» и «Современник»—социал-демократические журналы, выходившие в начале 80-х годов под редакцией Надежде.

словарь, и благодаря Вам я могу теперь сказать, что румынский язык не является для меня совершенно незнакомым. Тем не менее Вы снова оказали бы мне очень большую услугу, если бы рекомендовали мне сносный словарь,— будь то румынско-немецкий, румынско-французский, или итальянский; это дало бы мне возможность лучше понимать Ваши статьи и брошюры «Ce vor Soc. Rum» и «K. M(arx) si Econ. nostre»[2], которые я тоже получил от К(аутского).

К величайшему своему удовлетворению я убедился в том, что социалисты Вашей страны строят свою программу на основных принципах той теории, вокруг которой удалось сгруппировать в единый тесный союз борцов огромное большинство европейских и американских социалистов, — теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом. Ко времени кончины этого великого мыслителя, социальное и политическое положение и успехи нашей партии во всех цивилизованных странах позволили ему закрыть глаза с уверенностью в том, что его усилия об'единить в единую великую армию и под одним знаменем пролетариев обоих полушарий увенчаются полным успехом. Но если бы только он мог предвидеть те огромные успехи, которых мы достигли после этого как в Америке, так и в Европе!

Эти успехи таковы, что всеобщая интернациональная политика стала необходимостью по крайней мере для европейской партии. Я снова с удовлетворением отмечаю, что и в этом отношении Вы принципиально согласны с нами и с массой западных социалистов. Об этом красноречиво свидетельствует Ваш перевод моей статьи о политическом положении Европы и Ваше письмо в редакцию «N(eue) Z(eit)». Действительно, все мы наталкиваемся на одно и то же огромное препятствие, мешающее свободному развитию всех наций вообще и каждой нации в отдельности, — развитию, без которого мы не сможем ни начать, ни тем менее завершить социальную революцию в различных странах, связывая их между собою для взаимного сотрудничества.

Это препятствие — старый Священный Союз, действующий под верховным руководством русского царизма и в конечном счете к его выгоде. Союз этот существует постоянно, даже в моменты внутренних раздоров, являющихся не чем иным, как домашними ссорами. Он будет существовать даже в случае непродолжительной войны между союзниками; ведь цель войны заключалась бы лишь в том, чтобы привести к повиновению Пруссию или непокорную Австрию. При условии существования Союза превосходство России над обоими союзниками вытекает из ее господствующего военного положения; положение это чрезвычайно укрепится после того, как Бисмарк, отторгнув в своем безумии Эльзас, предоставит силы Франции в распоряжение царя, как только Пруссия осмелилась бы пошевельнуться (результат аннексии, предсказанный Марксом еще в 1871 г.). Более того: Россия уязвима только со стороны Польши; другими словами, она для остальных двух союзников почти недосягаема, по крайней мере, если они не затеют войны, которая погубит их самих. Благодаря этим причинам, теперь, как и в 1815 г., Россия представляет собой ядро Священного Союза, является главным резервом европейской реакции. [Союз] трех убийц Польши, руководимый с 1815 г. русским царизмом, продолжает существовать до наших дней, несмотря на все кратковременные внутренние дрязги. В 1815 г. союз этот был основан в противовес революционному духу французского народа. В 1871 г. он был укреплен присоединением Эльзаса, превратившим

[2] «Что хотят румынские социалисты» и «К. Маркс и наши экономисты».

Германию в раба царизма, в царя — в арбитра всей Европы. В 1888 г. этот Союз поддерживается для того, чтобы подавлять внутри всех трех империй революционный дух, национальные стремления, а также и политические и социальные движения трудящихся классов. Так как Россия обладает стратегической позицией, почти недоступной нападению, то русский царизм образует ядро этого союза, главный резерв этой европейской реакции. Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, — вот, по моему, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним исчезнет злосчастное могущество, воплощением которого является ныне Бисмарк, и наша рабочая партия пойдет гигантскими шагами к революции. Австрия распадется на части, потеряв единственный смысл своего существования — самым фактом своего существования мешать торжествующему царизму поглотить разрозненные нации Карпатов и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно определит свою политическую позицию; румыны, мадьяры и южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои взаимоотношения и, освободившись от всякого иностранного вмешательства, установят новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинную миссию, миссию цивилизатора Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы вместо того, чтобы посылать на эшафот и каторгу лучших своих сыновей.

Вы в Румынии должны знать царизм, вы испытали его на собственном опыте, благодаря органическому регламенту Киселева[3], интервенциям 1848 г.[4], бесчисленным вторжениям в вашу страну, которая была для России лишь этапом по пути к Босфору, — благодаря уверенности, что ваша независимость прекратится в тот день, когда осуществится мечта царизма — завоевание Константинополя.

В настоящий момент союз, повидимому, распался, война неминуема. Если даже и вспыхнет война, то лишь для того, чтобы привести к повиновению непокорную Пруссию и Австрию. Я надеюсь, что мир будет сохранен; в подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одному из сражающихся, — наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы все они были разбиты, — если это только возможно. Эта война была бы ужасна, но что бы ни случилось, все в конце концов пойдет на пользу социалистическому движению и приблизит победу рабочего класса.

Простите меня за эти рассуждения, но в данный момент я не мог писать румыну, не высказав своего мнения по поводу этих жгучих вопросов. Мнение это сводится к следующему: революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и явилась бы началом всемирной социальной революции.

От редакции

Письмо Энгельса к И. Надежде имеет громадный интерес. Оно представляет собой как бы сводку взглядов Маркса и Энгельса по вопросу

[3] Органический регламент содержал основы управления Румынии (избрание господарей, финансы, судопроизводство, устав о торговле и т. д.). Он утвержден Государственным советом в Петербурге в 1831 году по предложению правительственного комитета, работавшего под председательством графа Киселева.

[4] Речь идет о русско-турецкой оккупации, происходившей после революционного восстания в Румынии в 1848 г., во время которого был отменен регламент Киселева, создана новая конституция и образовано временное правительство. Оккупация продолжалась 8 месяцев.

о международном значении и роли царской России. Энгельс пишет это письмо спустя 5 лет после смерти Маркса. И взгляды, проводимые на этот счет в письме к И. Надежде, в основе совпадают с тем, что проповедывали по этому поводу Маркс и Энгельс в течение всей их научной и политической деятельности, начиная по крайней мере с 1848 г. Меринг справедливо утверждал, что идея революционной войны против царской России была для руководимой Марксом «Новой рейнской газеты» «осью всей внешней политики». В царской России Маркс видел прежде всего руководящую державу Священного союза, главный источник сил германской реакции, международного жандарма, резерв мировой контрреволюции. В течение почти целого полустолетия эту оценку международной контрреволюционной роли царской России отстаивал и Энгельс.

Возьмите формулировки Энгельса в письме к И. Надежде:

«Царская Россия представляет собой ядро Священного союза».

«Царская Россия является главным резервом европейской реакции».

«Царская Россия — руководитель союза трех убийц Польши».

«Русский царь — арбитр всей Европы».

«Русский царизм — кошмар, тяготеющий над всей Европой».

Все эти формулы на разные лады дают один и тот же подход к вышеназванной проблеме. Эти формулы — сводка взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о контрреволюционной роли русского царизма на мировой арене.

Ненависть к русскому царизму, этому международному жандарму и палачу народов, Маркс и Энгельс проповедывали неустанно в течение ряда десятилетий. Эту ненависть они завещали рабочим всех стран. И вот, когда в 1914 г. вспыхнула мировая империалистская бойня, с.-д. вожди германо-австрийской коалиции попытались сыграть на традиционной ненависти международного пролетариата к русскому царизму и по заказу «своих» империалистов изображали империалистскую войну Вильгельма Кровавого как «революционную» войну «против царизма». Эти негодяи имели наглость при этом ссылаться на заветы Маркса и Энгельса. Публикуемое письмо Энгельса к И. Надежде лишний раз разоблачает подлую подделку социал-шовинистов. Обсуждая перспективу возможной войны внутри лагеря Священного союза и допуская, что царская Россия об'явит войну Пруссии и Австрии, Энгельс заявляет:

«В подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одному из сражающихся,—наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы все они были разбиты, — если это только возможно».

Эта постановка вопроса есть нечто прямо противоположное социал-патриотической позиции австро-германских с.-д. вождей в 1914—1917 гг. Эта постановка вопроса бьет социал-шовинистов прямо в лицо. Энгельс стоит, как видит читатель, целиком на «пораженческой» позиции. Самым желательным он считает поражение всех трех партнеров предполагаемой войны, в том числе и «своего» буржуазного отечества. Когда аналогичную позицию Ленин отстаивал в войне 1914 г., даже некоторые «интернационалисты» пытались высмеивать подобное — как они «остроумно» выражались — «панпораженчество». «Ведь это бессмыслица!» Не могут же все воюющие державы потерпеть поражение — кто-нибудь должен же победить. И «мы» должны «взять сторону одного из партнеров», — говорили эти господа.

Письмо Энгельса к И. Надежде доказывает, что «панпораженцем» был и Энгельс.

В течение почти целого полустолетия Маркс и Энгельс пропагандировали и призывали революцию в России.

О возможности крестьянской революции в России Энгельс говорил уже в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. «В России началась революция», — писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 г. по поводу созыва «нотаблей» в Петербурге. 11 января 1860 г. Маркс в письме к Энгельсу с восторгом отмечает, с одной стороны, движение американских рабов, с другой — движение крепостных в России: «Открылось социальное движение на Западе и на Востоке. Это будет грандиозно вместе с предстоящим крушением в Центральной Европе». 12 февраля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу (по поводу книги Флеровского «Положение рабочего класса в России»), что России предстоит «грозная социальная революция».

«Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции...», — пишет Маркс в письме к Зорге от 27 сентября 1877 г.

В полемике с Ткачевым Энгельс говорит: «Нет сомнения, что Россия накануне революции. Она одним ударом уничтожит последний резерв всеевропейской реакции».

В письме к Беккеру в 1877 г. Энгельс пишет: «Безрезультатная война или новая неудача наверно вызовет в Петербурге революцию» [1].

Во время русско-турецкой войны Маркс писал Вильгельму Либкнехту, что военное поражение царизма «очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, и тем самым ускорило бы и резкий перелом во всей Европе» (Архив М.—Э. Т. VI, стр. 381).

Герман Лопатин, состоявший в личной связи с Энгельсом, писал народнице Ошаниной, что Энгельс считал Россию Францией нового века. «Ей (России) законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства» («Летописи марксизма» № 7, 8 за 1929 г.).

В обращении Маркса и Энгельса к лондонскому митингу в связи с убийством 1 марта 1881 г. Александра II говорилось о том, что русское революционное движение «в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской коммуны». Российской коммуны — так прямо и сказано.

В одном из последних писем Энгельса к Марксу, незадолго до смерти последнего, Энгельс пишет: «Прошло доброе, старое время, и Россия не стоит больше за русской дипломатией, а противостоит ей» [2].

«Что может избавить от закона против социалистов?» — спрашивает Бебель в письме к Энгельсу. «Конечно, взрыв в России», — отвечает Энгельс.

«Странно, что все не могут привыкнуть к тому, что толчок должен придти оттуда, а ведь я не раз об'яснял это Бебелю», — замечает Энгельс в письме к Марксу от 30 ноября 1882 г. [3].

В таком же духе продолжалась переписка между Марксом и Энгельсом в течение десятилетий.

С величайшим вниманием Маркс и Энгельс следят за развитием освободительной борьбы в царской России, возлагая громадные надежды на русскую революцию.

Тот же ход идей мы видим в письме Энгельса к И. Надежде, писанном уже к самому концу 80-х годов:

«Революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и явилась бы началом всемирной социальной революции».

---

[1] Энгельс «Забытые письма», стр. 21.

[2] Переписка Маркса с Энгельсом. Письмо от 12 сентября 1882 г. Нем. изд. Т. IV, стр. 476.

[3] Там же, стр. 492.

Русские меньшевики и их «международные» собратья даже в «лучшие» их времена руководились следующими тремя «принципами»: 1) Свержение буржуазии ни в коем случае не может произойти сначала в такой экономически отсталой стране, как Россия. 2) Буржуазная революция в России должна привести к власти буржуазию: максимум — буржуазная республика! 3) Между такой буржуазной революцией и будущей социалистической революцией обязательно должна лежать долгая историческая эпоха во много десятилетий.

Эти взгляды ничего общего не имеют со взглядами Маркса и Энгельса.

Еще в «Классовой борьбе во Франции» Маркс писал: «Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно чем там».

Еще в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии» Маркс говорил:

«Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, конечно, руководствовалась исключительно низменными интересами и действовала грубо, желая добиться своего. Но дело не в этом. Весь вопрос в следующем: может ли человечество выполнить свое назначение без коренной социальной революции в Азии? Если оно этого сделать не может, то Англия, каковы бы ни были ее преступления, была лишь невольным орудием истории при совершении этой революции».

Еще в начале 60-х годов Маркс писал по поводу восстания тайпингов:

«Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в пороховой погреб современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится заграницей, непосредственно последует политическая революция на континенте».

В середине XIX в. Маркс допускал, что пролетарская революция может начаться во Франции. А Франция далеко не была тогда передовой промышленной страной.

Мы видим, таким образом, что Маркс и Энгельс ставили вопрос о пролетарской революции как и все остальные вопросы глубоко диалектически. Они допускали, что первый толчок может придти и из Франции, и из России, и из Индии, и из Китая. И, конечно, они готовы были «принять» революцию, откуда бы она ни пришла.

Только большевики, только Ленин и Сталин целиком восприняли подлинное учение Маркса и Энгельса, продолжили и развили его в обстановке империалистского периода капитализма. В известных записках Ленина о книге Суханова контрреволюционная сущность с.-д. взглядов на этот счет разоблачена до конца. Публикуемое письмо Энгельса дает в руки мирового коммунизма еще один аргумент против «международного» меньшевизма.

Превосходны в публикуемом письме замечания Энгельса по национальному вопросу. Распад Австрии и восстановление Польши целиком предсказаны Энгельсом. О миссии «благородной великорусской нации» Энгельс говорит в том же смысле и отчасти в тех же выражениях, как Ленин в его известной статье «О национальной гордости великороссов». Когда мы читаем у Энгельса о будущей роли революционной России как «цивилизатора Азии», нельзя не гордиться тем, что и это великое предсказание учителя ныне оправдалось. Вся политика СССР и в частности вся его ленинская национальная политика разве не являются — кроме всего прочего — осуществлением «миссии цивилизатора Азии» в самом лучшем, т. е. пролетарском, значении этого слова?

Каждый новый публикуемый документ Маркса и Энгельса, каждое новое, до сих пор неизвестное письмо их всегда и неизменно доказывает еще и

еще раз, что только большевизм, только ленинизм есть подлинный революционный марксизм нашей эпохи. В этом — величайшая гордость нашей партии мирового коммунизма.

II

Н. ЛЕНИН. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Ниже публикуется часть материалов одной из ленинских тетрадей посвященных вопросам империализма и мировой империалистической войны 1914 г. В подготовительных работах к книге «Империализм как высшая стадия капитализма», в выписках и заметках о войне 1914 г. Ленин вскрывает глубочайшие экономические корни мировой империалистической войны 1914 г. и в то же время тщательно и детально разбирает фактическую историю ее подготовки, ход развития международных конфликтов между империалистическими державами, «расстановку сил» на мировой арене и процесс формирования блоков «великих держав», столкнувшихся в 1914 г. в кровавой бойне за передел мира.

Публикуемые материалы представляют собой составленные Лениным синхронические таблицы — «опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 г. (Эгельгаф и др. источники)». Эти материалы взяты из тетради Ленина, посвященной выпискам и замечаниям по поводу работы Готлоба Эгельгафа (Архив ИМЭЛ № 18678) «История новейшего времени от франкфуртского мира до настоящего времени». Полностью эта тетрадь будет опубликована в XXIX Ленинском сборнике, где будут помещены последняя часть подготовительных работ Ленина по империализму и ряд новых ленинских материалов об империалистической войне 1914 г. и по национальному вопросу. Материалы являются одним из образцов исключительно тщательной работы Ленина по собиранию и изучению исторических фактов для разрабатываемого им вопроса.

Публикуемые заметки Ленина ярко и наглядно показывают вехи подготовки кровавой мировой империалистической войны, наступающее двадцатилетие которой характеризуется лихорадочной подготовкой империалистических держав к новой войне за новый передел мира, к военному нападению на СССР — великую страну социализма.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б).

Подготовка войны 1914—6 г.г. („вехи“).	(*Главнейшие*)	Кризисы в международной политике великих держав после 1870—1871 годов
1879: Союз Германии с Австрией.	*1877—1878:*	*(Освобождение национальных государств на Балканах). Грабят («делят») Турцию (Россия + Англия + Австрия).*
1891: Союз России с Францией.	*1885:*	*Россия на волосок от войны с Англией. Грабят*

(«делят») *С р е д н ю ю А з и ю* (*Р о с с и я* и *Англия*).

1895: (Китайско-Японская война). Грабят («делят») *К и т а й*. (*Япония + Р о с с и я + Англия + Германия + Франция*).

1898: Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») *А ф р и к у*. (!)

1904/5: (Русско-Японская война). Грабят («делят») *К и т а й и К о р е ю* (*Р о с с и я* и *Япония*).

1907: Союз России с Англией.

1905: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») *М а р о к к о*.

1911: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») *М а р о к к о*. *О б м е н и в а ю т* Марокко на Конго.

10 января 1891: Ультиматум Англии к Португалии: грабят («делят») Африку.

1899: Грабеж островов Самоа (совместно Англией, Германией и Соединенными Штатами).

1898: Испано-Американская война. (Грабят Кубу и Филиппину).

1898: Англия ведет переговоры с Германией о союзе против России. (Не сторговались!)

Октябрь 1898: Договор Англии и Германии: делят колонии Португалии («на случай» ее финансовой несостоятельности)...

1899: «Трения» между Германией, Англией и Соединенными Штатами из-за Самоа. Угрозы войной. Конфликт. Договор о «дележе» этих островов: 14 ноября 1899.

1900: Душат Китай все вместе: Германия + Россия + Соединенные Штаты + Япония + Англия + Франция.

1903: Выколачивают долги из Венецуэлы (бомбардировка): Германия + Англия + Италия.

1904: Договор Англии с Францией (8 апреля): делят Африку (готовятся к войне с Германией).

1907: Договор России с Англией (31 августа): делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией).

1908: Договор Японии с Соединенными Штатами (28 ноября) о гарантии «владений» обеих держав в Тихом Океане.

Июль 1910: Россия и Япония заключили договор: «обмен» Кореи на Монголию!

1911: Договор России с Германией (19 августа): «перестраховка» тоже своего рода (Багдад за Персию).

1911: Договор Англии с Японией (Англия нейтральна в случае войны Японии с Соединенными Штатами) (см. Франке в «Deutschland und der Weltkrieg» *)...

17 сентября 1914: «Договор» России с «независимой» Монголией. (Грабит Монголию).

* «Германия и мировая война». — Ред.

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1870—	Франко-прусская война (70—71)	„Союз трех императоров" (71). 72: свидание трех императоров в Берлине.	(1866—7: Россия берет Коканд) 1868: Россия берет Бухару 1873: Россия берет Хиву	73: Золотая валюта в Германии	Парижская Коммуна (71). 71—75: Суды над коммунарами.
—1875		1875: Конфликт Германии и Франции. Вмешательство Александра II.		Ноябрь 75: Англия скупает акции Суэца.	75: Социал-демократический съезд в Готе. Объединение
1873	77: Русско-турецкая война 79: *Война Англии с зулусами*	76: Переговоры России с Германией против Австрии 15 января 77: Договор России и Австрии (о дележе Турции). 78: Берлинский конгресс (грабят Турцию) 11 октября 78: Договор Австрии и Пруссии (об отмене пражских условий о Дании) 79: Союз Германии с Австрией (7 октября 79).	77: Англия берет Трансвааль 78: Англия берет Кипр 79: „Afrikanerbund" (союз голландцев в Южной Африке) 80: Гамбургский купец Гэдефрэй основал торговую компанию на *Самоа* (Рейхстаг 27 апреля 80 отклонил субсидию)	79: Протекционный тариф в Германии (союз промышленников и сельскохозяйственных аграриев)	78: Закон о социалистах в Германии (19 октября).
—1880					
1881—	27 февраля 81: Буры бьют англичан (при Майнбаберге)	81: (3 августа) Англия признала независимость Трансвааля 81: Россия подчинила туркменов 82: Англия берет Египет 83: „Тройственный союз" (Германия + Австрия + Италия) (20 мая 1882) 84: свидание трех императоров в Скерневицах 15 ноября 84: Берлин. Конго — конференция: делят Африку. „Независимость" Конго!!	81: Франция берет Тунис 81: Италия в Ассаб 84: Германия берет юго-западные африканские колонии + Камерун 84: Россия берет *Мерв*		
—1885	Война Франции с Китаем (из-за Тонкина)		85: Спор Германии с Испанией из-за Каролинских островов. 85: Англия берет Бечуана (южная Африка) 85: Франция берет Тонкин. 85: Италия в Массине 85: Англия берет Бирму	1880—88: Железная дорога в Самарканд 85: Субсидии пароходным обществам в Германии	

ПОСЛЕ 1870 ГОДА (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
1868—1871: Япония (революция и преобразования). 73: Республика в Испании (вмешательство немецкого морского офицера Вернера 1 августа 1873) 74: Альфонс XII в Испании и 74—6: Карлистская война	1867: Соглашение Венгрии с Австрией. 75: Восстание в Боснии и Герцеговине.	61 — 71: Крестьянская реформа и буржуазно-демократические реформы. *Россия.* 71: Начало „просветительной борьбы" в Германии (71—78). 71—79: Борьба с роялистами и клерикалами во Франции (75: победа республики). 2 апреля 73: Избирательная реформа в Австрии (4 курии). 75: Гражданский брак в Германии.		20 сентября 70: Италия берет Рим
	76: Восстание в Болгарии 77: Русско-турецкая война	Март 76: Кабинет левых в Италии (Депретис) до 91 г. 1877: Закон о всеобщем школьном обучении (Италия). 79: Отставка Фалька (конец „просветительной борьбы", см. 87). 1879: Новое судопроизводство в Германии.		30 января 1879: отставка Мак-Магона 79: Антисемитское движение в Германии (78: основание христианско-социалистической партии).
1 марта 81: Умерщвлен Александр II	82: Пражский университет делится на чешский и немецкий	81: Ирландский земельный закон Гладстона 82: Светские школы во Франции 84: Избирательная реформа Гладстона	81: Послание Вильгельма II о социальных реформах 83: Страхование от болезней в Германии.	

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1886— —1890	87: „Договор о перестраховке" (Германии с Россией)	90: Договор Англии и Германии (Меняют Гельголанд на часть Африки)		88: „Панама" во Франции 88: (4 октября) „Немецкий банк" получает концессию на Багдадскую железную дорогу (до Ангоры). 89: Сесиль Родс основал Chartered company of South Africa*	90: Конец исключительного закона в Германии
1891— —1895	94—5: Война Китая с Японией 1895: Война Франции против Мадагаскара	10 января 91: Ультиматум Англии португальцам (грабят Африку) 1891: Франко-русский союз 95: Мир в Симоносеки 95: Договор о Памире (Россия берет Афганистан).	93: Франция берет *Дагомею*	91: Торговые договоры Германии с Австрией и другими государствами (понижение пошлин) 92: Валютная реформа в Австрии 93: „Немецкий банк" получает еще концессию на Багдадскую железную дорогу 95: Канал императора Вильгельма	1893: железнодорожная стачка в Голландии
1896— —1900	96: Абиссиния побеждает Италию (1 марта) (Мир 26 октября 1896). 97: Греко-турецкая война. 98: Испано-американская война 99—1902: война Англии с бурами	97: Соглашение России с Австрией о Балканах. 98: Фашода (Англия и Франция делят Африку) (21 марта 1899)	96: Набег Джемсона (Англия в Южной Африке) 96: Англия берет *Амантию* 97: Франция берет Мадагаскар. 97: Германия берет Киао-чао 98: Вильгельм II в Иерусалиме 98: (?) Восстание в Андижане. 99: Германия берет Каролинские, Савойские и др. острова.		

* Свободная компания Южной Африки.—*Ред.*

ПОСЛЕ 1870 ГОДА (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
	86: Первое польское предложение(Германии) (Колонизационная комиссия)	86: 1-ый Гомруль—билль Гладстона 87: Конец „просветительной борьбы" в Германии (23 мая 1887). 88: Демократическое местное самоуправление в Англии	89: Страхование от старости (в Германии)	86: Буланже—военный министр. 90: Падение Бисмарка
	95: Восстание на Кубе.	1891: Подоходный налог в Германии 92: „Kleinstellengeset"** в Англии 93: 2-й Гомруль—билль Гладстона 93: двухлетняя военная служба (Германия) 1893: Избирательная реформа в Бельгии (множественность) 94: Начало дела Дрейфуса (Франция) 94: Гражданский брак в Венгрии 1888 — 1895: Переговоры Ватикана с Квириналом. Неудача!		92: „Rallies"*** во Франции 93: „Союз сельских хозяев" (Германия)
	98: Второе польское предложение (Германии). 99: Подавление Финляндии	96: Бадени создает пятую курию в австрийском парламенте. 98: Движение „освобождение от Рима" в Австрии. —		97: Люгер—мэр Вены. 98: Первый закон о флоте (Германия). (30 апреля 98 основан флотский союз). 900: Второй закон о флоте в Германии.

** Закон о мелких держаниях (земли).

***

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1901—	1900—01: Война с Китаем (боксерское восстание).	1902: Англо-японское соглашение		01: Окончание Сибирской железной дороги 22 января 1902: „Немецко-французское общество" получает концессию на Багдадскую железную дорогу + навигацию в Месопотамии + рудники 02: Таможенный тариф в Германии 03: Чемберлен за таможенный союз Британской империи.	
—1905	1904—07: Война с Гереро 1904—5: Русско-японская война	1904: Англо-французское соглашение 1904: Лубэ в Италии 1905: 2-е англо-японское соглашение	05: Англия в Лхасса 05: 13 мая в Танго-ре (Марокко).	05: Новые торговые договоры Германии	
1906—	1907: Конец войны в Африке (с Гереро и пр.)	1906: Конференция в Алжесирасе 1907: Соглашение Франции и России с Японией 1907: Соглашение России с Англией 1908: Свидание Эдуарда VII и Николая II в Ревеле (9 июня 1908) 1908: Соглашение Японии с Соединенными штатами о Тихом Океане		1907 (август): суд присуждает компанию „Стандарт-Ойль" к штрафу в 29 миллионов долларов	
—1910		1909: Немецко-французское соглашение о Марокко 1910: Потсдамское свидание (Вильгельм II и Николай II)	1910: Япония аннектирует Корею		1909: Баррикады в Барцелоне и Мадриде. Убийство Феррера 13 октября 1910: Бриан подавляет стачку железно-дорожных рабочих.

ПОСЛЕ 1870 года (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
		1901: „Республика" Австралии 1901: Французский закон о союзах (против орденов)		
	1902: Третье польское предложение (Германии)	1902: Отмена параграфа о „диктаторских полномочиях" в Эльзас-Лотарингии		
	1903: Венгерский кризис. (Конфликт с Австрией из-за языка в армии)	1903: Комб закрывает католические ордена во Франции 1903: Ирландский билль (аграрный)		
1905: Революция в России 1905: Отделение Норвегии	← 1905	1905: Двухлетняя военная служба в Германии 1905: Отделение церкви от государства во Франции		
1906: Парламент в Персии	1906/07: „Стачка" школьников в прусской Польше (до 50.000 человек)	1906: Диэты в рейхстаге 12 июля 1906: Восстановление в правах Дрейфуса		
1907: Государственный переворот в России		1907: Всеобщее избирательное право в Австрии 1907: Аграрный закон в Англии (помощь мелкой собственности)		
1908: Убийство Карла I в Португалии 1908: Революция в Турции 1908: Свержение Абдул-Гамида	1908: Исландия требует независимости от Дании и получает парламент 1908: Четвертое польское предложение (принудительная покупка) 1908: Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией 1908: Болгария объявляет себя независимой			
1909: Свержение шаха в Персии		1909: Новые льготы ирландским фермерам		
1910: Республика в Португалии	1910: Победа „национальной партии труда" над партией независимых в Венгрии 1910: Уничтожение независимости Финляндии !! 21 апреля 1910: Закон (Бельгия) о фламандском языке в средних школах (в четырех фламандских провинциях)	1910: Конфликт нижней и верхней палат в Англии		

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1911—	1911 (29 сентября): Турецко-итальянская война (Триполитанская) (—18 октября 1912)	1911: Русско-немецкое соглашение о Персии	1911: Франция и Испания идут „вперед" в Марокко	!! 15 мая 11: Суд объявляет компанию „Стандарт-Ойль" незаконной	
	1912: Балканская война (1-ая и 2-ая) 8 октября—17 октября 1912: объявление войны)	1911: Немецко-французское соглашение о Марокко			
			1913: Покушение России на Армению		
—1915	1914: Европейская война				

К ленинским материалам

Работы Ленина об империализме дают глубочайший теоретический анализ высшей стадии капитализма со всеми ее специфическими особенностями. Тщательно и всесторонне исследуя империалистическую фазу капитализма, Владимир Ильич звено за звеном вскрывает все ее отличительные черты, четко формулирует закономерности ее развития.

Сжатые, чеканные формулы Ленина, дающие такую четкую и исчерпывающую характеристику империализма, опираются на гигантский конкретный материал, мобилизованный и критически изученный Владимиром Ильичем. Каждый его теоретический тезис опирается на «Монблан фактического материала», во всех деталях и подробностях характеризующий различные стороны и черты империалистической стадии капитализма в ее возникновении и развитии.

Исследуя богатейший и разнообразнейший конкретный материал, характеризующий развитие капитализма в конце XIX и начале XX столетий, Ленин зорким глазом улавливает тенденции превращения капитализма в империализм, первые проявления этих тенденций, прослеживает их дальнейшее развитие, показывает, как меняется социально-экономическая ткань капиталистического мира, как развивается империализм — загнивающий, умирающий капитализм.

В основу ленинского анализа положен огромный экономический, статистический, исторический и географический фактический материал, детально рисующий конкретное развитие и проявление тенденций и черт империализма во всех важнейших капиталистических странах: в «великих державах» и малых государствах, в метрополиях и колониях, в странах развитых и отсталых.

Ленин не раз подчеркивал, что в своей работе об империализме он давал по преимуществу анализ экономики высшей стадии капитализма, ее экономической сущности. В то же время изучая и освещая эконо-

ПОСЛЕ 1870 ГОДА (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
1912: Республика в Китае		1911: Отмена (сокращение) привилегий верхней палаты в Англии 1912: Гомруль—билль Асквита 25 мая 1912: Избирательная реформа в Италии (число избирателей с 2 миллионов до 6 миллионов) 17 июля 1912: Избирательная реформа в Англии (всеобщее избирательное право) 11 апреля 1912: Принят Гомруль для Ирландии 29 апреля 1911: Отделение церкви от государства в Португалии	1911: Закон о страховании в Англии	

ническую основу империализма, Ленин привлекает огромный и с т о р и ч е с к и й материал, тщательно изучая конкретное историческое развитие отдельных стран, их столкновения и конфликты, пути их экспансии, механику колониальных захватов, ход борьбы за рынки сбыта, сырья, за об'екты экспорта капитала и т. д.

Чрезвычайно характерны в этом отношении хотя бы материалы, которые привлекает Владимир Ильич для обоснования одного из основных признаков в общей характеристике империализма — р а з д е л м и р а з а к о н ч е н.

В подготовительных работах Ленина, в его «Тетрадках по империализму» (которые составят 4 Ленинских сборника) часто можно встретить подробнейшие выписки, заметки, таблицы, касающиеся фактического хода борьбы за раздел мира, захват колоний и «сфер влияния». Ни одна деталь не ускользает от внимания Владимира Ильича. Пользуясь самыми различными источниками и материалами—от официальных справочников и работ махровых патриотических идеологов различных империалистических держав до марксистских исследований, от толстых фолиантов ученых историков и экономистов до газетных статей и заметок,—Владимир Ильич внимательнейшим образом прослеживает во всех подробностях реальный процесс раздела мира между империалистическими хищниками. В свете борьбы за раздел мира, где все меньше и меньше остается «свободных об'ектов», которыми могли бы завладеть империалисты, становится ясной вся дьявольская механика международной политики «великих держав», хитросплетенная сеть коалиций и союзов, договоров и соглашений, сделок и интриг.

Завершение раздела мира между важнейшими империалистическими державами в процессе развития империализма приводит к борьбе за передел мира. Здесь находятся корни империалистической войны 1914 г., которая явилась первым разрушительным взрывом этой кровавой борьбы. Исследуя конкретный процесс раздела мира между империалистами, Ленин теснейшим образом связывает его с мировой войной 1914 г., с ходом ее подготовки и «расстановки сил» борющихся стран. Ярким образцом этой работы Влади-

мира Ильича являются публикуемые в настоящем номере «Большевика» страницы из одной из ленинских тетрадей, посвященных анализу империализма и мировой империалистической войны 1914 г. Тетрадь эта (полностью она будет опубликована в XXIX Ленинском сборнике) посвящена выпискам и заметкам по поводу работы Готлоба Эгельгафа «История новейших времен от франкфуртского мира до настоящего времени».

Отношение Ленина к Эгельгафу достаточно определенно и недвусмысленно выражено в следующей красочной характеристике:

«Автор — мерзавец, бисмаркианец. Но книга все же очень полезна, как сводка фактов и справочник. Простая сводка дает картину империализма и демократических движений, как главных отличительных черт эпохи. (К понятию «эпохи» архиважно!!). О социализме архимало вследствие тупой реакционности автора. Прехарактерно, что идиот-автор, с педантичной аккуратностью дающий даты и прочее о каждом царьке, о родне царьков, о выкидышах нидерландской королевы (Sic! стр. 440) и т. п.— не упомянул ни звуком восстание крестьян в Румынии в 1907 году!! Приложенная к книге «Хронологическая таблица» составлена идиотски, перечень сухой, голый, не систематизированный».

Изучая материал по империализму, Владимир Ильич пользуется самыми различными источниками, в том числе и работами ярых идеологов империализма, его пророков и поэтов. Беспощадно разоблачая их, безжалостно вскрывая апологетический характер их рассуждений, Ленин тщательно изучает и использует по-своему даваемый ими фактический материал, всячески проверяя и критически его перерабатывая. Это относится и к работе Эгельгафа. Аттестовав автора должным образом, Владимир Ильич внимательно изучает приводимый в его работе материал, разбирая исторические факты, пополняя их другими.

Вот например характерные выписки и заметки Ленина (при чтении книги Эгельгафа) о восстании племени «гереро» (Африка), которое немецким войскам пришлось достаточно долго усмирять. Ленин замечает:

«Восстание Гереро (юго-западная Африка) — 1904 г. — XII и 1905. Их песня «Wem gehör Hereroland» [1] и припев: «Uns gehör Hereroland» [2].

— Немецкое войско дошло до 17 тыс. чел. «Гереро большей частью уничтожены (Sic!) — к большой жалости для них, как и для нас», ибо-де «рабочих рук» нет (!!)».

Или следующая любопытная запись:

«Бисмарк был за республику во Франции ради отдаления ее от монархической России». Посол граф Harry Arvin, «действовавший» в Париже за восстановление монархии, был отозван в 1874 г. и осужден в 75 г. за опубликование тайных государственных документов на 5 лет каторги (!)».

Сбоку Ленин пишет: «Бисмарк ЗА республику во Франции».

В конце тетрадки Ленин дает представляющую исключительный интерес сводку, освещающую «главнейшие кризисы в международной политике великих держав после 1870—71 годов». Освещение этих «кризисов» четко и ясно показывает «вехи» подготовки войны 1914 г., группировки империалистических держав и расстановку их сил:

1879 г. — Союз Германии с Австрией.

1891 г. — Союз России с Францией.

1907 г. — Союз России с Англией.

Ленин показывает достаточно наглядно, на какой почве «произрастали» и складывались эти союзы

1877—1878 г. — Грабят («делят») Турцию (Россия + Англия + Австрия).

---

[1] «Кому принадлежит земля Гереро». — Ред.

[2] «Нам принадлежит земля Гереро». — Ред.

1885 г. — Россия на волосок от войны с Англией. Грабят («делят») Среднюю Азию (Россия и Англия).

1895 г. — (Китайско-японская война). Грабят («делят») Китай (Япония + Россия + Англия + Германия + Франция).

1898 г. — Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») Африку.

1904/05 год — (Русско-Японская война). Грабят («делят») Китай и Корею (Россия и Япония).

1911 г. — Германия на волосок от войны с Францией. Англия грабит («делит») Марокко, обменивает Марокко на Конго

И т. д. и т. д.

Так, шаг за шагом в борьбе за раздел мира, складываются группировки империалистических держав для новой борьбы за его передел. Процесс формирования и расстановки сил империалистов — сложный, полный противоречий. Имеют, например, место и такие события, как в 1900 г. (Боксерское восстание в Китае). «Душат Китай все вместе: Германия + Россия + США + + Япония + Англия + Франция». Это трогательное единение в конкретной обстановке для конкретной цели — совместный грабеж Китая — отнюдь не мешает подготовке кровавой свалки 1914 г.

Ленин не ограничивается этой краткой «схемой». Он составляет подробные синхронические таблицы: «Опыт сводки главных данных всемирной истории в конце 70-х годов». При составлении этих таблиц Ленин пользовался, как он указывает, не только Эгельгафом, но и другими источниками. Среди этих дополнительных источников можно указать «Schulthess Europäischer Geschichts-Kalender» (Европейский исторический календарь Шультгесса, выходивший с 1861 г.).

Эти синхронические таблицы — документ выдающегося значения и интереса. Четыре странички обыкновенной ученической тетради тщательно разлинованы карандашом на клетки. И в них убористым, бисерным ленинским почерком вписаны соответствующие исторические факты, выстраивающиеся в стройные линии.

Ленин вообще придавал очень большое значение синхроническим таблицам, где исторические факты систематизированы «во времени и в пространстве», что чрезвычайно помогает сравнительному изучению реального хода исторического развития. Так, в отзыве на курс русской истории М. Н. Покровского Владимир Ильич указывает на необходимость разработки и включения в книгу синхронических таблиц.

Свой «Опыт сводки главных данных всемирной истории» от франко-прусской войны до мировой империалистической войны 1914 г. Ленин разбивает на 10 рубрик, по которым группирует исторические события:

1) Войны;

2) Дипломатия;

3) Колониальная политика;

4) Экономическая политика (тресты, партии; таможенные договоры и т. д.; крупные концессии);

5) Рабочее движение и социалистические партии;

6) Революционное движение (непролетарского характера);

7) Национальные движения и национальный вопрос;

8) Демократические реформы;

9) Социальные реформы;

10) Разное и примечания.

Период 1870—1915 гг. Ленин разбивает по пятилеткам. Ленинские синхронические таблицы требуют глубокого изучения.

Ленин не раз подчеркивал, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса яв-

ляется постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» (Ленин. Т. XV, стр. 12—13).

Публикуемый материал является одной из ярких иллюстраций того, как Ленин подходил к историческим материалам и использовал их в своей работе при анализе империалистической стадии развития капитализма и подготовки мировой империалистической войны 1914 г. По этим таблицам можно проследить весь ход процесса раздела мира конкретно- «в плоти и крови», можно ясно видеть все комбинации держав, их сговоры и внешнюю политику. В таблицах отчетливо видно, как происходил грабеж — «дележ» Африки и Азии; как главная добыча доставалась Англии, Франции, России, Японии. На долю империалистической Германии перепадает маловато. И эта бурно растущая империалистическая держава грубо и настойчиво добивается для себя больше места под империалистическим солнцем.

Ленинские синхронические таблицы помогают с исключительной четкостью изучать и сопоставлять различные исторические факты в различных странах в одни и те же периоды. Вот например первая строка ленинских таблиц. Франко-прусская война, Парижская коммуна. Ее разгром. Реакция. Вмешательство России. Свидание трех императоров в Берлине. Пока обостряются франко-прусские противоречия и грохочут пушки на полях франко-прусской войны, Россия берет Коканд, Бухару и Хиву. К концу пятилетия— снова конфликт Германии и Франции. Вмешательство Александра II. А Англия скупает акции Суэца.

Таблицы наглядно показывают, как тщательно и внимательно Ленин подходил к историческим фактам, не упуская самых, казалось бы, малозначащих деталей. Вот пятилетие 1876—1880: русско-турецкая война. Договор России и Австрии о дележе Турции. Берлинский конгресс—грабят Турцию. Англия берет Трансвааль. И тут же Ленин отмечает—1880: гамбургский купец Гэдефрэй основал торговую компанию в Самоа (рейхстаг 27 апреля 1880 года отклонил субсидию). Закон о социалистах в Германии И в графе «Демократические реформы»—закон о всеобщем школьном обучении в Италии. А в графе «Разное»—30 января 1879: Отставка Мак-Магона. 1879: Антисемитское движение в Германии (1878: основана христианско-социалистическая партия).

В графе «Рабочее движение и социалистические партии» вы найдете Парижскую коммуну, готский с'езд, железнодорожную стачку в Голландии (1893 г.) и баррикады в Барцелоне и Мадриде (1909 г.), а также—1910 г. Бриан подавляет стачку железнодорожных рабочих. В разделе «Экономическая политика» упоминается: 1879 г.—протекционный тариф в Германии (союз промышленников и с.-х. аграриев). 1880—1888 гг.—железная дорога в Самарканд (Россия). 1888:—«Панама» во Франции. Немецкий банк получает концессию на багдадскую железную дорогу до Ангоры. 1889: Сесиль Родс основал «свободную компанию Южной Африки». 1901: — Окончание Сибирской ж. д. 1902:—Таможенный тариф в Германии. 1903: Чемберлен за таможенный союз Британской империи. 15 мая 1911 г. суд об'явил компанию «Стандарт-Ойль» незаконной. Эту запись Ленин отчеркивает сбоку тремя чертами и ставит два восклицательных знака.

Чрезвычайно характерно особенное внимание, которое Ленин уделяет национальному вопросу и национальному движению, выделив их в особую графу. Здесь он отмечает и такие явления, как 1867 г. — соглашение Венгрии с Австрией; 1875:—восстание в Боснии и Герцеговине; 1876:—восстание в Болгарии, и такие, как 1882 г.—пражский университет делится на чешский и немецкий; 1899:—подавление Финляндии (Россией); 1906/7 г.—

стачка школьников в прусской Польше (до 50 тыс. человек); 1908:—Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией; 1910:—Уничтожение независимости Финляндии (Россией) и 21 апреля 1910 г.—закон (Бельгия) о фламандском языке в средних школах в четырех фламандских провинциях. Этот последний пункт Ленин отмечает двумя восклицательными знаками.

Невозможно, разумеется, исчерпать все богатства и глубину ленинских таблиц, помещенных им в качестве наброска в подготовительной тетради. Эти таблицы исключительно поучительны и в методологическом отношении как яркая характеристика подхода Ленина к историческому материалу.

Кое-какие неудачливые схематики у нас забыли, что сила марксизма—в его умении анализировать все явления в развитии, в их реальном движении, во всех их конкретных исторических связях и опосредствованиях. Марксизм—не отмычка, не сухая, безжизненная схема, не трафарет, которым можно по произволу мерить любые явления. Маркс не даром подчеркивал, что «события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторической различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собой, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя придти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности.»

Теоретические выводы Маркса—Ленина опираются на гигантский конкретный материал, взятый в историческом развитии. Ленин постоянно и настойчиво подчеркивал это. Вот например хотя бы его весьма поучительное указание:

«Для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло, и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной,—это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Лекция свердловцам о государстве).

Марксистская теория неразрывно связана с революционной практикой. И ленинский теоретический анализ империализма неразрывно связан с практикой революционной борьбы пролетариата против империализма, против империалистических войн, за пролетарскую революцию, за пролетарскую диктатуру, за социализм. Глубокий анализ исторического развития капитализма, его последней стадии—империализма—дает пролетариату новое оружие для борьбы и победы.

Марксистско-ленинская теория—острое оружие пролетариата в его борьбе за революционное преобразование мира.

Ленинский анализ империализма помог рабочему классу России, его большевистской партии найти правильный путь и превратить в революционной борьбе войну империалистическую в войну гражданскую, помог одержать великую историческую победу.

И сегодня, в 20-летнюю годовщину мировой войны 1914 г., рабочий класс, в упорной борьбе строящий социалистическое общество на $^{1}/_{6}$ части земного шара, смело и бодро смотрит вперед: великие уроки истории снова и снова укрепляют его уверенность в окончательной победе. Будущее принадлежит пролетариату.

Б. ТАЛЬ

Из архивов Карла Либкнехта и Клары Цеткин

Уцелевшая часть архива Карла Либкнехта содержит массу в высшей степени ценных документов, с которыми мы будем постепенно знакомить наших читателей. В настоящем номере мы печатаем 1) письмо Клары Цеткин к Карлу Либкнехту от начала 1915 г., посвященное вопросу о созыве международной антивоенной женской конференции, состоявшейся в марте 1915 г. в Швейцарии (Берн); 2) письмо Карла Либкнехта к Кларе Цеткин от 29 ноября 1915 г., писанное из военного лазарета и содержащее превосходную личную характеристику нашей Клары.

Дорогой товарищ Карл!

Простите, что я только сегодня даю знать о себе, хотя я вернулась уже в пятницу вечером. Но я совсем выбилась из сил, а кроме того меня постиг тяжелый удар. Костя[1] должен был выступить уже в пятницу утром. Его вдруг назначили в пехоту, и он отправился (прибыл) в Ульм. Так что я даже не могла больше увидеть его и дать ему наставления. Что это теперь значит для меня, может понять только Р[2], так как она знает, чем он теперь для меня является. Но я не должна падать духом, так как на мне лежит большая обязанность.

Сначала только краткое сообщение. В А.[3] было невозможно добраться до К. Г.[4]. Он был в Бр.[5], наши друзья делали все, чтобы известить его (о наших делах). М.[6] даже послал сообщение с особым курьером. Однако мы не получили ответа. Я не могла также добраться ни до кого из наших английских друзей, вследствие усилившейся морской блокады. Но вы увидите из нижеследующего, что все это не так плохо, и что, несмотря на это, я могла действовать в направлении соглашения, как мы о нем говорили; и, как я думаю, успешно. В. М.[7] и еще другие вполне согласны с нашими взглядами, которые одни только и могут быть положены в основу соглашения. Они сделают соответствующие сообщения К. Г.; они разделяли мое мнение, что при новой попытке соединить то, что распалось, не может быть и речи об

[1] Сын Клары Цеткин, много помогавший ей в политической работе.

[2] Здесь говорится о Розе Люксембург. Незадолго до начала женской конференции, когда Роза Люксембург пошла за паспортом, ее посадили в тюрьму для отбытия года тюремного заключения, к которому она была приговорена еще до начала войны.

[3] Амстердам.

[4] Камилл Гюисманс, секретарь Международного социалистического бюро, известный вождь социал-демократической партии Бельгии.

[5] Брюссель.

[6] Здесь говорится о Вилли Мюнценберге, бывшем впоследствии секретарем основанного во время войны Интернационала молодежи, центр (местопребывание) которого был в Цюрихе.

[7] О том же, что и в сноске 6-й.

официальном соглашении, а должно быть непринужденное обсуждение, в котором примут участие не только официальные представители партии, но и оппозиционные элементы.

Они, так же как и мы, считают необходимым участие (товарищей) из нейтральных стран, мое присутствие — само собою разумеющимся. Все (наши) друзья вполне понимают, что Женский интернационал делает подготовительную работу для совместного действия большого Интернационала и является передовым борцом за мир. Все обещали свою поддержку. Перспективы для нашей женской работы весьма благоприятны, несмотря на германский ф. п.[8] и на В. Адлера[9]. У меня было уже несколько заседаний с голландскими товарками, и мы пришли к полному соглашению насчет самого важного. Две английские товарки, несмотря на опасность, хотели нарочно приехать в А. для совещания со мной, но, к сожалению, не могли попасть на пароход. Самое важное то, что они принципиально обещали свое полное согласие (с нами) и содействие, если я возьму на себя руководство, а не предоставлю его каким-либо «благонамеренным» группкам. Мы придерживались того мнения, что должно действовать как можно скорее. Наша международная конференция должна состояться в Швейцарии 26, 27 и 28 марта. В Берне или Цюрихе — еще не решено. Я веду об этом переписку со швейцарками. Так как дело идет только о небольшом круге лиц, техническая организация не представляет затруднений. Главное, чтобы все о с т а в а л о с ь в т а й н е, пока мы не выступим публично с требованием мира, иначе многие товарищи встретят препятствия к участию в конференции. Кроме товарищей из нейтральных стран, несомненно, (примут) участие англичанки и русские; француженки обещали (участвовать), и мы надеемся, что правительственным социалистам не удастся отговорить их. Мы надеемся, что приедут и несколько бельгиек. Ф. П. (т. е. центральному комитету германской с.-д. партии) я сообщу (о конференции) только, когда все будет вполне готово. При известных обстоятельствах конференция может быть отсрочена до середины апреля. Я тогда просто сообщу ему и спрошу, входит ли в его намерения официальное представительство германских товарок и кого он намерен делегировать. Если он делегирует — хорошо, если нет — тоже ничего не изменится. Чтобы товарищ Циц[10] не чувствовала себя обойденной, я попрежнему продолжаю осведомлять ее (обо всем), дабы она могла неофициально, только как руководящий товарищ, принимать участие в работе. На обратном пути я остановилась в Дюссельдорфе и там беседовала с Б.[11] и несколькими дельными товарищами. Все они со страстью отдаются работе и делегируют нашего испытанного товарища Агнес[12]. Я уже написала товарищу Д.[13], чтобы она занялась этим делом в Берлине и его окрестностях, Лейпциге, Дрездене и по воз-

[8] Имеется в виду германский форштанд (ЦК) партии.

[9] Виктор Адлер был вождем австрийской социал-демократии и членом Международного социалистического бюро.

[10] Луиза Циц была секретарем женской организации при германской социал-демократической партии. Она принадлежала к группе Каутского.

[11] Имеется в виду Петер Бертен, тогда ориентировавшийся на группу «Интернационал», позднее перешедший в УСП—Независимую социалистическую партию (USP), а затем опять примкнувший к социал-демократии.

[12] Лора Агнес также принадлежала к группе Каутского, потом перешла в УСП (USP) и опять возвратилась в ГСП.

[13] Имеется в виду товарищ Кете Дункер, которая с первого дня войны стояла на левом фланге оппозиции, участвуя в группе «Интернационал», и была выбрана в Центральный комитет компартии на партейтаге, положившем основание КПГ в 1918—1919 г.

можности в Гамбурге. Она должна приехать сама, кроме того я рассчитываю на участие товарища Венгельс[14], при известных условиях и тов. Вурм[15]. Для (представительства) Южной Германии есть испытанная товарка. Нет надобности, чтобы германская делегация на конференции была многочисленна, но (она должна) состоять из лиц, много поработавших в партии. И такая делегация у нас будет. — На следующей неделе я встречусь с австрийскими товарками. Надеюсь, что среди них будут такие, у которых найдется мужество восстать против адлеровской дипломатии и верховной власти. Во всяком случае я думаю, что как в Германии, так и в Австрии официальная партия откажется от своей политики неучастия в конференции, когда они увидят, что они этим только опозорят себя перед всем Интернационалом и все-таки ничего не смогут изменить. Благодаря самоотверженности голландских товарок уже собраны денежные средства для конференции.

Первая и важнейшая задача конференции, конечно, международная борьба женщин за мир. Для этого нужно выработать: 1) принципиальную декларацию, устанавливающую определенные директивы, предлагающую товаркам всех стран по возможности сообща и одновременно бороться за мир и в особенности не бояться демонстраций с требованием мира; 2) агитационный манифест к женщинам всех стран, предназначенный для массового распространения. Кроме того содействовать агитации должны две небольшие брошюры, в одной из которых должны быть собраны все до сих пор известные проявления солидарности и борьбы социалистических женщин за мир, а другая должна содержать отчет о нашей конференции. Наша борьба за мир должна увенчаться международной демонстрацией за мир, где должны высказаться представительницы всех стран. Вторым предметом обсуждения на конференции должны быть средства и пути, какими можно противодействовать национализму в общих рабочих организациях и добиваться признания принципов международного социализма.

Что Вы скажете обо всем этом? Я на днях пришлю Вам набросок наших принципиальных директив. Пока, повидимому, все идет на лад. Будем надеяться, что в последнюю минуту мы не встретим препятствий. Сообщение между континентом и Англией, а также с Францией и Бельгией очень плохое. Но мы все-таки надеемся все устроить.

Вы понимаете, сколько у меня дела в связи со всем этим, тем более, что со мной нет Кости. Я была погружена по уши в редакционную работу[16], которую надо было закончить к понедельнику. Теперь приходится с тревогой ожидать решения цензуры[17].

Радикальная организация в Вюртемберге издает листки для распространения по всей Германии. Я убеждена, что она с удовольствием издала бы что-либо, касающееся Вашего дела; тогда напечатанное исходило бы не от отдельных лиц только, а от целой организации. Однако я ничего не буду предпринимать в этом отношении, пока я не узнаю Вашего мнения. Следовательно, отзовитесь поскорее. Лучше всего пошлите Ваш ответ заказным в редакцию «Глейххейт» или «спешной почтой», особенно в случае вложения рукописи протеста против фракции. Самой собой разумеется, я бы спросила Вас еще о

---

[14] Товарка, принимавшая тогда участие в работе группы «Интернационал».

[15] Принадлежал к группе Каутского.

[16] Речь идет о редакторской работе для «Глейххейт», тогдашнего периодического органа социал-демократической партии Германии для женщин, который редактировала Клара Цеткин.

[17] Во время войны все газеты и журналы подлежали предварительной цензуре полицейских властей.

разных вещах, но на сегодня довольно. Ведь о самом важном Вы сообщите мне и без вопросов. Если Вы увидите Р. или будете писать ей, передайте ей тысячу поклонов, она на днях получит от меня подробное письмо.

Сердечный привет Вам, Вашей милой жене и всем

Ваша

(подп. Клара Цеткин).

Я только что говорила с Генриэттой *. Она послала адвокату заказное письмо. На всякий случай прилагаю для Вас его копию, так как, может быть, письмо еще не доставлено. Будем надеяться, что Генриэтта поступила правильно (не промахнулась?).

---

29 ноября 1915 г.
Берлин (Шенеберг)

Резервный госпиталь.

Дорогой друг Клара!

Попали ли к Вам в руки прочие мои письма, не знаю, но то, что Ваше здоровье лучше, нас порадовало. Улучшение должно продолжаться, ради Вас и ради нас. Ваше здоровье — драгоценное достояние, которым заведуете Вы и Ваши дорогие родственники, с помощью заботливых и дельных врачей; наши самые горячие пожелания всегда с Вами; и Вы не измените и не должны изменить и в этом важном вопросе. Надеюсь скоро получить подробные и гораздо лучшие известия.

Уже более 2 недель я торчу здесь, в этой золотой клетке, под надзором отличных врачей. Они теперь подтвердили и по об'ективным симптомам диагноз, поставленный еще в Кбг-е[1] — воспаление нервов, самые мучительные стороны которого теперь, конечно, с известной опасностью рецидива — уже устранены (благодаря электро-световым ваннам). Завтра мне разрешено выйти на несколько часов. Меня хотят потом еще послать на воды (в Висбаден). Но это не должно помешать моей политической работе.

Итак, насчет меня ни в коем случае не беспокойтесь.

Старик[2] был вчера с супругой у меня. Они ведут себя отлично во всех отношениях. Трогательна его забота о Вас, хотя и понятна.

Как обстоит дело с Монтре или Веве́й?

Моя жена шлет Вам сердечные поклоны и пожелания. Вы целиком, вполне и надолго покорили эту женщину, сердцем которой не так-то легко овладеть. Это одна из бесчисленного количества Ваших побед. Так как у Вас (во всем Вашем существе) высокий ум и энергичная деятельность сочетаются с трогательной добротой и юношеским энтузиазмом, в Вас есть редкая сила обаяния для друзей и даже для врагов: Вы в самой гуще жесточайшей партийной борьбы и вместе с тем — Вы выше ее. Вы трансцендентальны. Синтез научно-воспитанного ума и благороднейшего чувства гуманности — социалистка.

Вы нужны нам, Вы нужны миру еще долго, долго.

Я всецело с Вами.

Всего, всего лучшего Вам и всем Вашим.

Ваш Карл Л.

Роза живет хорошо!

---

* Речь идет о Генриэтте Роланд-Гольст, которая хотела помочь Розе Люксембург приехать в Амстердам.

[1] Кгб—Кенигсберг. К. Л. сначала был привезен с Восточного фронта в Кенигсбергский лазарет, потом в Берлин—Шенеберг.

[2] Старик — Франц Меринг.

От редакции

При недавнем повторном тщательном просмотре архива Карла Либкнехта было найдено письмо Клары Цеткин Карлу Либкнехту от 1915 г. К сожалению, письмо сохранилось не полностью: полстраницы отрезано. Публикуемое письмо представляет большой интерес, потому что оно позволяет ближе познакомиться с деятельностью Клары Цеткин, которая как генеральный секретарь Международного бюро женщин-социалисток уже в первые месяцы империалистической войны прилагала все свои силы к тому, чтобы возобновить международные рабочие связи.

В письме говорится о подготовке к созыву первой международной конференции во время войны, Бернской международной женской конференции. Вопрос о ней был поставлен уже в ноябре 1914 г. заграничными представительницами женских организаций, примыкающих к Центральному комитету Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Клара Цеткин целиком поддержала эту инициативу; в декабре 1914 г. как секретарь Международного бюро женщин-социалисток она выпустила воззвание к женщинам-социалисткам всех стран о «борьбе за мир» и тотчас же взялась за организационную подготовку к международной женской конференции.

Конференция заседала с 26 до 28 марта в Берне, и в ней участвовали 25 делегаток из Англии, Германии, Голландии, Швейцарии, Италии, России и Польши. Большевистскую делегацию возглавляла Н. К. Крупская. В порядке дня стоял вопрос: международные выступления женщин-социалисток в пользу мира. Клара Цеткин представила, выработанный ею при участии английских и голландских делегаток проект резолюции, который был принят против голосов русских и польских делегаток. Русская делегация внесла свой проект резолюции, подвергавший резкой критике и осуждавший политику социал-демократических партий и выдвигавший лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую». За эту резолюцию голосовали только русская и польская делегации.

Рассматривать содержание письма Клары Цеткин и его политическую линию как и позицию германской делегации на Бернской конференции и судить о них следует в связи с оценкой позиции всей тогдашней германской левой вообще. Старая левая германской социал-демократии в довоенное время не понимала твердости и непреклонности, с какой Ленин и большевики вели борьбу против оппортунизма, требуя раскола с оппортунистами и центристами. Они не признавали железной революционной необходимости разрыва с оппортунизмом и образования и создания новой партии, партии «нового типа». Они считали «единство» партии драгоценным, неприкосновенным достоянием и решительно отвергали мысль о расколе.

В первые годы мировой войны несмотря на призывы Ленина германская левая не ставила вопроса об образовании новой партии и создании нового, Третьего интернационала. Эта половинчатость, слабость и политические упущения германской левой проявляются и в письме Клары Цеткин. Она питала иллюзию, что удастся преобразовать «официальную партию». В подготовительных работах к конференции она опиралась не на большевиков, а на представительниц голландской и английской партий, политическая линия которых была явно пацифистской. Она надеялась, что бюро II интернационала так же как немецкий и австрийский форштанд партии так или иначе поддержат конференцию. Клара Цеткин таким образом вступила на

путь, который Ленин резко и беспощадно критиковал в своей статье «О борьбе с социал-шовинизмом», напечатанной в русском «Социал-демократе», № 42 от 1 июня 1915 г.

Ленин пишет об этом так:

«Представительницы женских организаций при О. К., голландки из партии Трульстра, швейцарки из организаций, резко воюющих с «Berner Tagwacht» за чрезмерную будто бы левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем, сколько-нибудь важном, разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли о ясном отделении пацифизма от революционной пролетарской тактики,— все они сошлись с «левыми» немецкими социал-демократками на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Центральном Комитете нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на время в одиночестве, чем участвовать в таком блоке»[1].

Ленин характеризует разногласия, обнаружившиеся на Бернской конференции, как столкновение между «двумя миросозерцаниями», между «двумя оценками войны и задач Интернационала, двумя тактиками пролетарских партий»: одной, отрицающей крах Интернационала и желающей дать амнистию социал-шовинистам, и другой, со всей резкостью отвергающей всякую внутрипартийную дипломатию по отношению к оппортунистам и социал-шовинистам и требующей беспощадного провозглашения правды относительно политики социал-демократических партий.

«Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по этому пути мы не пойдем»[2].

Несмотря на все слабости и ошибки Бернская конференция женщин все-таки имела большое значение, как первая действительно интернациональная конференция во время войны. Поэтому опубликование письма Клары Цеткин именно теперь, в связи с двадцатой годовщиной начала войны, является не только ценным обогащением документов того времени, но вместе с тем и еще одним памятником нашей Кларе, великой, вдохновенной и самоотверженной революционерке.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XVIII, стр. 165.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 168.

О ПРОШЛОЙ И БУДУЩЕЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

(факты и цифры)

Рост вооружений за 20 лет

В первую мировую войну капиталистические государства вступили с массовыми армиями и богатой военной техникой, в основном учитывавшими опыт франко-прусской войны 1870—1871 гг. и войн начала XX столетия. Система этих армий с первых же дней войны начала претерпевать крупные изменения. По утверждению французского военного писателя Кюльмана, процесс перестройки военной организации и способов ведения войны за период с 1914 по 1918 г. был более значительным чем все развитие военного дела со времени франко-прусской войны 1870—1871 гг. до 1914 г.

Первой характерной чертой ведения империалистической войны 1914—1918 гг. был массовый характер принимавших в ней участие вооруженных сил и большое количество государств-участников. Из 54 независимых государств мира в войну было вовлечено 39 государств, население которых составляло 67% народонаселения всего земного шара. Количество мобилизованных во всех воюющих государствах достигло 60 млн. чел.

Масштаб применения средств военной техники превысил самые смелые ожидания наиболее дальновидных буржуазных исследователей и военных руководителей. Увеличилось число пулеметов и орудий в несколько раз. Появились танки. Число их на фронте достигало: в Англии в 1916 г. 150, в 1918 г.—936; во Франции в 1918 г.—2 756; в США в 1918 г. 288 и в Германии в 1918 г.—20.

Производство пороха в 1918 г. достигло в Германии ежемесячных размеров в 14 500 т, во Франции — 10 000 т, в Англии — 40 000 т.

В результате к концу войны вооруженные силы воюющих государств оказались построенными на совершенно иной военно-технической базе чем в 1914 г. Это потребовало полной реконструкции вооруженных сил. Соотношение родов войск внутри отдельных армий коренным образом изменилось. Германская армия в 1914 г. после мобилизации имела в своем составе 62% пехоты, 4,7% конницы, 17% артиллерии и лишь 0,3% авиационных войск. В 1917 г. пехота в этой армии составляла лишь 46% (вместе с пулеметными частями), конница понизилась до 1,6%, зато артиллерия выросла с 17 до 20%, а авиация — до 2,3%. Французская армия весной 1916 г. имела в своем составе 67,8% пехоты, 4,8% конницы, 18,1% артиллерии и 0.4% авиации. В октябре 1918 г. пехота в этой армии составляла лишь 50%, конница — 4,0%, артиллерия колоссально возросла — до 35,7%. Таким образом, во время войны произошло глубокое изменение структуры всех вооруженных сил. Колоссальных размеров достигло использование артиллерии. В отдельных операциях насыщенность фронтов артиллерийскими средствами достигала чудовищных размеров. У немцев в 1917 г. под Ригой на 1 км фронта приходилось 35 4-орудийных батарей, у французов в 1917 г. под Мальмезоном — 40 батарей. Расход снарядов на р. Сомме с 24 июня по 10 июля 1916 г. во французских войсках

составил 2 013 484 легких и 519 165 тяжелых снарядов. Такой расход боеприпасов требовал колоссального подвоза. Для питания боя французским войскам под Мальмезоном (1917 г.) потребовалось подвезти в течение 7 суток 266 поездов со снарядами, под Верденом с 13 по 27 июля 1916 г. — 360 поездов.

Новые проблески возможности преодоления позиционной войны дали новые средства техники наступления (танки, химия и авиация). Однако в войну 1914—1918 гг. эти средства качественно и количественно находились еще в зачаточном состоянии и не дали всего возможного эффекта. Основная оперативно-тактическая проблема мировой войны — проблема подвижности — так и не была разрешена до окончания войны.

Исключительное значение в исходе войны приобрела степень политической устойчивости армий. Массовые армии империализма оказались ненадежными для буржуазии, в первую очередь для русского царизма, который был сметен мощной волной нарастающей пролетарской революции, а затем и для других государств.

Война 1914—1918 гг. превзошла все предыдущие войны по степени вовлечения всех ресурсов народного хозяйства в обслуживание и питание вооруженного фронта. Миллионы рабочих в тылу были привлечены к изготовлению оружия, снарядов, самолетов, отравляющих веществ и прочих средств истребления. Непосредственно на производстве боевых средств к концу войны было занято во Франции 1,8 млн. рабочих, в Англии — 2 млн., в США — 1,2 млн., в Германии — до 2,5 млн. В связи с этим произошли крупнейшие сдвиги в экономике капитализма, резко изменилось соотношение продукции различных отраслей производства.

Разрушительность войны 1914—1918 гг. во много раз превысила жертвы и потери целого ряда прежних войн. Прямые военные расходы в 11 главных воюющих государствах достигли 250 млрд. долларов, т. е. в 10 раз превысили стоимость всех войн с 1893 по 1907 г. Потери убитыми и умершими от ран составили 10 млн. чел., раненых насчитывалось 19 млн., из них около 3,5 млн. осталось инвалидами. Колоссальные жертвы вырывала смерть и из лагерей военнопленных. Так например число умерших русских пленных в Австрии и Германии составило почти 500 000 чел. Численность населения 10 европейских государств, в 1914 г. составлявшая 400 850 000 чел., в середине 1919 г. понизилась до 389 030 000 чел. В районах боевых действий было разрушено большое количество производственных предприятий, средств транспорта и других производительных сил. В одной лишь Северной Франции было уничтожено 23 000 промышленных предприятий (в том числе 10 доменных печей), 4 000 км железных дорог и 61 000 км других путей сообщения, 9 700 железнодорожных мостов, уничтожено 290 000 домов и разрушено в большей или меньшей степени 500 000 зданий. На морях было уничтожено свыше 16 млн. т торгового флота, стоимостью в 7 млрд. долларов. Потери военно-морских флотов составили: Великобритании — 237 кораблей водоизмещением 650 000 т, Германии — 347 кораблей (350 000 т), Франции — 64 корабля (110 000 т), Италии — 28 кораблей (76 000 т), Австро-Венгрии — 22 корабля (65 000 т), Японии — 9 кораблей (50 000 т), США — 4 корабля (17 000 т). В английском флоте погибло 41 000 чел., в германском — 18 000.

Численность вооруженных сил в настоящее время

Сама по себе численность буржуазных армий не может являться показателем действительного их роста. Как уже сказано выше, буржуазия принимает меры для маскировки своих вооружений, ее статистика и офи-

циальные сведения сознательно преуменьшают численность армий. Однако сильно возросла численность сухопутных регулярных армий за минувшие 20 лет. В этой области происходит непрекращающийся систематический рост. За последние годы происходит особенно заметное повышение численности буржуазных армий.

Показательными также являются цифры, характеризующие рост количества средств вооружения. Это можно видеть на примере следующих 6 армий:

	1914 г.	1925 г.	1929 г.	1934 г.
Англия				
Пулеметы	2 000	12 252	12 510	14 400
Орудия	2 000	2 208	2 284	2 400
США				
Пулеметы	1 500	34 500	35 000	36 000
Орудия	950	2 817	3 000	3 980
Япония				
Пулеметы	968	4 900	5 650	9 200
Орудия	1 200	1 230	1 372	2 200
Франция				
Пулеметы	1 788	23 400	22 100	23 000
Орудия	3 420	2 540	2 516	3 000
Германия				
Пулеметы	1 464	2 250	2 250	10 000
Орудия	4 312	334	334	1 000
Италия				
Пулеметы	424	6 150	6 500	6 650
Орудия	1 204	1 906	2 360	2 500

За 20-летие мы видим рост числа пулеметов с 8000 до 100 000 и рост артиллерии («старый» род войск) с 13 000 до 15 000 орудий.

Количество боевых самолетов в тех же странах изменилось за 20 лет следующим образом:

Государства	1914 г.	1925 г.	1929 г.	1934 г.
Англия	272	1 310	1 824	3 000
США	65	1 428	3 129	5 000
Япония	25	662	1 260	2 200
Франция	200	5 450	5 000	6 000
Германия	200	—	—	1 000
Италия	30	1 445	2 000	2 500
Итого	782	10 295	13 213	19 700

Выходит, что по сравнению с 1914 г. военная авиация выросла в 25 раз, а по отдельным странам (Япония, США, Италия) — почти в 100 раз. Рядом с этим оружием быстро развиваются появившиеся в конце войны танки и бронеавтомобили. К началу 1934 г. Япония имела 300 бронеавтомобилей и 700 танков, сейчас число танков достигло примерно 900.

Другие великие державы имеют: США — 150 бронеавтомобилей и 1100 танков, Англия — 300 бронеавтомобилей и 1000 танков, Франция — 750 бронеавтомобилей и 5500 танков, Италия — 100 бронеавтомобилей и 650 танков.

Военно-морские силы в капиталистических державах несмотря на происходящие структурные изменения в их составе, несмотря на повышение удельного веса более мелких кораблей (эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров) по сравнению с линкорами также выявили за прошедшие 20 лет крупный рост. На происходившей в начале октября 1933 г. конференции консервативной партии Великобритании в Бирмингаме лорд Вильям Девисон заявил, что с 1914 г. «Италия увеличила свой морской флот на 20%, США — на 29% и Япония — на 33%». Ллойд-Джордж в своем выступлении в Палате общин от 8 ноября 1933 г. относительно роста торпедоносцев и эсминцев говорил следующее: «В 1914 г. мы имели 135 000 т, теперь мы имеем 197 000 т. Франция имела в 1914 г. 35 000 т, теперь она имеет 198 000 т. США имели 40 000 т к 1914 г., теперь они имеют 259 000 т. Япония (и это ужасная цифра) имела в 1918 г. 4470 т, теперь она имеет 125 000 т. Перейдем к подводным лодкам, которые едва не разрушили нашей морской мощи. В 1914 г. мы имели 47 000 т, теперь мы имеем 61 000 т. Франция имела 33 000 т, теперь она имеет 97 000 т. У нее на 36 000 т больше чем у нас. США имели 16 000 т подводных лодок в 1914 г., теперь они имеют 77 000 т. Япония имела 3264 т в 1914 г., теперь она имеет 77 000 т, и я думаю, что и у Италии больше чем у нас». Эти авторитетные свидетельства не оставляют сомнений в том, что и на морях, как и на суше и в воздухе, происходит непрерывный рост вооружений.

Наконец, важным показателем непрекращающегося роста численности вооруженных сил и бурных темпов общего развития милитаризма являются военные бюджеты. Разумеется, официальные военные бюджеты не дают представления о действительном росте военных расходов. Буржуазия всячески скрывает эти расходы, проводя их по секретным фондам правительств и частично по бюджетам других ведомств, кроме военных. Тем не менее за прошедшее 20-летие военные расходы увеличились, по официальным показателям, вдвое. Об этом говорит нижеследующая таблица военных расходов пяти великих держав (в млн. долл.):

Государства	1913/14 г.	1925/26 г.	1928/29 г.	1933/34 г.
США	335,3	676,8	790,5	767,0
Англия	375,3	503,1	557,8	520,0
Франция	294,0	244,6	413,0	534,0
Япония	97,2	187,0	239,0	412,0
Италия	126,0	190,7	279,0	314,0
Итого	1 227,8	1 802,2	2 279,3	2 547,0
Рост в номинальном выражении (в денеж. един.)	100%	150,7%	191%	195%
Рост бюджетов в реальном выражении (с учетом реальной покупательной способности в связи с падением цен)	100%	—	211,3%	229%

При учете вооруженных сил буржуазных стран и их военных расходов во всех данных буржуазной военной литературы и официальной статистики исключаются военизированные фашистские отряды, а также обученные людские резервы ввиде территориальных армий (Англия, США), контингентов запаса или резервистов (Япония, Польша, Франция). В настоящее время численность обученных людских резервов в пяти крупных

государствах (Англия, США, Япония, Франция, Италия) составляет 15—20 млн. чел. Как дополнение к ним существуют многочисленные фашистские штурмовые отряды в Германии и в других капиталистических странах. Во всех буржуазных странах идет рост милитаризации населения и школ. Громадную роль играет военная вневойсковая подготовка населения, особенно школьной молодежи. За годы мирового кризиса милитаризация достигла особенно широкого размаха. Фактические расходы на подготовку новых войн продолжали быстро идти вверх. По исчислениям Германского кон'юнктурного института, соотношение военных расходов и мировой продукции выражается в следующих коэфициентах (принимая 1928 г. за 100): 1913 г. военные расходы — 64, мировая продукция — 54, 1929 г. — 104 и 104, 1930 г. — 107 и 86, 1932 г. — 107 и 56.

Качественный рост вооружений

Качественное развитие вооружений характеризуется увеличением их убойной силы, которая в свою очередь определяется подвижностью, дальностью действий, могуществом в разрушении сооружений и уничтожении живой силы противника и т. д. Во время войны 1914 — 1918 гг. и в особенности после нее происходил процесс необычайно быстрого и коренного усовершенствования таких средств военной техники, как стрелковое вооружение (винтовки, пулеметы) и артиллерия, называемых обычно «старыми» средствами военной техники. Равным образом за минувшее 20-летие развивались и сейчас продолжают развиваться новые средства истребления, представленные прежде всего танками, химией и авиацией, а также изысканиями и новыми изобретениями в области телемеханики и использования лучистой энергии (электричество) для осуществления взрывов и воздействия на расстоянии. Качественные показатели роста военной техники по всем этим направлениям чудовищны. В 1914 г. индивидуальным оружием бойца была магазинная винтовка, обладающая скорострельностью — 10 выстрелов в минуту. Сейчас эта винтовка осталась на вооружении, но рядом с ней пехота имеет полуавтоматическую винтовку, со скоростью стрельбы 80—90 пуль в минуту, и пистолет-пулемет со скорострельностью — 400 выстрелов в минуту. Практическая скорострельность станковых пулеметов в 1934 г. по сравнению с 1914 г. поднялась с 250 до 400 выстрелов в минуту, ручных пулеметов — со 150 до 200, крупнокалиберных пулеметов — с 300 до 400, появились сверхскорострельные пулеметы, выпускающие до 2000 пуль в минуту, авиационные и зенитные пулеметы.

В области артиллерии развитие идет по линии создания противотанковых и зенитных орудий, увеличения дальнобойности, подвижности, скорострельности, мощности и меткости огня. Дальнобойность характеризуется следующими данными: дивизионные пушки повысили дальность с 9 км в 1918 г. до 14 км в 1933 г., 155-мм пушки—с 14 до 20 км, 240-мм орудия — с 23 до 52 км, сверхдальнобойная артиллерия — со 120 км до нескольких сот км (реактивные снаряды). В результате увеличения количества строевого и артиллерийского вооружения в общевойсковых соединениях боевая мощь их возросла в несколько раз. Французская дивизия 1914 г. могла выпустить в минуту 103 200 пуль и 3,9 т снарядов, в 1934 г. она выпускает 212 800 пуль и 14,5 т снарядов. Американская дивизия в 1914 г. могла выпустить в минуту 150 000 пуль, в настоящее время — 420 100 пуль, мощность артиллерийского огня повысилась с 8,1 т в одну минуту до 17,6 т. Японская дивизия в 1914 г. могла выпускать около 150 000 пуль в минуту и 3,6 т снарядов, в настоящее время — около 350 000 пуль и 9 т снарядов. В настоящее время в передовых ка-

питалистических армиях переведены на механическую тягу почти все виды артиллерии, кроме находящейся в составе дивизий. Вводятся самоходные артиллерийские установки с повышенной скоростью продвижения. Если до 1926—1927 гг. скорость этих систем равнялась 10—12 км, то в настоящее время ведется работа для достижения такой скорости, которая не связывала бы маневроспособность механизированных войск.

В США производились опыты переброски легких орудий по воздуху в разобранном виде.

Разрабатываются новые конструкции, основанные на использовании энергии реактивного действия и электромагнитных сил.

Американский профессор Рандольф дает следующую оценку этой идеи:

«По сравнению с артиллерией выгода реактивных снарядов заключается в том, что прибор их бросания несравненно легче артиллерийского орудия. Реактивные снаряды с 1000 т тринитротолуола или ОВ (отравляющие вещества) вполне возможны теоретически. Также вполне возможно спроектировать ракетный снаряд с такой скоростью, которая позволила бы бросить его из Красноярска в Нью-Йорк».

Проводится усиленная работа над электромагнитным орудием во Франции (Фашон-Виллеплэ), где якобы уже испытываются образцы электромагнитных орудий.

Совершенно исключительными темпами развивается техника военной авиации. Чрезвычайно возросла мощность моторов всех классов самолетов. В 1914 г. мощность мотора самолета-разведчика составляла 80 л. с., в 1925 г. она поднялась до 400 л. с., в 1929 г. она достигла 500 л. с., в 1933 г. — 800 л. с., в 1934 г. появились уже моторы в 1000 л. с. Аналогично растут качества моторов истребительной и бомбардировочной авиации. В соответствии с этим увеличилась грузопод'емность самолетов: в 1914 г. разведчики—150 кг, в 1925 г. разведчики—800 кг, истребители—400 кг, бомбардировщики—800 кг, в 1933—1934 г. бомбардировщики — до 7—8 т. Скорость разведчиков с 80 км в 1914 г. поднялась до 300—350 км в 1934 г. Скорость истребителей с 200 км в час в 1918 г. поднялась до 400—450 км в час в 1934 г., а их потолок — до 10—12 тыс. м. Скорость бомбардировщиков сейчас достигла 300 км в час при радиусе действий 800—1000 км. Созданы тяжелые бомбардировщики и другие классы воздушных кораблей, которых в войну 1914—1918 гг. не было. Увеличилось вооружение самолетов пулеметами: разведчики — до 4, истребители — до 2 и более, бомбардировщики — до 8—10 пулеметов, тогда как в 1914 г. пулеметов на вооружении авиации еще не было.

Непрерывно растут количественно и улучшаются в качественном отношении появившиеся во время войны 1914—1918 гг. танки. Подвижность танков с 3—4 км/ч выросла до 35—45 км/ч, а у лучших образцов (Кристи) даже до 70—120 км/ч. Широко внедряется в армии двигатель внутреннего сгорания. Мощность механических двигателей сухопутных армий Англии, Франции, Японии, США и Италии в 1933 г. составляла 2,5 млн. л. с.

Весьма быстрыми темпами развивается химическое оружие. Кроме газобаллонов, впервые примененных в 1915 г., химических минометов, газометов, химснарядов и авиохимбомб широко распространяются самолетные приборы для распыления ОВ, ядовитодымные шашки, нарезные химические минометы, автоцистерны и разного рода химические приборы. По масштабу и технике применения ОВ будущая война будет превосходить прошлую империалистическую войну в десятки раз. Рядом с во-

енной химией развивается бактериологическое оружие, применению которого в военном деле буржуазные военные специалисты уделяют весьма большое внимание. На службу милитаризму мобилизована вся капиталистическая наука и техника. Широко развернуты научно-исследовательские военные лаборатории, конструкторские и изобретательские бюро, институты и политоны. Несмотря на кризис возможности передовых империалистических держав в области изготовления средств химической войны чрезвычайно сильно возросли. В 1918 г. максимальная месячная продукция ОВ составляла: в Германии — 1,5 тыс. т, в Англии — 1,2 тыс. т, во Франции — 0,8 тыс. т, в США — 0,6 тыс. т. В настоящее время ежемесячная продукция ОВ при полном развертывании мобилизованной химической промышленности может быть доведена: в США — до 35 тыс. т, в Германии — до 20 тыс. т, в Англии и Франции — до 10 тыс. т в каждой. в Японии — до 6 тыс. т. Другими словами, масштаб применения отравляющих веществ в предстоящей войне грозит стать гораздо более чудовищным чем в 1914—1918 гг.

В области развития вооружения военно-морских сил за послевоенный период характерным является то, что линкоры и линейные крейсеры, составлявшие ранее больше половины флота по своему удельному весу, теперь составляют только ⅓. Количество кораблей других классов в процентном отношении возросло. Особенно сильно увеличивается количество подводных лодок (в японском флоте с 1918 г. по 1933 г.—в 5 раз). Огромное значение приобрела морская авиация, на которую обращено серьезное внимание во всех крупных флотах. Появились новые корабли — авионосцы, количество которых в английском флоте к 1934 г. достигло 6, в американском — 3, в японском — 4. На линкорах и крейсерах установлены катапульты для самолетов корабельной авиации. Количество корабельных самолетов в американском флоте в 1933 г. достигло 140, в японском — 92. Как и в сухопутных армиях во флоте растут качественные показатели боевой мощи. Дальнобойность морской артиллерии с 1913 по 1933 г. возросла: крупной артиллерии — с 22 до 37 км, средней артиллерии — с 20 до 30 км, мелкой артиллерии — с 16 до 23 км. Огромного развития достигла техника торпедометания. Калибр торпеды увеличился с 18 дм в 1913 г. до 21 дм в 1933 г., вес заряда — со 116 кг до 250 кг, скорость — с 71 км/ч до 87 км/ч. Идет усиленная работа над дальнейшим повышением тактико-технических качеств торпеды. Производятся испытания по применению в качестве движущей энергии торпеды водородно-кислородной смеси, электричества, взрывчатых веществ (реактивные двигатели), испытывается радиоуправляемая и самоуправляющаяся аппаратом торпеда. Введен на вооружение неконтактный взрыватель, позволяющий наносить разрушение торпедой в наименее защищенные части кораблей, т. е. в днище. Усовершенствованы приборы управления торпедной стрельбой. Мощность механизмов в 1933 г. по сравнению с 1918 г. увеличилась: крейсеров — с 40 000 до 130 000 л. с., линкоров — с 36 000 до 58 000 л. с., эсминцев—с 38 000 до 50 000 л. с., подлодок—с 1100 до 6 600 л. с. Непрерывно растут скорость хода и дальность плавания кораблей всех классов.

Быстро идет общий рост морских вооружений. Весь послевоенный период характеризуется обострением противоречий и соперничеством в морских вооружениях в первую очередь между крупнейшими империалистическими державами: Англией, США, Японией, Францией и Италией. На морских конференциях в Вашингтоне в 1921—1922 гг. и в Лондоне в 1930 г. каждый из участников стремился обеспечить себе наивыгоднейшее соотношение сил на случай будущей войны. Исключив из строя после вашингтонской конференции устаревшие линейные корабли, непригод-

ные для использования в современных морских операциях, капиталистические государства перенесли соревнование в область строительства новых крейсеров, эсминцев, подлодок и качественного усовершенствования военно-морской техники, кораблестроения и вооружения. Сразу же после окончания лондонской морской конференции участвовавшие в ней страны начали усиленно осуществлять постройку кораблей до установленных конференцией пределов.

В настоящее время соревнование в морских вооружениях входит в новую фазу. Принятая США в 1933 г. новая кораблестроительная программа, предусматривающая в течение 1934—1935 гг. постройку 32 военных кораблей, вызвала ответную программу японского правительства, предусматривающую за тот же период постройку 33 кораблей. В свою очередь Англия в настоящее время занята разработкой новой программы развития военно-морских и военно-воздушных сил в целях удержания своих морских позиций. Все это бешеное морское соревнование направлено к отказу от норм Лондонского договора, срок которого истекает 31 декабря 1936 г.

На основе опыта войны 1914—1918 гг. во всех империалистических государствах широко развернуты мероприятия для повышения производственных возможностей в области вооружения. Особенно велик рост производственной мощности по так называемым новым средствам борьбы. Буржуазия проделала огромную работу для обеспечения скорейшего развертывания военного производства в случае войны. Сроки мобилизационного развертывания по сравнению с предыдущей войной сокращены в 2—3 раза. Невзирая на ускорение темпов работы промышленности на случай войны ускоренным темпом ведется накопление мобилизационных запасов. Стоимость мобзапасов во Франции перед 1914 г. определялась в 300 млн. долларов, в 1930 г.—до 2 млрд., в Англии соответственно: 200 млн. и 2 млрд. 200 млн. долларов, в Италии — 200 и 700 млн. долларов, в США — 150 млн. и 2 млрд. 400 млн. долларов, в Японии за последние $2\frac{1}{2}$ года накоплены огромные запасы «стратегического сырья» (например до 2 млн. т нефти, сотни и тысячи тонн цветных металлов и т. д.) и боеприпасов.

Не подлежит никакому сомнению, что размах и темпы роста вооружений после мировой войны 1914—1918 гг. перекрывают то соревнование в вооружениях, которое имело место между капиталистическими державами накануне прошлой империалистической войны. Указание товарища Сталина на XVII с'езде партии о том, что «дело явным образом идет к новой войне», ничем так ярко не подтверждается, как обрисованным выше ростом вооружений капиталистического мира. Лелея новые планы империалистических войн, готовясь к новому переделу мира, в особенности же вынашивая планы антисоветской войны, империалисты делают все возможное, для того чтобы избежать повторения организационных ошибок в подготовке прошлой войны и чтобы шире использовать все возможности, предоставляемые материально-технической базой капиталистических стран для увеличения мощности вооружений. На этом пути за минувшие 20 лет достигнуты наиболее разительные успехи в человекоубойной промышленности, перед которыми, пожалуй, бледнеет вся сумма предыдущих «достижений» и усилий эксплоататорских классов на военном поприще на всем протяжении истории. Военная машина империализма в состоянии втягивать в сферу войны все материальные и людские ресурсы буржуазных стран. В период войны 1914—1918 гг. эта машина оказалась в состоянии двинуть на поля сражений гигантские вооруженные массы, мобилизовать для целей истребления и разрушения хозяйство почти всего капиталистического мира. В настоящее время буржуа-

зия пытается еще раз повторить этот грандиозный опыт мобилизации всех ресурсов для войны. Она применяет теперь более искусные и тонкие приемы для подготовки затеваемых вооруженных конфликтов. Как правильно указал в своем выступлении на XVII партконференции тов. Молотов, «особенность данного момента заключается в том, что все больше стирается грань между мирным положением и войной,—вползают в войну и воюют без открытого об'явления войны». В связи с этой тенденцией наблюдается во многих капиталистических странах заблаговременная подготовка развертывания вооруженных сил, специальные мероприятия по подготовке мобилизации промышленности, заблаговременный пуск в ход ряда предприятий и цехов военного значения, скрытая мобилизация части вооруженных сил под флагом разного рода учебных и чрезвычайных сборов, организация отборных фашистски настроенных и проверенных вооруженных сил для первого удара, ввиде так называемых ударных армий, армий прикрытия и т. д.

Осуществляя все эти мероприятия по подготовке новых войн, буржуазия, однако, понимает огромные затруднения, связанные для нее с вооружением масс. Тот способ ведения войны, который создан буржуазией на базе капиталистического строя, обнаружил в период 1914—1918 гг. целый ряд слабостей не только чисто военного характера, но, главное, он вскрыл всю глубину загнивания капитализма. Блестящим образом сбылось предсказание Энгельса, который писал в «Анти-Дюринге»:

«Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм носит в себе же зародыш своего собственного уничтожения. Соперничество между отдельными государствами вынуждает их, с одной стороны, затрачивать с каждым годом все больше денег на армию, флот, артиллерию и т. д., а следовательно, все более и более приближаться к финансовому кризису; с другой стороны, оно вынуждает их знакомить, путем всеобщей воинской повинности, все большее и большее число подданных с употреблением оружия, пока они не ознакомят с ним весь народ и не сделают его способным противопоставить в известный момент свою волю воле своих военных командиров. И этот момент наступит тотчас же, как только народная масса — масса сельских и городских рабочих и крестьян — будет иметь свою волю. Тогда правительственное войско превратится в народное, машина откажется служить, и милитаризм разобьется о диалектику своего собственного развития» (Партиздат. 1933, стр. 121 — 122).

Уже во время мировой войны военная машина капиталистических государств подверглась коренной перестройке. Основы управления вооруженными силами были всюду изменены. Война, вовлекающая в свою сферу все народное хозяйство и все ресурсы страны, рассматривается как проблема не только одного военного ведомства, а всего правительства. Система высшего военного управления дополнилась целым рядом новых органов. Из состава правительства выделяется военный комитет, который руководит ведением войны в целом. Рядом с генеральным штабом и военным министерством возникли министерства сообщения и вооружения, а также многочисленные научно-технические и военно-исследовательские органы и институты. Разбух аппарат управления тылом, возникли специальные органы экономической мобилизации, развернулась военная промышленность. Для планомерного проведения военной пропаганды были созданы целые ведомства, министерства и институты. В войсках был учрежден институт культурно-просветительных офицеров и унтерофицеров, были расширены функции военного духовенства, были мобилизованы печать, наука, искусство, церковь — словом, весь аппарат буржуазной пропаганды. Непосредственное управление войсками было сильно диферен-

цировано. Появились гигантские аппараты фронтового и армейского военного управления с их многочисленными штабными, тыловыми, техническими и специальными органами. Благодаря применению радио сильно умножились и возросли средства связи и управления.

Гигантские войсковые массы с их многочисленными и разветвленными тылами потребовали громадных пространств для своего размещения. Глубина расположения армий и зона театра военных действий возросли до многих сотен километров. Линейные формы оперативно-тактических действий отошли в прошлое. Появилось огромное количество важных и уязвимых для авиации (и отчасти танков и химии, а также дальнобойной артиллерии) военных об'ектов в тылу расположения противника. К концу войны возникли зародыши новой, глубокой стратегии. Однако развертывание форм этой стратегии оказалось не поплечу буржуазному военному искусству. Основным фактором, который мешал и мешает этому, является политическая ненадежность для буржуазии массовых армий. В эпоху войн и революций, в условиях общего кризиса капиталистической системы этот фактор приводит к глубочайшим потрясениям всей военной машины империализма. Способ ведения войны, выработанный в условиях молодого, поднимающегося капитализма (начиная с Великой французской революции), развитый затем накануне мировой империалистической войны 1914—1918 гг., сейчас дал трещину. Он оказался ненадежным в условиях эпохи послевоенного империализма и начала пролетарских революций.

С. ДАШИНСКИЙ

Империалистическая война и империалистический мир

Мировая война и мирные договоры

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг., вызвавшая гибель 10 млн. человеческих жизней и причинившая огромные материальные потери, закончилась целым рядом империалистических «мирных договоров». Эти мирные договоры перекроили карту Европы согласно планам и желаниям стран-победительниц и заложили основу для будущих конфликтов и войн.

Версальский договор

Одним из наиболее важных условий этого договора является обезоружение Германии. Это условие имело колоссальное значение для стран-победительниц; невыполнение его Германией поставило бы под вопрос все завоевания союзных держав в результате мировой войны. По условиям Версальского мира Германия выдала союзникам все запасы своего военного снаряжения и демобилизовала свою армию, состав которой был на будущее время ограничен 100 тыс. чел., вербуемых на 12 лет.

Германии были воспрещены производство и вывоз военных материалов. Кроме того она должна была выдать почти весь свой военный флот (ей были оставлены лишь несколько устаревших боевых единиц). Германии было запрещено иметь тяжелую артиллерию, подводные лодки и военные самолеты, и был установлен контроль над ее гражданской авиацией. Весь левый берег Рейна и полоса в 50 км на правом берегу были превращены в нейтральную зону, где Германия лишалась права содержать вооруженную силу. Позднее ей было предложено снести все восточные крепости.

Версальский договор перекроил границы Германии. Она должна была вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, отторгнутые от Франции после франко-прусской войны 1871 г. Кроме того Германия временно (впредь до плебисцита, назначенного на 1934 г.) лишилась Саарской области с

богатыми угольными копями, которая была оккупирована Францией. Германские округа Эйпен и Мальмеди отошли к Бельгии.

Германия лишилась всей Познани, почти всей Западной Пруссии и части Силезии и Померании. Все эти территории вошли в состав вновь образованного Польского государства. Польские владения в Западной Пруссии и Померании, доходившие до берега Балтийского моря, образовали так называемый «коридор», отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии.

У Германии также был отнят порт Данциг. Кроме того она потеряла все свои колониальные владения, в шесть раз превышавшие по площади Германскую империю и имевшие население в 13 млн. чел. Почти весь ее торговый флот был конфискован. Помимо всего этого Германия должна была произвести поставки натурой союзникам для возмещения убытков, причиненных ее войсками в оккупированных территориях, и платежи в золоте как в счет репараций, так и на содержание союзных оккупированных армий.

Точная сумма этих репараций не была окончательно определена. По первоначальному требованию союзников она должна была составлять 269 млрд. золотых марок, потом эта сумма была снижена до 132 млрд. марок.

До установления плана Дауэса (т. е. до 1924 г.) Германия уплатила:

по оценке германского правительства	56 млрд. марок.
» » американцев	26 » »
» » англичан	20—26 » »
» » репарационной комиссии	8 » »

Громадные расхождения в оценках об'ясняются в значительной мере тем, что уплата производилась: а) поставкой железнодорожных материалов (5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 5 тыс. грузовиков и т. д.), б) скотом, лесом, углем; в) передачей всего военного и вспомогательного (коммерческие суда) флота; г) отнятием у Германии колоний, Западной Пруссии, Верхней Силезии и т. д.

С 1924 по 1930 г. Германия уплатила по плану Дауэса и по плану Юнга 10,5 млрд. марок.

Сенжерменский договор

Сенжерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г. странами-победительницами, с одной стороны, и Австрией — с другой, формулировал уничтожение Австровенгерской империи. Австро-Венгрия была разрушена: на ее месте возникли новые государства, выделившиеся из ее состава.

Территории прежней Австровенгерской империи были распределены между этими новыми государствами: Чехо-Словакией, Австрией и Венгрией. Кроме того за счет бывшей Австро-Венгрии увеличила свои владения Румыния (присоединением к ней Трансильвании и Баната), увеличила свои владения Сербия, превратившаяся в результате территориальных расширений в обширное государство — Югославию, а также Италия, получившая Триент и Триест и южную часть австрийского Тироля.

Западная и Восточная Галиции перешли к Польше. По условиям Сенжерменского договора была произведена демилитаризация Австрии. Условия этой демилитаризации аналогичны с Версальским договором. Так же как и Германия Австрия должна была разоружиться, выдать и уничтожить военные материалы, демобилизовать армию и отменить всеобщую воинскую повинность.

Австрийская армия должна была набираться по принципу доброволь-

ного найма со сроком службы в 12 лет и общей численностью вооруженных сил в 30 000 чел.

Так же как и Германия Австрия должна была выплачивать репарации; выплата их была рассрочена на 30 лет. Особая репарационная комиссия должна была устанавливать сумму репарационных платежей, способ их уплаты и наблюдать за правильным их внесением.

Трианонский договор

Трианонский договор был заключен 4 июня 1920 г. между странами-победительницами, с одной стороны, и Венгрией — с другой. Помимо территориальных потерь (от Венгрии были отторгнуты Хорватия, Словакия, Семиградье, Банат и пр.) по условиям договора Венгрия вынуждена была признать государственные займы, платить репарации и разоружиться.

Военные постановления Трианонского договора заключают в себе требование разоружения Венгрии; они отменяют воинскую повинность и определяют численность венгерской армии в 35 000 чел. при 12-летнем сроке службы.

Договор в Нейи

Договор в Нейи был заключен 27 ноября 1919 г. между странами-победительницами, с одной стороны, и Болгарией — с другой.

Территориальные постановления договора сводились к тому, что Болгарии пришлось признать переход к Греции и Сербии западной Фракии и линии Струмницы, а также переход Добруджи к Румынии. Выход Болгарии в Эгейское море был занят Грецией.

Военные постановления договора в Нейи — те же, что в Версальском, Сенжерменском и Трианонском договорах, поскольку дело идет об обезоружении, демобилизации и уничтожении военных запасов. Численность армии, формируемой на основе добровольного найма, не должна превышать 20 тыс. чел. при 12-летнем сроке службы.

Севрский и Лозаннский договоры

Севрский договор между союзниками и Турцией был заключен 10 августа 1920 г. и провозглашал раздел Турции между союзниками, экономическое и политическое порабощение турецкого народа. Согласно постановлениям Севрского договора, Турция лишалась следующих территорий: в Европе — Фракии, Адрианополя и полуострова Галлиполи; в Азии — Сирии, Палестины, Месопотамии, Смирны с окрестностями и островов Эгейского моря. Проливы были об'явлены демилитаризованными, укрепления на территории зоны, находящейся вокруг проливов, должны были быть срыты. Турция лишалась права содержать армию и флот, за исключением немногочисленной милиции. Финансы Турции поступили под контроль союзников.

Угроза экономического и политического порабощения вызвала под'ем турецкого национального движения и образование национального «кемалистского», «анкарского» правительства, которое об'явило Севрский договор недействительным. Антанта бросила против турок греческую армию. Началась новая война, оказавшаяся успешной для Турции.

Новый мирный договор был заключен 24 июля 1923 г. в Лозанне. Согласно этому договору, Турции были возвращены почти все ее европейские владения, отторгнутые по Севрскому договору. Турецко-сирийская граница определяется по соглашению, заключенному в Анкаре 20 октября 1921 г. между Францией и Турцией. Зоны влияния в Анатолии (французская и итальянская), установленные по соглашению между союзниками, равно как и выделение Смирны в особую управляемую греками область, были отменены. Острова До...

в трех милях от азиатского берега, остаются под турецким суверенитетом. Арабские области (Месопотамия, Сирия, Палестина) признаются отошедшими от Турции.

Мандаты на управление колониями

Согласно статье 22-й пакта Лиги наций, была установлена так называемая «опека» над некоторыми территориями, отнятыми по Версальскому договору у Германии и Турции. Эта опека свелась к раздаче Лигой наций Франции и Англии мандатов на управление этими территориями, мандатов на узаконенный грабеж.

Распределение мандатов было произведено в соответствии с интересами французского и английского империализма и имело целью обеспечить империалистическую экспансию этих держав. Не случайно, конечно, Англия получила мандат на Ирак и Палестину в Азии, на германскую Восточную Африку, на германскую Югозападную Африку, на часть Камеруна и Того в Африке, а также на германские владения в Австралазии.

Получение мандата на Ирак и Палестину (помимо приобретения Англией нефтеносных земель Моссула) обеспечивало за Англией подступы к Индии и укрепляло положение Суэцкого канала, через который проходит морской путь в Индию и Австралию. Мандат на африканские владения был необходим Англии для создания непрерывной цепи английских земель вдоль всей Африки, от Суэца до Капштадта. Точно так же получение Францией мандата на Сирию было вызвано ее стремлением укрепить свои позиции в восточной части Средиземного моря для успешной борьбы с итальянской экспансией и для обеспечения своих путей в Средиземном море, связывающих Францию с ее колониями, из которых она черпает людские резервы цветных войск.

Италия, являющаяся также одной из стран-победительниц, не получила в результате версальского дележа мандата на управление территориями, отнятыми у побежденного противника, и потому чувствует себя обиженной. Правда, ее европейские владения были несколько расширены за счет бывшей Австро-Венгрии, но это расширение представляется ей недостаточным и не удовлетворяет ее возрастающих империалистических стремлений.

В период временного англо-американского сотрудничества в Европе (1924—1926 гг.), использованного Англией для борьбы против гегемонии Франции, Италия была также привлечена Англией к участию в этой борьбе. В награду за поддержку Италией английской политики Англия пошла навстречу Италии и удовлетворила некоторые ее притязания.

Так, по Лондонскому договору от 15 июля 1924 г. Англия уступила Италии землю Джубеланд (в Восточной Африке), прилегающую к итальянской Сомалийской земле. По существу, эта передача была предусмотрена еще Лондонским договором от 26 апреля 1915 г. (когда союзники купили участие Италии в войне против Германии) и лишь оттягивалась Англией. Другой уступкой Италии со стороны Англии было исправление границ итальянской Ливии за счет Египта по итало-египетскому договору от 6 декабря 1925 г., по которому к итальянским владениям были присоединены территории Куфа и Джирабуб. Кроме того Италии была предоставлена некоторая роль в управлении Танжером (санитарный надзор).

Список войн

Ниже читатель найдет список войн, через которые прошло человечество с начала мировой империалистической войны и до сегодняшнего дня. Особенно знаменательно, какое количество войн происходит в так называемый мирный период, когда «больших» войн нет. Один этот спи-

сок есть красноречивейший обвинительный акт против капитализма. Один этот список есть призыв к международному пролетариату: «**Войну империалистическую превратить в войну гражданскую!**»

I

1914—1918 гг. Мировая империалистическая война.

II

Контрреволюционные войны против Страны советов

Империалистическая война переходит в ряд интервенций против Советского союза.

1918 г. Наступление германских войск на советскую Россию и советскую Украину. Оккупация советской Украины.
1918 г. Захват Румынией Бессарабия.
1918 г. (весной). Первый поход Антанты против советской России (Польша, Колчак, Деникин, Юденич).
1918 г. Английский десант в Мурманске.
1918 г. Захват англичанами Баку.
1918 г. (осенью). Второй поход Антанты против Советского союза (Деникин, Юденич, Польша).
1918 г. Французский десант в Одессе.
1918 г. Английские войска в Баку.
1918—1922 гг. Японская интервенция на Дальнем Востоке.
1920 г. Третий поход Антанты против Страны советов (польско-советская война).
1921 г. Карельская авантюра (Финляндия).
1929 г. Нападение китайских генералов на КВЖД

III

Со времени окончания мировой империалистической войны имел место ряд так называемых «малых войн»:

Европа

1919 г. Интервенция Антанты, Чехо-Словакии и Румынии против венгерской советской республики.
1919 г. Захват Фиуме итальянскими волонтерами под предводительством Габриеля д'Аннунцио.
1920 г. Занятие Франкфурта и Дармштадта французскими войсками.
1920 г. Занятие Вильно польскими войсками.
1920 г. Польско-германская повстанческая война в Верхней Силезии.
1923 г. Литва оккупирует Мемельскую область.
1923 г. Франция оккупирует Рурскую область.
1923 г. Италия временно захватывает остров Корфу.
1925 г. Вторжение Греции в Болгарию.

Дальний Восток

Непрекращающиеся генеральские войны в Китае тянулись со времени первой Китайской революции 1911 г. на протяжении десятилетий.

1925 г. Интервенция империалистических держав в Китае.
1927 г. Международная империалистическая интервенция в Шанхае. Бомбардировка Нанкина.
1930 г. Бомбардировка Чанша, занятого красной армией.
1930 г. 1-й поход нанкинцев против советских районв и красной армии в Китае.

1931—1934 гг. Война Японии в Северном Китае, захват Манчжурии.
1931 г. (апрель). Начало 2-го похода нанкинцев против советского Китая.
1931 г. (май). Провал 2-го похода.
1931 г. (август). Начало 3-го похода против советского Китая.
1931 г. (сентябрь). Провал 3-го похода.
1932 г. Нападение Японии на Шанхай.
1932 г. (февраль). Начало 4-го похода против советского Китая.
1932 г. (май). Провал 4-го похода.
1932 г. (июнь). Начало 5-го похода против советского Китая.
1933 г. (июль). Провал 5-го похода.
1933 г. (октябрь). Начало 6-го похода против советского Китая, продолжающегося по нынешний день.
1933 г. Захват китайских провинций Жэхэ и Чахара.
1933 г. Проникновение Англии в Тибет.
1933 г. Франция захватывает девять Коралловых островов, принадлежащих Китаю.

Африка

1919—1925 гг. Война Испании против племен риффов в Северной Африке.
1925—1926 гг. Французско-испанская карательная экспедиция в Северную Африку.
1929 г. Италия осаждает Триполи.
1929—1932 гг. Война Франции в Марокко.
1934 г. Испано-французская война против северо-африканских племен.

Ближний и Средний Восток

1919 г. Англо-афганская война.
1918—1922 гг. Турецко-греческая война.
1921—1925 гг. Война Англии против племен вахабитов в Аравии.
1925—1926 гг. Война Франции против племени друзов в Сирии.
1926 г. Война между Недждом и Геджасом в Аравии.
1928—1929 гг. Междуусобная война в Афганистане, вызванная агентами английского империализма.
1930 г. Нападение на Геджас пограничных племен, действовавших при поддержке английского империализма.
1932 г. Операции английского воздушного флота против независимых курдских племен в Ираке.
1934 г. Война между Иеменом и Саудией.

Южная Америка

1928 г. Война между Боливией и Парагваем.
1928—1932 гг. Интервенция США в Никарагуа.
1932—1933 гг. Война между Перу и Колумбией.
1932—1934 гг. 2-я война между Боливией и Парагваем

Индия и Индокитай

1919 г. Война против Англии повстанцев в Пенджабе (Индия).
1927 г. Голландская карательная экспедиция в Индонезии.
1930 г. Французская карательная экспедиция против аннамитов в Индонезии.
1930—1931 гг. Английская колониальная война в Бирме и в Северозападной Индии.
1930—1931 гг. Военные действия английских войск, авиации в северозападных провинциях Индии.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

„Сякай ундо цусин"

(„Вестник социального движения")

(Орган японской „зубатовщины")

Господствующие классы Японии и японское правительство применяют как обычно и террор и обман для предупреждения взрыва негодования широких народных масс, неимоверно страдающих от кризиса и войны.

Аппарат обмана масс чрезвычайно «многогранен» и обслуживается квалифицированнейшими агентами монархии, армии, религии, реформистских профсоюзов, «социал-демократической» партии и, конечно, всеми фашистскими группами.

Культ войны, императорской армии, монархии, пропаганда идей паназиатизма, расовой ненависти и превосходства Японии над другими странами являются главным содержанием многообразного обмана масс, проникающего во все сферы общественной жизни страны.

Среди печатных органов, предназначенных для обмана рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, выделяется газета «Сякай ундо цусин», или «Вестник социального движения». В Японии общеизвестно, что эта газета связана с «социальным» отделом министерства внутренних дел, а следовательно, и с полицией. Тем не менее «Сякай ундо цусин» официально заявляет, что она «ставит своей целью информацию о движении рабочих, крестьян, национал-социалистов, социал-демократии и коммунистов». И действительно, с'езды, декларации, забастовочное движение, профдвижение, процессы компартии, вопросы единства, международное рабочее движение, Советский союз, проблемы войны и мира — все это «освещается» на страницах «Сякай ундо цусин». Но смысл всего дела заключается в следующем: под видом об'ективной, беспартийной, независимой информации производится на самом деле систематическое снабжение агентов японского империализма необходимыми материалом и аргументацией. К этим агентам относятся профсоюзная бюрократия, функционеры социал-демократической партии, реформисты в крестьянских союзах и т. п. Кроме того эта информация рассчитана на колеблющуюся и радикализирующуюся в условиях неслыханно тяжелого экономического положения интеллигенцию. Запугивание последней при помощи соответствующей «информации», несомненно, входит в задачу этой газеты.

В то же время газета активно пропагандирует фашистские лозунги и фашистскую социальную демагогию. Эта пропаганда и занимает бóльшую часть газеты.

«Сякай ундо цусин» является совершенно исключительной газетой, своего рода ежедневным органом японской «зубатовщины», — в условиях,

когда единственная подлинно пролетарская коммунистическая партия находится в подполье, социал-демократическая партия открыто защищает интересы монархии и империализма и когда в стране действует большое число фашистских групп, среди которых имеется и группа, возглавляемая бывшим секретарем социал-демократической партии Акамацу.

По идее организаторов этой газеты, она должна служить обману масс особым методом, методом систематического «сопоставления» коммунизма, фашизма и социал-фашизма. И так как благодаря своей связи с полицией (что «Сякай ундо цусин», конечно, скрывает) она может давать информацию «внутреннего порядка», что при наличии свирепой цензуры и исключительных приемов японской прокуратуры вызывает сенсационный интерес, то ее ценность для агентуры господствующих классов исключительна.

Как же проводится это «сопоставление»?

Газета нередко помещает у себя заметки левого направления и даже высказывания людей, обвиняемых «в принадлежности к компартии».

В номере от 2 мая с. г. мы читаем воззвание по поводу 1 Мая, в котором фашисты и социал-фашисты квалифицируются как «предатели рабочего класса» и рабочие призываются «во имя единства» выступить 1 Мая через головы вождей-предателей и где черным по белому говорится «о международной солидарности пролетариата».

10 мая помещается статья революционного содержания под названием «Как мы дрались в 15-ю годовщину 1 Мая». «Борьба пролетариата в день 1 Мая, — пищет автор статьи, — прошла под знаком борьбы против капиталистов, помещиков, фашистов и социал-фашистов. В этом году наш токийский союз печатников как и прежде встретился с предательством социал-фашистских вождей — псов капитала. Однако это не помешало нам провести 24-часовую всеобщую забастовку».

Газета печатает даже выдержки из выступлений на суде члена ЦК японской компартии тов. Итикава, разоблачающего ренегатов Сано и Набэяма:

«...О нашем вступлении в партию и о нашей последующей деятельности я не намерен распространяться. Я хочу лишь остановиться на предательстве Сано и Набэяма. В чем выразился их отход от позиции партии? Во-первых, в том, что во время манчжурских событий они дошли до активной поддержки империалистической войны. И, во-вторых, в том, что интересы класса они подменили интересами нации, т. е. скатились к буржуазному национализму. Кроме того, они утверждают, что японская компартия не является подлинно пролетарской партией. Интересно, однако, на основании какого материала они делают свои выводы? Судя по всему, на основании материала, имеющегося в распоряжении прокуратуры».

«... Сано и Набэяма нападают на Коминтерн... Однако мы считаем, что японский пролетариат неизбежно будет освобожден Коминтерном и японской компартией».

«...Компартия стремится к тому, чтобы японский пролетариат установил в Японии диктатуру пролетариата... Мы считаем, что есть только два пути: или бороться за пролетарскую диктатуру или подчиниться диктатуре буржуазии. Третьего пути, который проповедуют Сано и Набэяма, нет».

Далее приводятся даже выдержки из выступления тов. Итикава по вопросу о внутреннем положении Японии: «Убийство офицерами 15 мая 1932 г. премьера Инукая — не что иное, как буржуазно-реакционная выходка...»

Печатанием этих выдержек газета рассчитывает создать видимость об'ективной информации. Но наряду с такой информацией дается другая, которая именно благодаря первой должна приобрести, по мнению авторов, правдоподобный характер. После убийств нескольких провокаторов,

подосланных японской полицией в компартию, в газете подробно и сенсационно расписывается это событие: дело изображается так, что... убийство провокаторов — это «террористические акты группы интеллигентов против рабочих». Газета пишет: «Вопрос о взаимоотношениях между рабочей группой и группой интеллигентов стал в компартии сразу же после ее вторичного образования. Однако до инцидента 15 апреля партийная дисциплина не нарушалась. Но в дальнейшем в связи с недостатком людей был упрощен прием людей в партию. А это привело к тому, что в партию проникли шпики и провокаторы. В партии создалась такая атмосфера, что каждый стал считать другого провокатором» (21 мая 1934 г.).

Здесь составители «информации» стремятся дать «внутренний» материал о положении японской компартии для лидеров социал-фашизма и профбюрократов в их борьбе против революционных рабочих, выдавая сокровенные желания господствующих классов Японии за действительность.

Получая сведения из полиции, газета иногда помещает такого рода сообщения: «Судя по имеющимся слухам, ЦК японской компартии продолжает издавать «Секки» («Красный флаг»). Кроме того для перевыборов ЦК, в котором оказалась группа предателей, подготовляется и специальная конференция» («Сякай ундо цусин» от 16/V 1934 г.). Эта «информация» газеты, разумеется, всемерно используется социал-фашистскими и реформистскими лидерами для внесения путаницы в рабочие массы, для все новых попыток дискредитации героической коммунистической партии Японии, влияние которой все глубже проникает в массы.

Наряду с такого рода сообщениями о компартии газета печатает сведения, рассчитанные на то, чтобы обелить ренегатов коммунизма, представляющих маленькую горсточку предателей, обманувших надежды своих инспираторов из прокуратуры и военно-фашистской группы, господ Араки и К°. В заметке от 10/V 1934 г. газета приводит выдержку из речи прокурора: «Обвиняемые, члены ЦК компартии Танака и Сано (другой), полностью признали свою вину. Со времени образования второй партии они вели упорную работу по расширению партии. Кроме того за период февраль 1929 г. — май 1930 г. они участвовали в террористических актах, жертвами которых стало несколько лиц (речь идет об убийстве провокаторов. — Г. В.). Оба обвиняемых втянули в свою работу много молодежи, что более усугубляет их вину. Правда, обвиняемые признали свои ошибки и изменили свои позиции. Они готовы идти по новому пути. Однако будет ли этот путь соответствовать интересам национального благополучия Японии, сказать пока трудно. Поэтому обвиняемых нельзя освободить от наказания».

Воздерживаясь от печатания собственных статей, газета служит целям своего заказчика путем не только специально подбираемой информации, но также печатанием об'явлений, резолюций и высказываний фашистских организаций, реформистских профбюрократов и лидеров социал-демократии. Со страниц газеты не сходят программы, резолюции, декларации, воззвания и всякого рода обращения всевозможных реакционных организаций. Приведем некоторые образцы социальной демагогии, которые регулярно печатаются на страницах «Сякай ундо цусин».

Выдержки из декларации и программы «Трудовой японской партии» («Кинро никонто»):

«...Наша партия ставит своей задачей ликвидацию политики плутократии и преобразование государства на основе принципа «князь — народ». ...Наша партия ставит своей задачей рациональную реорганизацию зашедшего в тупик капитализма и повышение жизненного уровня народа... Опираясь на дух патриотизма, наша партия ставит своей задачей устранение общественных зол путем повышения национа...

ству богачей должен быть положен конец... Предатели родины (читай: коммунисты. — Г. В.) должны быть уничтожены... Национализация и социализация финансовых органов... Упразднение бирж и создание централизованного национального рынка... Ограничение процента и преследование ростовщичества... Национализация внешней торговли... Национализация и социализация страховых предприятий... Национализация земли... Национализация производства и продажи сельскохозяйственных удобрений... Введение зарплаты, обеспечивающей прожиточный минимум, и регламентация рабочего времени... Государственная помощь безработным... Укрепление обороны... Равенство вооружений... Создание в целях укрепления мира на Дальнем Востоке Азиатской Лиги наций...» (номер от 30/V 1934 г.).

Газета не пропускает случая использовать борьбу внутри верхушки господствующих классов и даже внутри военных групп в целях социальной демагогии. В связи с борьбой военных групп за овладение кабинетом министров после ухода Араки газета широко публикует выступление офицерской молодежи («Гунбусейнен»), ведущей кампанию против корейского генерал-губернатора Угаки как возможного кандидата в премьеры. Газета популяризирует следующие мотивы борьбы офицерской молодежи:

«1. Кабинет Угаки будет буржуазно-фашистским. Японии же нужен социалистический фашизм. Поэтому для Японии чрезвычайного периода приход к власти Угаки будет величайшим злом.

2. Армия чрезвычайно враждебно настроена к Угаки.

3. Поскольку в случае назначения премьером Угаки власть будет в руках финансовой клики и политических партий, это отзовется на национальной обороне...» (31/V 1934 г.).

Японские профбюрократы не только пользуются информацией «Сякай ундо цусин» для своей пропаганды в борьбе против революционных профсоюзов, но сами непосредственно используют страницы этой газеты для популяризации своих взглядов. Интересно привести одну выдержку статьи органа реформистских профсоюзов «Соренго», перепечатанную 2 июня 1934 г. «Сякай ундо цусин»:

«Уверяют, что Япония занимается социальным демпингом, т. е. форсирует вывоз товаров, пользуясь голодным уровнем жизни японского рабочего. Мы, вожди профдвижения, плюем на заявления подобного рода... Экономические условия в отдельных странах Европы и Америки различны, тем более они различны, если сравнивать западные и восточные страны... В Японии условия труда, конечно, хуже чем в Европе и Америке... Однако происходит это из-за полной бедности в сырье, нашей перенаселенности, из-за того, что естественные ресурсы земли захвачены белой расой, японские товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются всякого рода репрессиям».

Лицо газеты и ее назначение на основании всех приведенных здесь выдержек достаточно ясны. Следует еще добавить, что язык газеты недоступен широким массам. Издатели, повидимому, рассчитывают больше всего на офицерский и унтерофицерский состав социал-демократической партии и реформистских профсоюзов и на интеллигенцию.

Советскому читателю интересно познакомиться, хотя бы по этой беглой заметке, с газетой «Сякай ундо цусин» и составить представление о том, как господствующие классы Японии в своеобразной форме проводят идеологическую обработку масс через свою агентуру: фашистов, вождей социал-демократии и профбюрократической верхушки. В казарменно-полицейской обстановке, какая существует в Японии, газета «Сякай ундо цусин», изображаемая организаторами ее как «свободная трибуна» для осве-

щения всевозможных мнений и точек зрения, служит рупором монархического режима. Но широкие рабочие массы Японии все больше и больше начинают разбираться в жгучих вопросах политики страны, и информация «Сякай ундо цусин» на деле обернется против ее составителей.

Г. ВОЙТИНСКИЙ

Японские теории империалистических захватов

(Обзор японской литературы)

Японский империализм занял первое место в ряду империалистических держав, активно выступающих за передел мира посредством новой войны. Агрессивность милитаристской Японии заострена в первую очередь против Советского союза. В расчете на то, что война со страной строящегося социализма вызовет сочувствие и даже поддержку со стороны отдельных империалистических стран несмотря на разделяющие их противоречия, Япония стремится выступить как выразитель мировой империалистской реакции. Несомненно, у Японии имеется немало внутренних «данных» для этой роли: феодальный гнет паразитического. помещичьего землевладения переплетается в этой стране с хищническим господством монополистических трестов; военно-полицейский кулак полуфеодальной абсолютной монархии обеспечивает «единство» подавления и жесточайшей эксплоатации японских рабочих и крестьян при одновременном свирепом терроре и грабеже в колониях. Этим об'ективным качествам соответствует и идейный арсенал японских правящих классов. В отношении богатства и широты захватнических «идей» японский империализм может вполне законно соревноваться с германским.

Если мы обратимся к соответствующим японским источникам, то легко убедиться в том, что идея необходимости войны против Советского союза и необходимости войны вообще, для того чтобы Япония могла процветать, красной нитью проходит через большинство литературных произведений современной Японии.

В настоящей статье мы остановимся преимущественно на тех произведениях японских империалистов и их слуг, кои «обосновывают» идеологию войны вообще. На фундаменте этой идеологии «войны вообще» японская империалистская литература строит защиту необходимости конкретной войны против СССР.

Существующие в Японии попытки «теоретического обоснования» войны и оправдания японской агрессивности можно разбить в основном на две категории: 1) «научные» экономические доказательства необходимости японской экспансии с ссылками на бедность Японии и на знаменитый тезис о ее перенаселенности, 2) сугубо «идеологические» аргументы в пользу войн и дальнейших колониальных захватов, оперирующие мистическими понятиями, вроде «божественной миссии Японии по распространению императорского пути в Азии», и т. п.

Первая категория «доказательств» наиболее полно представлена апологетическими книгами и статьями японских буржуазных профессоров, в значительном большинстве «либералов». Сюда же необходимо отнести и весьма мало даже по фразеологии отличающиеся от буржуазно-либеральной стряпни «теоретические» откровения японских социал-фашистов (К. Таканаси, И. Иномата).

[1] „Большевик“ № 13—14.

Вторая категория «аргументов» наиболее ярко представлена в произведениях японских фашистов, в том числе в писаниях доморощенных солдафонских «философов» в генеральских чинах. Особо значительное место в этих произведениях принадлежит «расовой проблеме» и связанной с этим «паназиатской» демагогии — крикам о том, что Япония должна возглавить угнетенные «цветные народы» в борьбе с белыми эксплоататорами.

Независимо от того, под каким—средневеково-феодальным или псевдо-научным «марксистским» — флером выступают произведения в защиту японского империализма, они в основном не выходят из узкого круга определенных положений. Это особенно легко проследить на примере применения этих ограниченных положений в официальных и неофициальных выступлениях японских политиков и дипломатов, нередко перемешивающих в своих речах сетования на «несправедливое распределение мировых естественных ресурсов» с разглагольствованиями на тему о «священном ветре», который дует в Японии, и прочей тому подобной чертовщине. В этом случае единство стиля, вытекающее не только из общности, но и из узости теоретических исходных положений, характерно не только для генерала Араки и Мацуока, но и для тех банковских дельцов, которые на деле, конечно, гораздо больше верят в капитал, дающий проценты, чем в божественное происхождение японского императора.

Устами Мацуока говорит как обычно наиболее агрессивный и при этом довольно слабо маскирующийся передовой отряд японского империализма.

В своей статье под заголовком «Кризис еще не миновал», помещенной в майском номере (1934 г.) журнала «Тюо корон», Мацуока следующим образом развивает пресловутую концепцию «перенаселенности» Японии:

«Первым источником внутреннего кризиса служит проблема народонаселения. В течение всего лишь шестидесяти лет население Японии выросло в три раза. Но мы не имеем пропорционального этому увеличения территории. В то же время материальные потребности индивидуумов, в особенности средних слоев и выше, также выросли в несколько раз по сравнению с уровнем, на котором они находились шестьдесят лет назад. Следовательно, если учитывать увеличение потребности в средствах существования, то оно равносильно тому, что население выросло примерно в 5—6 раз» (разрядка наша. — *Е. Ж.).*

В перенаселении Мацуока видит главный источник всех бед. которые свалились на голову Японии. Перенаселением он аргументирует и необходимость монопольного господства Японии в Китае. В другой своей статье, «Новое начало», помещенной в майском номере журнала «Кэйдзай орай», он заявляет:

«Америка провозгласила доктрину Монроэ по отношению к Южной и Северной Америке, и японцы не возражали против этого. Но Япония также выдвигает восточную доктрину Монроэ. И разве не было бы справедливым, чтобы Америка уважала восточную доктрину Монроэ, так справедливо выдвинутую Японией?».

Программа японских колониальных захватов вежливо именуется на дипломатическом языке «восточной доктриной Монроэ». Поэтому об «азиатской доктрине Монроэ» говорит и бывший постоянный японский представитель в Лиге наций, являвшийся там заместителем генерального секретаря Лиги, И. Сугимура (ныне японский посол в Риме). В своей книге, вышедшей в 1933 г., «Записки о международной дипломатии», в главе об азиатской доктрине Монроэ Сугимура проявляет неожиданный

космополитизм, склоняясь к тому, чтобы еще более широко толковать «доктрину».

«Судьба Японии состоит в том, — пишет Сугимура, — чтобы прогрессировать в качестве культурной державы и развиваться во всех направлениях. Современные японцы считают своим домом весь мир и, ощущая себя друзьями всего человечества, должны развиваться в мире по всем направлениям».

О том, что должно пониматься под этим «развитием», пространно говорит видный японский экономист профессор И. Танигути в своей последней работе «Экономическое развитие Японии и будущее ее экономической политики» (Токио. Май 1934 г.). Проф. Танигути «научно» доказывает, что захват одной только Манчжурии не может разрешить тех проблем, которые стоят перед японской экономикой. Он заявляет:

«Люди, сейчас уже размышляющие о дальнейшем продвижении вперед, не могут удовлетвориться японо-манчжурским блоком и стремятся включить в него Китай, создав японо-манчжуро-китайский блок. В этом случае, при наличии четырехсотмиллионного китайского населения, мы имели бы такую покупательную способность, что с точки зрения обеспеченности рынком наша мощь чрезвычайно бы возросла. По сравнению с японо-манчжурским блоком японо-манчжуро-китайский блок составлял бы бо́льшую силу. Но даже если бы был создан этот блок, мы почти не имели бы такого сырья, как нефть. Не было бы избытка и железа и угля, и в этом отношении мы не были бы удовлетворены вполне. Поэтому, чтобы получить еще больше, кроме японо-манчжуро-китайского блока, нужен блок Великой Азии, включающий южные моря и Индию. Тогда Япония, будучи лидером наиболее прогрессирующих стран, была бы богата и сырьем и продовольствием. Утверждают, что индийский хлопок и железо необычайно дешевы. Япония сняла бы таможенные пошлины на индийское железо. Если бы ввозилось индийское железо, японские металлургические компании, вероятно бы, расцвели. А в районе южных морей находится нефть. Кроме того в это время мы имели бы Великую Манчжурию, которая включала бы и Северный Сахалин. Таким образом с сырьем дело бы обстояло благополучно. А если говорить о рынке, то Япония с Манчжурией имеют свыше 100 000 000 населения. Если к этому присоединить Китай—400 000 000, Индию—350 000 000, Южные моря, то в результате получится около миллиарда человек. Это—количество, составляющее почти половину населения земного шара» (стр. 230—231. Разрядка наша. — *Е. Ж.)*.

Нарисовав такую завлекательную картину будущей японской экономики. проф. Танигути тут же меланхолически замечает: «Но если подойти к этому с политической точки зрения, то это, безусловно, является трудной проблемой».

«Профессор» чувствует, что он заврался. Он спешит перейти поэтому в своих дальнейших рассуждениях к определению того, «с кем» Япония должна идти: с США или с Англией ради успешного «регулирования» мировой экономики. Но суть не в этом. Основной интерес работы Танигути для нас заключается в том, что она представляет собой новейший образчик той «науки», которая преподносится японскому читателю для оправдания и «идеологического» обоснования политики империалистических захватов. Речь идет не только о случайном читателе, который может и проглядеть подобную «экономическую новинку». Книга Танигути, как это яв-

ствует из предисловия, является стенограммой лекций, читанных в самое последнее время (начиная с января 1934 г.) в различных научных собраниях, в том числе в солидных экономических ассоциациях крупнейших городов Японии.

Скромный автор предупреждает в своем предисловии, что его книга, откликаясь на жгучие проблемы современности, выходит за рамки научного знания, что «автор не знает, в какой мере его книга является новым вкладом в науку»; но можно заверить профессора в том, что его карьера обеспечена и любой японский университет, изгоняющий «красных», охотно примет в свое лоно столь бравого профессора, который, кстати, посвящает свою работу «духу безвременно погибшего» брата-о ф и ц е р а.

Токийский профессор Т. У э д а в статье, посвященной состоявшейся осенью 1933 г. конференции так называемого Института тихоокеанских отношений, дает критический обзор той дискуссии на тему «о японском праве на агрессию», которая развернулась на конференции в Банфе (журнал «Кайдзо» за ноябрь 1933 г.).

Японская делегация, возглавлявшаяся И. Нитобэ, недавно умершим бывшим редактором «Japan Times» (полуофициозной японской газеты, которая издается на английском языке в Токио для «раз'яснения» японской политики иностранцам), выступила на этой конференции с развернутой платформой обоснования неизбежности и необходимости японской экспансии. Согласно признаниям Уэда, я п о н с к а я позиция была в следующих словах резюмирована достаточно об'ективным сэром Гербертом Сэмюэлем, возглавлявшим а н г л и й с к у ю делегацию:

«Поскольку все страны мира стремятся производить полностью внутри своей страны все потребляемые ими товары, то т а к и е д е р ж а в ы, к а к Я п о н и я, н е и з б е ж н о с т а н о в я т с я а г р е с с и в н ы м и и и м п е р и а л и с т и ч е с к и м и» (разрядка наша. — *Е. Ж.*).

«Несчастная» Япония, не будучи в состоянии производить внутри страны все потребляемые ею товары ввиду многочисленности населения и бедности естественными ресурсами, «естественно» «вынуждена» грабить!

В подтверждение этого тезиса проф. Уэда приводит документ, относящийся к еще более древнему периоду. Документ этот фигурировал на II тихоокеанской конференции, происходившей в Гонолулу в 1927 г.

«Народонаселение Японии,—читаем мы в этом документе,—за 60 лет увеличилось в два раза, жизненный уровень также поднялся. Но поскольку Япония бедна естественными ресурсами, то она уже сейчас почти исчерпала возможность их использования. Обрабатываемая земельная площадь также не увеличивается. Сельское хозяйство крайне интенсивно. Промышленность хотя и развивается, но в общем национальный доход будет недостаточным для поддержания существующего жизненного уровня для населения, которое и в дальнейшем будет все больше и больше увеличиваться. В каждой стране большой рост народонаселения неизбежно приводит к недостатку продуктов продовольствия. Страны, обладающие рудными богатствами, кроме обрабатываемой сельскохозяйственной площади, могут способствовать промышленному развитию народа, но в тех странах, которые бедны естественными ресурсами, это развитие ограничено и быстро наступает перенаселение. Похоже на то, что Япония уже вступила в это состояние. Оно является основной причиной социального беспокойства, которое переживает в настоящее время Япония. В л и я н и е т а к о г о ф а к т а, к а к б у р н ы й р о с т н а р о д о н а с е л е н и я, е щ е

не проявляется вовне, но эта проблема действительно является громадной» (стр. 19. Разрядка подлинника).

Мы могли бы бесконечно приводить цитаты из официальных документов, печатных статей, публичных выступлений японских политиков, экономистов, «ученых», которые все как один свидетельствуют о том, что «перенаселение» является движущей силой японской экспансии. От социал-демократа Такэхаси Камэкити до фашиста Татибана Косабуро, который в своей книге «Аграрная наука» воспевает «научные» пошлости Мальтуса, никто еще не выдвинул иного «научного» довода в пользу грабительской политики Японии.

Но как же в действительности выглядит дело? Может быть, действительно японцам негде больше жить и работать на «восьми островах»? Это мнение японские империалисты сумели ведь распространить довольно широко. Присмотримся поближе к фактам. Куда эмигрируют японцы? Цифры, показывающие японскую эмиграцию по годам, ничтожны. Более того: официальная японская статистика свидетельствует о том, что японская эмиграция не только не растет, а имеет тенденцию к неуклонному сокращению. Если в 1929 г. эмигрировали из Японии 25 704 чел., то в 1930 г. — 21 829 чел., и, наконец, 1931 год дает мизерную цифру — 10 384 эмигрантов. Зато реэмиграция имеет колоссальные размеры. Если общее количество проживающих заграницей японцев в 1929 г. составляло 762 572 чел., то в 1930 г. оно упало до 509 754 чел.

История переселения японских колонистов в новую «землю обетованную» — Манчжоу-Го — сначала до конца представляла собой сплошные скандалы, которые пришлось открыто признать и японской печати. Японский официоз в Южной Манчжурии «Дайрен симбун» горестно отмечал, что «если судить по положению в настоящий момент, то японская иммиграция в Манчжурии потерпела полное фиаско» (от 7/IX 1933 г.). И это несмотря даже на то, что, пытаясь сделать их своей политической опорой и в целях агитационных, японское правительство снабдило своих военных поселенцев более чем достаточным минимумом средств для «обзаведения хозяйством»! Нечего и говорить, что основная масса японского крестьянства, лишенного средств производства, не может эмигрировать из Японии вообще куда бы то ни было. Но и специально отобранные для Манчжурии колонисты-военнообязанные, которым внушали, что переселение в Манчжоу-Го служит интересам «Великой Японии», большими партиями сбегали обратно в Японию, покидая Цзямусы и другие районы, специально отведенные для военных поселений. «Жизненный уровень» задавленного собственными помещиками и ростовщиками китайского крестьянства оказался еще ниже чем полуколониальный уровень японской деревни. Предпринятое японским империализмом насильственное переселение в Манчжурию корейцев также не открыло никакой перспективы для японской колонизации в Корею взамен переселяемых в Манчжурию корейских крестьян. И здесь действовали в основном те же причины: 1) полная неприспособленность привыкшего голодать японского крестьянина к существованию в еще более кошмарных условиях, в которых существует колониальный корейский крестьянин, 2) нищета японского крестьянина, которая физически не позволяет ему выбраться из своей страдающей аграрным перенаселением японской деревни, освободиться от связывающих его долгов и приобрести необходимые средства производства, для того чтобы начать «новую жизнь» в столь рекламируемых японских колониях.

Японская эмиграция — это либо экспорт в колонии чиновников, полицейских, жандармов, агентов Мицуи и Мицубиси, авантюристов и разного

рода специфических «колониальных» отбросов капиталистического общества либо отправка на государственный счет ограниченного кадра военизированной молодежи призывного возраста, по отбытии определенного срока возвращающейся домой в Японию, квалифицированных разведчиков и диверсантов.

«Перенаселенная» Япония обладает еще изрядным количеством собственной площади, годной для освоения сельскохозяйственным населением. Если средняя плотность населения в собственной Японии (исключая колонии) довольно велика—169 чел. на 1 кв. км (в этом отношении Япония по плотности населения уступает лишь таким густонаселенным странам Европы, как Бельгия, Голландия и Англия), то в ней имеются обширные районы, где население сравнительно очень невелико. В северной части главного острова Хонсю, в префектуре Аомори, плотность населения составляет 91 чел. на 1 кв. км, в префектуре Акита — 84 чел. на 1 кв. км, в префектуре Иватэ — 64 чел. на 1 кв. км и, наконец, на острове Хоккайдо плотность населения равна всего 32 чел. на 1 кв. км. Причем дело обстоит так не только в северных районах, которые якобы по климатическим условиям с трудом поддаются колонизации, но и в южных. Так например в префектуре Миядзаки, на южном острове Кюсю, плотность населения не достигает 100 чел. на 1 кв. км (98 чел.).

Но больше половины японского крестьянства составляют мелкие арендаторы, а остальную часть — «собственники» мельчайших земельных участков. Они прикованы к своим участкам. Японский крестьянин, находящийся в кабале у помещика, не в состоянии передвигаться даже внутри страны, чтобы освоить те резервы свободной сельскохозяйственной площади, которые существуют в собственной Японии. Общая сумма задолженности японского крестьянства, в большинстве лишенного своего инвентаря, приближается к 10 млрд. иен.

Мы не говорим уже о налогах на крестьянство, по поводу которых столь далекий от пристрастной оценки японского империализма автор, как И. Мацуока, заявляет в уже цитированной нами статье в майском номере журнала «Тюо корон» буквально следующее:

«Одновременно с ростом международного значения Японии ужасающе росло бремя налогов, лежащее на нашем народе. Разве была шестьдесят лет назад у нас такая армия и такой флот как сейчас? Разве была такая система образования, транспорт, связь, социальные институты? Все это требовало колоссальных расходов. Разве не лежат они целиком на плечах народа? Я не могу дать сейчас проверенных цифр. Но по известным мне подсчетам одного крестьянина из Канто налоговое обложение кантоских крестьян сегодня в сравнении с 1867 г. увеличилось в восемь десятых раз» (разрядка наша.—*Е. Ж.)*.

«Диференцированная» налоговая система, при которой основная тяжесть колоссальных расходов на японское вооружение падает на плечи деревенского бедняка-арендатора и полуарендатора, еще более усиливает перманентную задолженность японского крестьянства, «облегчая» поступление его в беспредельную эксплоатацию к помещику и кулаку-ростовщику. Задолженность крестьянина в Японии непрерывно растет, ибо крестьянин, раз залезший в долг, уже не может выбраться из связывающих его пут.

При таких условиях главный «научный» аргумент японских империалистов в пользу колониальных захватов — «теория абсолютной перенаселенности» Японии — служит не только для оправдания грабительских

войн, но является лживым и наглым прикрытием той полуфеодальной кабалы, которая господствует в японской деревне и создает действительно аграрное перенаселение и связанную с ним нищету крестьянских масс. Именно существование этой кабалы в сочетании с могуществом финансового капитала предопределяет особую агрессивность хищнического «военно-феодального» японского империализма.

Война и колониальный грабеж, вооруженная борьба за передел мира и «перераспределение мировых естественных ресурсов», представляющие собой квинтэссенцию японской политики, еще более откровенно и выпукло выступают на первый план во второй группе японских теорий, обосновывающих «необходимость экспансии».

С легкой руки генерала Араки, являющегося признанным вождем наиболее агрессивного военно-фашистского крыла японского империализма, необходимость войны аргументируется в Японии не только грубыми материальными моментами, но и высокими, «чисто идейными» побуждениями. Араки вообще отказывается от «научно»-материалистической аргументации. В своей книге «Речи к японскому народу» он с гордым видом решительно отмежевывается от тех, кто пытается об'яснить манчжурский «инцидент» и все последующие события перенаселенностью Японии, нехваткой продовольственных ресурсов и тому подобными вещами. Араки заявляет:

«Когда я был в прошлом году в Китае, мне много приходилось беседовать с представителями сишаньской группировки. Они говорили мне тогда: «Япония испытывает затруднения от недостатка продуктов питания и от избытка населения. Мы предоставим ей и пропитание и место для размещения излишнего населения, но пусть Япония смотрит на нас как на основу своего существования, как это следовало бы, без обращения к оружию». Конечно, мы никогда не относились к Китаю с презрением или враждебностью. Но, с другой стороны, мы никогда не собирались разрешать вопросы перенаселения или продовольствия так, чтобы, отбросив все свое достоинство, пойти в Китай с преклоненной головой. Я отвечал им тогда: «Очень признателен вам за такую заботливость. Но мы как-нибудь пропитаемся и сами». Вопрос сближения Японии и Китая не есть вопрос пропитания. Если нам нечего будет есть, мы что-нибудь придумаем» (стр. 5—6).

Араки стремится аргументировать необходимость войны и колониального грабежа фактом превосходства японского духа, потребностью распространить японские добродетели по всему миру, удивляя все народы солдафонско-феодальными идеалами, воплощенными в пресловутом «императорском пути».

«Провести императорский путь за пределы своей страны—такова миссия Японии в годы Сёва!»[1] — восклицает Араки в своей книге. Как опытный демагог, он не перестает говорить о том, что в конечном счете миссия Японии — «поддержание мира». Мир, которого хочет Араки, — это гегемония японского империализма не только в Манчжурии и Монголии, но и во всем Китае, в Сибири, в Индии, в Средней Азии. Обо всем этом он достаточно красноречиво говорит в своем получившем широкую известность памфлете «Задачи Японии в эпоху Сёва». «Мир» для Араки — результат выполнения обширной программы военных захватов. Таким образом этот

[1] Годами Сёва называются годы правления нынешнего императора Японии, которое началось в декабре 1926 г.

мир, о котором печется Араки, прежде всего требует войны и предполагает войну, которая и воспевается на все лады как средство достижения гегемонии Японии в Азии.

«Дабы хранить мир в Азии, дабы беречь спокойствие азиатских народов, Япония встанет во главе азиатской военной колонны и пойдет куда бы ни пришлось пойти по вечному небесному пути, взирая на августейшего монарха, проникнутого человеколюбием. И если на этом пути нам будут чинить препятствия, то мы заставим Америку и Европу понять, что такое дух, который, шествуя, сметает все на своем пути» (стр. 118).

Воспевание японского меча как символа «справедливости» сочетается у Араки и «аракистов» с решительным отрицанием и плохо скрытой ненавистью ко всякой иностранной культуре (о ненависти его к пролетарской большевистской культуре нечего и говорить). Гнуснейший шовинизм, который японские генералы пытаются привить своим настоящим и будущим солдатам. базируется на теории исключительности, «избранности японского народа, божественной неповторимости японского государственного строя». В этом смысле, хотя некоторые японские генеральские философы на словах нападают на расистские теории германского фашизма, они блещут такой же тупостью, как и идеологи непорочности «арийской расы».

«Философия» Араки теснейшим образом связана с феодально-средневековой религиозно-философской концепцией синтоизма, основанного на культе предков и обожествлении императорского дома.

Подобно своим европейским собратьям японские фашисты вытаскивают свое идейное оружие из мусорных ям истории, переполненных разного рода реакционным хламом. Но нужно учитывать специфику японских условий. Рассматривая «аракизм» как новейший продукт кризиса капитализма и глубокого распада господствующей в Японии системы общественных или производственных отношений, нужно постоянно иметь в виду, что он имеет возможность цепляться за необычайно живучие и сильные в Японии остатки докапиталистических отношений и мобилизовать их в интересах сохранения существующего строя.

Воинственная «философия» японских фашистов, оправдывающая необходимость войн и захватов ссылками на идейное превосходство Японии и на «божественное происхождение» японской абсолютной монархии, тысячами нитей связана с общей системой официального воспитания японской молодежи.

Поэтому, если мы даже откажемся от того, чтобы на примере выступления самого Араки и его ближайших последователей обрисовать чисто фашистские «теории», проповедующие войну, мы сможем найти элементы этих «теорий» в работах любого японского буржуазного автора, маскирующих разбойничий облик японского империализма.

Уже цитированная нами книга японского дипломата Сугимура дает яркую иллюстрацию того, как сформулированное генералом Араки положение, что Япония должна «освободить все народы Азии от гнета эксплоатации со стороны белой расы», воспринимается и культивируется более тонкими защитниками чем сам Араки.

«Конечной целью японской политики, — пишет Сугимура, — является стать вождем и руководителем цветных рас и оказать руководящую помощь в их развитии. Мы должны занять позицию максимального сочувствия по отношению к освободительному движению или движению за независимость европейских и американских колоний или зависимых территорий. Наш долг — поспешить поддержать и оказать содействие уже возникшим го-

сударствам, когда мы видим ту тяжелую борьбу, которую они ведут для того, чтобы избежать несправедливого гнета со стороны сильных держав...

...Всякий, кто напрасно нарушает мир в Азии и третирует азиатов, — враг Японии. Поэтому Япония как вождь Дальнего Востока и должна занимать твердую позицию. Поэтому Япония и должна обладать сильными армией и флотом. А не просто лишь для национальной обороны» (стр. 363. Разрядка наша. — *Е. Ж.).*

Устами Сугимура японский империализм заявляет о своем твердом намерении бороться за новый насильственный передел мира, облекая в то же время свои колониальные вожделения в благородную мантию жажды «независимости» для угнетенных народов.

В журнале «Гайко дзихо» от 15 декабря 1933 г., в статье Фудзисава под многообещающим заглавием «Неотложные задачи утверждения принципов императорского пути в международной политике», мы находим следующие строки, подчеркнутые автором:

«Основным принципом японской дипломатии является единство военного и гражданского начала. Подобно тому как при осуществлении идеалов строительства нашего государства мы применяли силу против тех, кто хотел этому воспрепятствовать, мы должны заявить, что иногда применение вооруженной силы является неизбежностью. Иначе говоря, можно предположить, что при защите распространения начал международной справедливости, которая может осуществляться только японским народом, необходимо будет временно применить оружие. Но, поскольку это применение оружия будет базироваться на японском духе, нужно быть твердо уверенным, что оно будет справедливым» (стр. 16. Разрядка подлинника).

Итак, по мнению этого многообещающего автора, японские винтовки и пулеметы служат единственной гарантией международной справедливости, а посему все умирающие от японских пуль могут быть совершенно удовлетворены в том смысле, что их убивают с высоко идейных позиций.

Имеющий большое хождение в Японии лозунг «Азия для азиатов», или, как его правильнее следует читать, «Азия для японцев», является краеугольным камнем той шовинистической агитации, которая базируется на гнуснейшей демагогии относительно «освободительной миссии» Японии в отношении колониальных народов. В максимальной степени эта демагогия связана с захватнической политикой Японии в Китае. Нет нужды здесь доказывать, что «китайская политика» является ключом к пониманию всей внешней политики японского империализма. Поэтому для оправдания разбойничьей практики японских захватчиков в Китае об'единились махровые черносотенные «философы» типа Тояма и «левые» социал-фашисты, вроде ренегатов японской компартии Ямакава, Сано и других.

В журнале «Кэйдзай орай» (октябрь 1933 г.) было помещено обширное «Обращение к китайским народным массам», принадлежащее перу известного социал-фашистского специалиста по китайскому вопросу Миядзаки. В этом обращении автор, входящий в состав руководства основной социал-фашистской партии Японии — сякай тайсюто, распинается, что китайцы-де напрасно «не понимают» политики Японии:

«В Китае существует опасение, что Япония хочет захватить Манчжурию. Может быть, среди японцев, поставленных лицом к лицу с манчжурским инцидентом, и находились люди, питавшие такие планы. Может быть, они есть и сейчас. Но абсолютное большинство японского народа не

хочет такой глупости, как присвоение территории Манчжурии, увеличение национальных расходов и рост политических затруднений. Сущность вопроса представляется мне в том, что Япония, очутившись в обстановке охватившего весь мир беспокойства, была вынуждена организовывать свою экономическую независимость, и это привело к тому, что оказалось необходимым включить Манчжурию и даже часть побережья Китая в сферу японских военных операций» (стр. 75—76. Разрядка наша. — *Е. Ж.).*

Превосходя по своему цинизму наиболее бесстыдные апологии империализма, прославившие европейских собратьев японского социал-фашизма, письмо Миядзаки повторяет наглые утверждения ганазиатов, что Япония имеет намерение вывести Китай из положения полуколонии, «эксплоатируемой английским империализмом». Ловко используя расовый момент в той особой ненависти, которую встречают в колониях английские империалисты, не скрывающие своего джентльменского презрения к «низшей расе», японские социал-фашисты, приспособляясь к обстоятельствам, оперируют почти «марксистской» фразеологией, стремясь обмануть и своих японских и китайских пролетариев.

Миядзаки в следующих выражениях обращается к «китайским массам»:

«Господа, Китай находится на положении полуколонии. Но кто же первый сделал вашу страну полуколонией? Кто, начав опиумную войну, всевозможными мерами насилия захватил Гонконг, а затем создал базу в Шанхае, и крепко держит Китай за горло? Опиумной войной началась английская экспансия в Китае, а затем, подражая ей, все державы стали проникать в Китай. Никто, кроме Японии, не разобьет мечты Англии об абсолютном владычестве на Востоке, уже достигшей того, что она владеет Индией и Китаем. Пока Япония преграждает путь на Востоке континента, Англия не может спать спокойно» (стр. 78).

При помощи этой двойной демагогии, не только замазывающей грабительскую сущность японской политики в Китае, но искажающей действительное соотношение японского и английского империализмов в Азии, японский социал-фашизм расчищает путь империалистической войне, оправдывает войну, призывает массы к поддержке кровавой практики японских захватчиков.

Японские империалисты готовят войну, которая представляет собой в их глазах «нормальное состояние».

Выступают ли теории, оправдывающие японскую «экспансию», под флагом излюбленных профессорами расчетов об абсолютном перенаселении или необходимости включить «пропадающие» естественные богатства в орбиту «прогрессирующей» японской экономики, выступают ли они под маской благородных помыслов «спасти» угнетенные народы Востока от англичан и американцев и уготовать им «счастливый» удел Кореи и Манчжурии, — во всех случаях из этих «теорий» явственно выступает на первый план разбойничий облик японского империализма.

Е. ЖУКОВ

К вопросу об иностранной политике германского фашизма

(Об одном важном документе)

Сейчас, когда вопрос о действительных целях иностранной политики германского фашизма приобрел такую злободневность, мы хотим ознакомить читателя с одним документом, который дает нам аутентичное изложение этой политики в момент, когда вожди фашистов могли еще говорить на эти темы более откровенно. Мы имеем в виду «открытое письмо Адольфа Гитлера рейхсканцлеру фон-Папену», появившееся 21 октября 1932 г. в «Фелькишер беобахтер» (подписано: Адольф Гитлер, Кобург, 16 октября 1932 г.). Письмо писано совсем незадолго до прихода фашистов к власти, но писано в такой момент, когда г. Гитлеру еще не приходилось считаться с дипломатическим этикетом и когда он без чрезмерных условностей формулировал реальную программу германского фашизма в области внешней политики. С тех пор прошло более полутора лет. Но всякому внимательному наблюдателю ясно, что документ этот нисколько не устарел, что он особенно интересен именно сейчас, ибо как раз теперь германский фашизм проводит в жизнь ту программу, которая изложена в этом важном документе, писанном, несомненно, под диктовку влиятельных представителей «отечественного» капитала.

Открытое письмо опубликовано в момент, когда канцлером был Папен, а Гитлера приглашали в заместители к Папену. Теперь наоборот: Гитлер является канцлером, а Папен — его заместителем. Но это дела не меняет. Документ остается документом. Ознакомимся поближе с его содержанием.

Прежде всего Гитлер останавливается на вопросе о разоружении. В связи с этим он дает оценку дипломатическим конференциям вообще и Женевской конференции в частности. Гитлер пишет:

«Теперь на международной конференции собираются положить начало или, по крайней мере, как-нибудь способствовать началу предусмотренного версальским мирным договором всеобщего разоружения. Германия тоже участвует в этой конференции. Заранее возникает вопрос, чего же можно вообще, рассуждая по-человечески, ожидать от такой конференции. Мне кажется здесь принципиально важным уяснить следующее:

На конференциях вообще никогда не удается добиться глубокого изменения существующих условий, а только ратифицируется то, что уже свершилось. Те силы, которые действительно формируют жизнь, не выступают за столом конференций. Жизнь создаст определенное фактическое положение, а конференции разве только обращают его в формально-правовое...

Бессмысленно воображать, будто держава, которая нас разоружила, теперь сама, не будучи принуждаемой к этому, также станет всерьез разоружаться.

И если в Женеву отправилась бы германская делегация с мыслью, что там удастся побудить Францию к добровольному саморазоружению, то такую делегацию следовало бы как можно скорее вернуть назад, ибо она состояла бы из бездарных людей.

Но так же неверно было бы думать, что Франция когда-либо согласится добровольно на довооружение Германии, ибо в обоих случаях дело идет об одном и том же: о передвижке в нашу пользу нынешнего соотношения сил между Францией и нами. А этого Франция ни за что не хочет допустить».

Что же должна, по Гитлеру, делать Германия? Вооружаться, никого не спрашивая! Изменить реальное соотношение сил на деле, не дожидаясь никаких решений Женевы. Таков

«Не в Лозанне или Женеве будут вооружаться, а в конечном счете в Германии. И не в Женеве такое довооружение может рассчитывать на одобрение со стороны других наций. И то, что Германия тысячу раз имеет право на уравнение своих вооружений с вооружениями других наций, это обстоятельство — поскольку дело идет об эффективной перегруппировке сил в жизни народов — тоже не приведет к международной ратификации, если оно не будет уже совершившимся фактом».

Нельзя выразиться яснее. Надо поставить весь мир перед «уже совершившимся фактом». Когда германский империализм вооружится, когда это станет фактом, тогда это «приведет к международной ратификации», тогда империалисты другой окраски вынуждены будут считаться с «уже совершившимся фактом».

Вот центральный пункт программы, с которой германский фашизм шел к власти: приступить немедленно к вооружениям де факто и лишь затем добиваться признания их де юре. Вооружиться, добиться реального изменения в соотношении сил, подготовиться к войне на деле и лишь затем думать о «международной ратификации».

Эта программа не осталась на бумаге. Придя к власти, правительство Гитлера, как известно, приступило к вооружениям бешеными темпами.

Выполнен и другой пункт программы Гитлера, изложенной в том же открытом письме его к Папену от 21 октября 1932 г., а именно — уход с Женевской конференции. В упомянутом письме мы читаем:

«При этом вовсе не потребовалось бы, чтобы германская делегация до бесконечности участвовала в женевской комедии разоружения. Достаточно было бы недвусмысленно установить перед всем миром волю Франции не разоружаться, чтобы затем покинуть Конференцию с заявлением, что тем самым версальский мирный договор нарушен самими же подписывавшими его державами, и Германия оставляет за собой право при известных обстоятельствах сделать из этого соответствующие выводы».

Так именно и поступила фашистская Германия, спустя год после того, как написаны были приведенные слова Гитлера. Сделанное при этом Германией заявление было лишь переложением на дипломатический язык этих слов Гитлера...

Далее, Гитлер в открытом письме к Папену переходит к вопросу о том, какой род оружия имеет в данной обстановке наибольшее значение для Германии. Он отвергает для данного момента строительство больших военных кораблей. Причина этого, конечно, не в пацифизме Гитлера, а в чем-то совсем другом. Гитлер в упомянутом документе пишет:

«С чисто военной точки зрения: какой смысл в данный момент может иметь строительство больших военных кораблей?

Наибольшая опасность угрожает Германии с Востока. В мире есть немало проницательных людей, которые сами понимают и признают невозможность и непрочность положения Германии в этом отношении. Укрепление обороны Германии, дабы она имела возможность противостоять восточной опасности, сравнительно легко обосновать. Во всяком случае, для самой Германии является необходимым при целеустановке в деле своего национального вооружения неуклонно иметь в виду важнейшие задачи... Для борьбы вне Балтийского моря, скажем, против Англии или Франции, требуемое нами и возможное для нас теперь сооружение новых больших военных кораблей было бы совершенно недостаточно... Если бы нам и дано было разрешение сооружать большие военные корабли, то в военно-морском отношении это не имело бы никакого значе-

ния. При самом напряженном строительстве первая эскадра в составе четырех кораблей не была бы готова к бою раньше чем через четыре года. Безнадежное дело, если подумаешь об Англии или хотя бы только о Франции! А между тем требование себе права на постройку больших военных кораблей сейчас может только осложнить внешнеполитическую ситуацию и в конечном счете снова загнать нас в такое положение, которое мы уже однажды переживали с дрожью ужаса.

В условиях Балтийского моря в строительстве настоящих больших военных кораблей нет надобности, пока Россия или при известных обстоятельствах и Польша не будут располагать другими морскими силами, кроме нынешних. Но даже если вы считали, г-н фон-Папен, что уже теперь надо выдвинуть требование относительно морских сил, то ни в коем случае нельзя было сразу открыто выступать с этим требованием перед всем миром, а вы должны были сначала выяснить в Лондоне положение насчет согласия или же отказа Англии. Ибо сейчас для будущности Германии важны отношения взаимного доверия с Англией. Но, на мой взгляд, при таком безусловно необходимом отношении доверия к Англии на сегодняшний день можно было бы ограничиться внесением поправок к предусмотренной версальским договором программе строительства нашего флота, — всегда твердо уповая тем самым создать необходимую нам защиту на Востоке. Однако и здесь, как уже так часто бывало раньше, повидимому, не учитывается переворот, произведенный за это время современной техникой и в области военных ценностей. Требование еще одного вида оружия выдвигают, больше исходя из реминисценций, теперь уже только психологических, чем из соображений правильных для нашего нынешнего военно-технического положения. И при этом совершенно упускается из виду вопрос о том, какое воздействие на психологию одного из наших прежних противников возымело бы наше желание строить новый флот.

При этом вы, г-н фон-Папен, выдвигаете к тому же еще программу, финансовое осуществление которой в данный момент — вещь невозможная. На современную военную эскадру из действительно боеспособных судов надо в общем затратить, по крайней мере, 700—800 миллионов марок. И если бы даже мы располагали внешнеполитическими предпосылками для сооружения таких судов, то финансовое бремя ни в каком соотношении не стояло бы с ныне потребными военными единицами».

В высшей степени интересные соображения!

— Нам,— говорит Гитлер,— не надо сейчас ставить вопрос о флоте, во-первых, потому, что у нас нет на это денег, а, во-вторых, потому, что это произвело бы плохое впечатление на английский империализм, с которым нам надо жить в ладу, и, в-третьих, потому, что наш главный враг, советская Россия, большим флотом не обладает! Во всяком случае, надо было «сначала выяснить в Лондоне положение насчет согласия или же отказа в Англии, ибо для будущности Германии важны отношения взаимного доверия с Англией».

Ценнейшие признания!

Программа, намеченная в этих словах, целиком проводится сейчас фашистской Германией: о флоте «мы» пока помолчим и займемся созданием авиации (аэрохимия!), воссозданием сухопутной артиллерии, пехоты, технических войск.

«Предпосылкой германского равноправия является восстановление обороноспособности Германии... На практике равноправие останется пустой формулой до тех пор, пока восстановление германской обороноспособности не наполнит эту формулу реальны[illegible] Гитлер в том же документе.

«Можно всего ожидать, но только не того, что Франция сама добровольно заговорит о таком изменении нынешнего соотношения сил. И пусть Германия стократ будет исполнена серьезной воли к миру, она все же сможет добиться своего равноправия в ряде других наций только путем фактического восстановления равновесия. А при сложившемся положении в этом могут быть заинтересованы Англия и Италия.

Таким образом, всякий политический и дипломатический шаг, предпринимаемый без поддержки со стороны Италии или Англии или даже без необходимейшего уведомления этих государств, представляется весьма сомнительным, а при известных обстоятельствах даже пагубным начинанием.

В конечном счете всякая попытка германского приспособления к Франции до тех пор там не будет встречать взаимности, пока данная большой разницей в вооружениях уверенность Франции кажется ей дороже и потому предпочитается искреннему соглашению с Германией».

Смысл этих слов ясен. Франция будет сговорчивей, когда «мы» вооружимся. Тогда «мы», может быть, и с ней сговоримся — против «Востока». С английским же империализмом и с фашистской Италией у «нас», во всяком случае, союз возможен. Особенно — с империалистской Англией! В главе «Упущенные возможности союзов» Гитлер раз'ясняет Папену:

«В особенности — Англия, г-н фон-Папен!.. В Англии не хотят франко-германской войны, но еще меньше хотят, чтобы франко-германское соглашение завершилось франко-германской военной конвенцией! Об Италии нечего и говорить! Это единственная страна, которая не только понимает свои противоречащие Франции интересы, но и смело и открыто защищает их. Услуги, косвенно за последние годы оказанные этой страной и ее правительством германскому народу, не понимаются и не ценятся в нынешнем Берлине (напоминаю: писано в октябре 1932 г.— *Гр.).* Уже неоднократно можно было бы добиться искренней дружбы этой страны с Германией, если бы в Берлине вообще было ясное представление о том, чего хотят или, по крайней мере, чего можно, с одной стороны, добиться и чего, с другой стороны, никогда не удастся добиться...»

О «германском народе» и т. п. тут говорится, конечно, всуе. Вся «беллетристика» в разбираемом документе должна быть отброшена. Ведь документ печатался в газетах, и поэтому без некоторых «красивых» слов обойтись нельзя было. Но суть ясна: в Англии пока не хотят франко-германской войны, но еще меньше хотят франко-германской дружбы; там «хотят» чего-то совсем другого. Чего? Иметь в лице фашистской Германии кулак против СССР и контрбаланс против чересчур сильной Франции! Вот почему империалистская Англия — главная надежда германских фашистов.

Гитлер «популярно» раз'ясняет Папену, что «мир является либо демократическим, либо большевистским, либо фашистским» и что задачей Германии в сложившейся обстановке является об'единение с «демократическим» миром против большевистского мира. Гитлер кончает свое открытое письмо обещанием приступить к осуществлению всей этой программы, когда национал-социалисты придут к власти...

Интересующий нас документ очень пространен. Одна «международная» часть открытого письма Гитлера к Папену занимает более печатного листа. Но если взять суть этого раздела письма, то ее можно свести к следующим пунктам:

1. Международные конференции о разоружениях — пустая комедия.
2. Германия должна приступить к вооружениям явочным порядком

Надо вооружиться во что бы то ни стало. В этом альфа и омега. Выиграть время для вооружений — это все.

3. В подходящий момент следует уйти из Женевы, чтобы лучше маневрировать.

4. С флотом можно подождать, ибо СССР большого флота не имеет, а на Англию произведет дурное впечатление, если «мы» заговорим о флоте.

5. Главная «ориентация»—на империалистскую Англию плюс Италия.

6. Главный враг — СССР («Восток»).

7. Если о сближении с Францией вообще можно говорить, то лишь тогда, когда «мы» вооружимся и станем сильнее.

8. «Фашистский мир» должен идти с «демократическим миром» против «большевистского мира».

9. По поводу союза с японским империализмом «мы» пока помолчим. Это делают, но об этом не говорят.

10. Придя к власти, «мы» начнем выполнять именно эту программу внешней политики и, чтобы выиграть время, конечно, будем до поры до времени произносить пацифистские речи, клясться в миролюбии и т. п.

Таков этот документ.

Он ключ к пониманию всей нынешней иностранной политики германского фашизма. Чем больше вооружается фашистская Германия, тем больше «миролюбивых» речей произносят ее нынешние правители. Чем больше пацифистских речей они произносят, тем больше вооружается фашистская Германия. Лавируя и выигрывая время, она готовится к войне. Готовясь к войне, она лавирует и выигрывает время.

Такова современная политика германского империализма.

Смешно было бы думать, что эта программа внешней политики Германии есть выдумка того или другого вождя германского фашизма, что она продукт личного творчества Гитлера. Смешно было бы думать, в частности, что выход Германии из Лиги наций есть личная политика Гитлера. Смешно было бы думать, что «миролюбивая» речь Гитлера в рейхстаге 17 мая 1933 г. есть его личная политика. Нет, во всем основном — это программа германского финансового капитала. Проведение этой программы, конечно, представляет громадные трудности. Отсюда необходимость лавирования. Отсюда знаменитая пацифистская речь Гитлера в рейхстаге, отсюда «франкофильские» декларации его заместителя Гесса, отсюда свидания в Варшаве, в Венеции, отсюда маневрирование в австрийском вопросе, отсюда маневрирование и попытки выиграть время в вопросе о восточном Локарно и т. д. Союз с империалистской Англией осуществить германскому фашизму тоже не так просто. Тут есть свои трудности. Англия хочет ослабить нынешнюю роль Франции, но отнюдь не хочет вернуть прежнюю роль Германии. Сама Англия к войне не готова. Она хочет, чтобы воевали другие. Все это знает германский финансовый капитал. Формула Гитлера: Англия не хочет сейчас войны Франции с Германией, но еще меньше хочет договоренности между ними — тоже не продукт личного творчества Гитлера. Это основной тезис, из которого исходит германский финансовый капитал. Этот расчет германских капиталистов в основе правилен, но только в основе, ибо английский империализм преследует, конечно, свои собственные цели и, если ему нужно будет, он десять раз «предаст» фашистскую Германию. Англия не только терпит, но в известных пределах прямо поощряет вооружения Германии. Смешно было бы думать, что программа вооружений, начатая фашистским правительством, есть программа только фашистской верхушки. Нет, эта программа одобрена финансовым капиталом и полностью одобрена верхушкой рейхсвера. Поэтому германский

финансовый капитал при всех трудностях попытается проводить эту программу и дальше. Считать, что эта программа германского капитала уже якобы сорвалась, что теперь против нее выступают стеной уже якобы империалисты всех стран, было бы импрессионизмом.

За полтора года фашистской власти накопилось немало новых препятствий, мешающих финансовому капиталу Германии осуществлять вышеприведенные десять пунктов. Но эти пункты — его пункты. К своей цели финансовый капитал Германии будет продолжать идти, хотя бы и более извилистыми и обходными путями. Это надо видеть ясно.

В октябре 1932 г. Гитлер, борясь за власть, вынужден был сформулировать эту политику германского империализма достаточно откровенно. Сейчас германские фашисты хотят предать забвению это письмо Гитлера к Папену. Рабочий класс заинтересован в обратном: мы должны «популяризировать» этот документ как можно шире.

Гр.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Прибалтика—ближайший об'ект германской экспансии

(О книге Kurt Freytag «Raum deutscher Zukunft — greuzland im Osten» — «Страна немецкой будущности — пограничные области на Востоке»)

В литературе германского неоимпериализма Прибалтике уделено исключительное внимание. Это не случайно, так как балтийские лимитрофы, в первую очередь Эстония, Латвия и Литва, — бывшие «Остзейские провинции», — являются ближайшим об'ектом захватнических планов фашистской Германии. Об этом свидетельствуют активизация гитлеровской дипломатии в лимитрофах, активная работа фашистских эмиссаров в Прибалтике, установленная последними событиями в Эстонии, Мемеле, Литве и Латвии тесная связь германского фашизма с местными фашистскими организациями в лимитрофах, политический и экономический нажим фашистской Германии на балтийские государства. Об этом же империалистическом «Drang nach Osten» (экспансия на Восток) германского фашизма свидетельствует обильная литература, выпущенная за последний год в Германии, в той или иной вариации «обосновывающая» немецкие притязания на лимитрофы.

Далеко не случайно также, что эта литература появляется именно теперь, в канун второго тура империалистических войн. Небесполезно напомнить, что накануне первой мировой империалистической войны германский книжный рынок тоже был наводнен книгами, целью которых было «научно» оправдать агрессивные планы немецкого империализма в отношении Прибалтики. Достаточно указать на книгу Отто Танненберга «Grossdeutchland» («Великогермания»), вышедшую в 1911 г. и выдвинувшую пресловутый проект аграрного переселения немцев из Восточной Пруссии в Прибалтику. Если сравнить эту литературу с нынешней фашистской литературой «новых крестоносцев», бросается в глаза полное сходство (зачастую и терминологическое) в обосновании захватнических устремлений старого и «нового» германского империализма.

Рецензируемая книга Фрейтага является в этом отношении типичным образцом. Империалистический характер этой книги выпирает уже из ее оформления. Чего стоит одно название книги: «Страна немецкой будущности — пограничные области на Востоке». Можно подумать, что речь идет о Восточной Пруссии. Нет. Книга посвящена Польше, Латвии, Эстонии и Литве, свыше 15 лет существующим как самостоятельные государственные образования! Уже само название книги вскрывает апетиты фашистской Германии! Характер книги неплохо иллюстрируется также ее «мотто», взятым из основного сочинения фашистской идеологии — «Моей борьбы» Гитлера:

«Для Германии единственная возможность осуществления здоровой земельной политики в приобретении новой территории в самой Европе... Если захотеть новых земель в Европе, тогда
снова продвигаться по пути бывших о

расчистить дорогу немецкому плугу, а немецкую нацию обеспечить хлебом насущным».

Как бы желая расшифровать конкретный смысл этой крестоносной фразеологии, автор (или издательство) снабдил книгу суперобложкой, на которой дается квинтэссенция всей книги. Эта суперобложка, пожалуй, интересней всей книги в целом, ибо она свидетельствует о той степени откровенности, до которой дошли идеологи германского неоимпериализма. Вот несколько выдержек:

«Пограничные области манят нас и взывают: в будущем не должно быть больше «народа без пространства...» Восток будет стоять в фокусе внешней политики Германии, так как Гитлер писал: если речь идет о колонизации для Германии, то она возможна только в Европе и только на Востоке. Эта книга посвящена поездке по странам немецкой судьбы и тоски («deutcher sehnsucht Schicksalsland»): Литве, Латвии, Эстонии и Польше».

Столь откровенные заявления, правда, плохо гармонируют с другими заявлениями лидеров фашистской Германии о миролюбии «третьей империи», но они неплохо иллюстрируют ряд далеко немиролюбивых действий фашистской Германии в Прибалтике (достаточно указать на финансирование из германских источников «движения ветеранов» в Эстонии, на тесную связь Берлина с лапуасцами в Финляндии, активность гитлеровцев в Мемельской области, инспирированный из Тильзита недавний путч Вольдемараса в Ковно и т. д. и т. п.).

Но перейдем к самой книге. Как изображает Фрейтаг Польшу и Прибалтику — об'ект немецкой «тоски и судьбы»? Скажем прямо: весьма неприглядно. По Фрейтагу, единственные культурные очаги в Польше и лимитрофах — это рудименты «великой эры» крестоносцев: лютеранские церкви, замки, рыцарские поместья, поселения колонистов. Все остальное — Азия, грязь, вонь... Больше всего в этом отношении достается Польше. Автор не скрывает своей «расистской» ненависти к самостоятельной Польше. Эта ненависть «выросла из первооснов народной души. Из боев за гегемонию на Востоке, из столкновения двух различных в своих характерных особенностях народных групп. Это противоречие выросло в открытый огонь... Веками Западная Пруссия была полем брани между славянами и немцами. До вчерашнего, до сегодняшнего дня. Извечная озлобленная борьба. Будет ли когда-нибудь мир? — Ибо эта ненависть подлинна. Это не пустой пограничный спор, она глубоко расистская. Здесь славянство, здесь германцы...» (стр. 27—28).

Эта историческая фразеология характерна для всего очерка о Польше. Она, как видит читатель, очень мало гармонирует с польско-германским флиртом и с недавними медоточивыми речами Геббельса в Варшаве.

Проезжая по Польскому коридору, автор видит «два мира»: «с одной стороны (немецкой. — *М. Г.)* провинцию с развитыми дорогами, чистыми селами и городами, наполненными высокоодухотворенной жизнью... И напротив — другая страна, к которой должны быть присоединены эти провинции, примитивная, большей частью некультивированная, — коротко, страна, которой понадобится по крайней мере столетие, чтобы достигнуть уровня Западной Пруссии, Силезии и всех остальных отторгнутых немецких земель».

Мимоходом Фрейтаг дает небезынтересные оценки из жизни современной Польши, говоря в частности о потрясающей нищете 2½-миллионного еврейского населения, о борьбе за национальное самоопределение укра-

инского и белорусского населения, о зверских репрессиях в отношении нацменьшинств. Общее свое впечатление о Польше Фрейтаг резюмирует следующим образом:

«Грабежи, хищения, нападения на угольные транспорты, приведшие к военной охране железных дорог, стачки государственных служащих, вызванные неуплатой жалованья, осадное положение — все это характеризует отчаянное хозяйственное положение Польши. Пусть в военном отношении Польша сегодня «готова» (очевидно, для войны с Германией. — *М. Г.)*, в экономическом и организационном отношениях она сильно отстает» (стр. 89—90).

Более благосклонно автор расценивает положение в Литве. Эта «благосклонность» об'ясняется наиболее откровенными захватническими устремлениями фашистской Германии в отношении именно этого участка балтийских лимитрофов. Фрейтаг приводит подсчеты германских экспертов, согласно которым одна Литва при «немецкой организации» могла бы прокормить всю Германию. Одновременно Литва является относительно значительным рынком сбыта германских товаров. Рисуя заманчивые перспективы включения Литвы в сферу влияния Германии, Фрейтаг пишет:

«Было бы глупо смотреть беззаботно на те великие перспективы, которые открываются для германского народа на территории, за которую наши предки когда-то так ожесточенно дрались» (стр. 110).

Автор с огорчением констатирует, что «пробуждение Востока» после мировой войны разрушило все колонизаторские планы старого германского империализма. С грустью душевной Фрейтаг вынужден признать также неудачу «стараний» генерала фон-дер-Гольца, попытавшегося, как известно, уже после разгрома вильгельмовской монархии в 1919 г. спасти владения немецких юнкеров в Прибалтике, опираясь на шейдемановское правительство и используя знаменитую авантюру Бермондта—Авалова.

Любопытна концовка очерка о Литве: автор сообщает о благоговении, навеянном созерцанием могил немецких солдат, павших в Литве в прошлую империалистическую войну: «Они двинулись на Восток, подобно их предкам столетия тому назад, и подобно им они пролили свою кровь в литовскую землю. Наша судьба связана с ними, с ними—немцами—нашими братьями!» (стр. 151).

Язык явно предвоенный...

Не менее откровенные империалистические устремления фашистской Германии автор высказывает в очерках, посвященных Латвии и Эстонии. Они озаглавлены весьма красочно: «Терра Марианна—страна немецкого ордена». Первые путевые впечатления Фрейтага при поездке в Латвию вызывают у него восторженные панегирики «великой древней германской культуре». Вся Латвия, за исключением Латгалии, по Фрейтагу, окружена немецким прошлым:

«Немецкие строения, немецкие города, гордые немецкие фамилии, и замки, и люди, которые в своем жестком диалекте своего второго отечества (так развязно глашатай розенберговских империалистических планов говорит о латышах, их языке и родине. — *М. Г.)*, говоря на языке своих предков, — все они рисуют обворожительную картину: немецкая отчизна, немецкая страна» (стр. 153—154). Однако... «по усам течет, а в рот не попадает». Фрейтаг с искренней горечью добавляет: «Это немецкая и в то же время не немецкая земля. Немцы потеряли людей этой страны. Держась от них (т. е. от латышей. — *М. Г.)* в [illegible]

их вклинить в себя...» Фрейтаг здесь, мягко выражаясь, явно фальсифицирует историю: «немцы не только не держались в стороне от народа», но веками самым зверским образом на своих дворянских латифундиях угнетали латышей. Именно этим об'ясняется глубокая ненависть латышских трудящихся масс к немецким юнкерам и их нынешним покровителям в гитлеровской Германии. Сам автор вынужден признать, что в эту мрачную эпоху «Терры Марианны» (нынешние Латвия и Эстония представляли в средние века своеобразное епископское государство, где орденоносцы выполняли военные и полицейские функции) «народ безмолвствовал, он был ничем, товаром, крепостным крестьянином» (стр. 156). Вынужденный признать, что ненависть латышского народа к немцам обусловлена социально-историческими причинами, Фрейтаг одновременно подчеркивает, что балтийские немцы в своей борьбе за реставрацию былого могущества при поддержке Германии не должны пойти ни на какие компромиссы с латышами. Он с восторгом рассказывает, что в одном из рижских буржуазных салонов, где присутствовали латыши, балтийцы-немцы и немцы из Германии, когда речь зашла о том, что одна балтийская немка вышла замуж за латыша, поднялась молодая балтийская баронесса и яростно заявила: «Если бы мне латыш сделал предложение, я бы ему ответила хлыстом». Приводя этот случай, Фрейтаг добавляет: «Такие и аналогичные инциденты нееединичны. В глазах старого балтийского населения латыши, независимо от занимаемых ими постов, не признаются общественно-равноценными, а являются выскочками, в которых можно очень легко разглядеть рабство их предков». Эти откровенные признания Фрейтага весьма выпукло подчеркивают антинародный характер политики той влиятельной части латышской буржуазии, которая льет воду на мельницу балтийских юнкеров...

О том, какую силу последние представляли при царизме, говорят следующие данные, приводимые в книге Фрейтага: в Эстонии 58% земельной площади, а именно $2\frac{1}{2}$ млн. га, находились в руках крупных землевладельцев. Вся эта земля распределялась между 600 дворянскими фамилиями (стр. 312). Иными словами, на каждого балтийского помещика приходилось в среднем по 4 тыс. га! Если учесть, что под влиянием Октябрьской революции эстонская буржуазия, так же как и латвийская, вынуждена была уменьшить эти земли, становится понятной скорбь Фрейтага о былой мощи балтийского юнкерства. Но Фрейтаг не только скорбит о прошлом: он взывает к будущему, он агитирует за возврат «прежних веселых времен». Осматривая Ревель, Фрейтаг не может воздержаться от следующих откровений:

«Мы кровь от крови тех, которые тут сражались, тут колонизировали, тут культивировали, которые несли с собой миссию Германии. Жизнь, пульсировавшая в этом городе, была жизнью немецких людей, наших предков. Они двинулись сюда, чтобы завоевать место, пространство для следующих поколений, для нас, для тебя, для меня» (стр. 226). Это язык откровенных захватчиков, современных фашистских конквистадоров. К этому языку должны прислушаться не только трудящиеся массы Советского союза, но в первую очередь трудящиеся массы Прибалтики, ибо на их голову в первую очередь пытаются обрушить свой удар новоявленные крестоносцы, выполняющие волю наиболее агрессивных элементов германского монополистического капитализма.

Фрейтаг откровенно разоблачает эти захватнические планы. Заканчивая свою книгу, он пишет:

«Слишком долго мы присматривались бездеятельно к Востоку... Вновь восставший Восток лежит

между Россией и Германией. Только присоединившись (Anschluss) к 70 млн. немцев, давших ему культуру, он сумеет удержаться».

Польза книги Фрейтага именно в ее откровенности. Эта откровенность поможет трудящимся балтийских лимитрофов, пережившим вековой гнет немецких «культуртрегеров», правильно разобраться в истинном смысле новых притязаний германского империализма и побудит их еще энергичней искать в Советском союзе опору в борьбе за свою национальную независимость и за свое социальное освобождение.

М. ГЕРЦБАХ

Ллойд-Джордж и война

(По поводу первых двух томов «Военных мемуаров» Ллойд-Джорджа, появившихся на английском языке в Лондоне и выходящих в русском переводе в Соцэкгизе)

Вспоминать — это учить, мог бы сказать, перефразируя Платона, любой автор «воспоминаний», но нужно прибавить, что каждый учит по-своему. Иные авторы воспоминаний об империалистической войне, сознавая, что война эта была исключительным злодеянием, как бы стараются оправдать себя. Не то Ллойд-Джордж, автор настоящих мемуаров. Этот маленький провинциальный стряпчий по судебным и нотариальным делам, в какие-нибудь пятнадцать лет — изумительно короткий срок для старой Англии, где несмотря на «демократию» правят «фамилии» и их клиенты, — дорвавшийся силой своего демагогического таланта до высшей власти во время империалистической войны, не считает нужным в чем-либо оправдываться. Напротив, он ликующе доказывает, что только он один среди и против других, колебавшихся, сомневавшихся, ленивых и нерадивых, стоял с первого же момента за войну и в тяжкой борьбе с этими половинчатыми людьми довел ее до победного конца. И тут прежде всего он рисует свой собственный политический портрет.

Бесцеремонно охаяв своих либеральных друзей (исключая Черчиля, родственной души, такого же хамелеона и авантюриста как он сам, да, пожалуй, еще Холдена), наш автор в то же время не находит достаточно теплых слов для своих **консервативных** противников, разных Бонар Ло, Карсонов, Бальфуров, вождей махровой реакции, столпов британского империализма, организаторов накануне войны вооруженного сопротивления гомрулю в Ирландии и офицерского мятежа в ирландских гарнизонах, едва не доведших до гражданской войны самую Англию в своем рвении оградить от посягательства «демократии», представленной тем же Ллойд-Джорджем, привилегии Палаты лордов. На этот счет Ллойд-Джордж дает нам одно ценное указание, не сознавая, правда, его значения. Он пишет:

«В 1910 г. мы стояли перед множеством серьезных проблем, которые день ото дня становились все более серьезными. Наиболее серьезные из них еще не были разрешены. Всякому проницательному человеку становилось все более ясно, что партийная и парламентская система не будет в силах справиться с ними. У ворот законодательных шлюзов создалась пробка, и не было никакой надежды, чтобы суда, которых накоплялось все больше и больше, могли пройти через них.

Над горизонтом зловеще поднимался призрак безработицы. Наши иностранные соперники быстро шли вперед и оспаривали у нас первенство на мировых рынках. Приостановился рост нашей внешней торговли, тот рост, который содействовал феноменальному благополучию предыдущего полустолетия, но которым мы воспользовались так бестолково и

эгоистически. Скученное в грязных и неприветливых кварталах, не будучи уверено в своем хлебе насущном на завтрашний день в случае болезни или изменений в хозяйственной кон'юнктуре, наше рабочее население было охвачено недовольством и настраивалось все мрачнее. Несмотря на то что мы впадали во все бо̀льшую зависимость от заграницы в отношении снабжения продуктами питания, наша посевная площадь постепенно сокращалась. Сельская жизнь умирала, и процесс сверхиндустриализации принимал опаснейшие размеры. Чрезмерное употребление спиртных напитков подрывало здоровье и производительность труда значительной массы населения. Споры вокруг Ирландии отравляли наши отношения с Соединенными штатами. Грандиозная конституционная борьба вокруг Палаты лордов угрожала революцией в Англии, угрожала гражданской войной в Ирландии. Великие державы лихорадочно вооружались в ожидании войны, в которую мы могли быть вовлечены теми или иными видимыми и невидимыми связями, интересами, симпатиями. Были ли мы готовы ко всем этим страшным возможностям?»

Это — замечательное признание. 1910 год, о котором идет речь, был годом величайшего конституционного конфликта, сотрясавшего самые основы политического уклада Англии. Инициатором и вождем этого конфликта был не кто иной, как Ллойд-Джордж, который был автором бюджетного проекта и который в борьбе с зарвавшейся Палатой лордов апеллировал к широким народным массам, называя противников, тех же Бальфуров и Бонар Ло, «зубрами» и «твердолобыми» (от него и идет этот термин, ставший у нас обиходным!), провозглашая незыблемые основы демократии и народных прав. И вот, оказывается, что как раз в те годы Ллойд-Джордж тайком лелеял мечту о том, чтобы предать эту самую демократию и народные права, заключить блок с этими же «зубрами» и твердолобыми и выбросить из конституции не больше и не меньше, как парламентскую систему! Нетрудно увидеть, что эта программа, в сущности, являлась преддверием фашистских программ наших дней с той же мотивировкой недостаточности парламентаризма для решения жгучих социальных проблем, в частности проблемы войны, и с той же установкой на «унификацию» политических партий, на осуществление диктатуры небольшой группы вождей, а в дальнейшем на устранение парламента как ненужной говорильни. Вот каков был Ллойд-Джордж, этот радикал из радикалов!

Главным предметом его воспоминаний является империалистическая война. Ллойд-Джордж рассказывает, что ни он, ни его коллеги, за исключением премьера, не посвящались сэром Эдуардом Греем, стоявшим во главе ведомства иностранных дел, в политику, которую он вел, и пребывали в состоянии блаженного неведения относительно того, что он проделывал за их спиной.

Справедливость требует отметить, что эта система ведения иностранной политики не была специальным изобретением Грея: она испокон веков существовала в Англии, да и не в одной Англии: заимствуя политику консерваторов, Грей перенял одновременно и всю консервативную систему дипломатической тайны и дипломатических методов работы. Радикал и пацифист Ллойд-Джордж, гордившийся своим мелкобуржуазным происхождением и традиционной ненавистью к аристократии, все же вступил в кабинет этого Грея и нашел возможным даже солидаризироваться с ним.

Все это очень характерно для Ллойд-Джорджа, не устающего на всем протяжении своего повествования повторять, что он враг войны («кроме как против диких» — милое из'ятие!) и убежденный пацифист. Зная его, зная, с какими людьми он нашел возможность заседать в кабинете мини-

строя, зная, дальше, что он уже в 1910 г. чувствовал «тайное влечение—род недуга» к консерваторам и питался кормом, преподносимым «Таймсом», —зная все это, мы теперь уже не будем удивлены, как были в свое время несказанно удивлены его современники, тем, что он нашел возможным выступить в августе 1911 г. в связи с марокканским кризисом на банкете финансистов со знаменитой речью, угрожающей Германии войной.

Эта речь была согласована с министром иностранных дел и премьером и имела целью произвести впечатление в Германии, но она вполне соответствовала и собственным настроениям Ллойд-Джорджа. Ллойд-Джордж, который еще совсем недавно своей демагогией в связи с бюджетным конфликтом, социальным законодательством и выступлениями против Палаты лордов сделал себя одиознейшей фигурой в глазах всех консервативных кругов, от королевского двора до последнего лавочника, отныне стал для них фигурой вполне приемлемой.

После этого Ллойд-Джордж тщетно старается доказать, что ни он, ни кто-либо другой в Англии не хотел, да и не предвидел войны и что если бы не скверный казус с Бельгией, то Англия, пожалуй, осталась бы в стороне от драки. Так говорить против всех очевидностей может лишь такой... смелый человек, как наш автор. Верно лишь то, что широкая публика, которая не имела ни малейшего представления обо всех секретных переговорах и сделках либерального правительства, не отдавала себе отчета в близости войны еще за неделю до ее начала; верно так же, что она войны и не хотела. Но ведь не о ней идет речь. Как мясники, загоняющие свой гурт скота на бойню, не имеют привычки предупреждать его относительно ожидающей его участи, так и правители современных империалистических государств не видят нужды посвящать народы в те меры, которыми они периодически уготовляют для них бойню. Напротив, они имеют все основания держать массы в заблуждении и подводить их к бойне так незаметно, чтобы они не осознали своего положения до того момента, когда всякое сопротивление окажется бесполезным или легко может быть сломлено.

Но сами-то правители знали и предвидели все, в течение долгих лет разрабатывали свои военные, финансовые и политические планы до мельчайших подробностей и принимали все необходимые меры к осуществлению их. А защита бельгийского нейтралитета? Роль бельгийского вопроса была совсем иная: он дал возможность правительству развить нужную демагогию и мобилизовать захваченное врасплох общественное мнение, в особенности мелкой буржуазии, в пользу войны под предлогом защиты международных обязательств, прав маленькой национальности и чести самой Англии, будто бы гарантировавшей Бельгии ее независимость. И все же в одной части населения к войне отнеслись без энтузиазма и с большим недоверием. Это был рабочий класс.

Классовый инстинкт подсказывал английскому пролетариату чрезвычайную сдержанность, а местами и прямую враждебность к инсценированному буржуазией военно-патриотическому спектаклю и заставлял его с подозрением смотреть на дело «национального единения», неожиданно прокламированного такими от'явленными реакционерами и врагами рабочего класса, как Бальфур, Бонар Ло и Карсон, с одной стороны, и такими иезуитами, демагогами и краснобаями, как Асквит и Ллойд-Джордж. Не подлежит сомнению, что смелое выступление против войны вождей рабочей партии мобилизовало бы против войны весь рабочий класс, а это означало бы полный ее срыв, если не гражданскую войну. Сам Ллойд-Джордж осторожно признает, что «если бы рабочий класс был враждебен, то войну нельзя было бы проводить как следует, а если бы

рабочий класс относился лишь с прохладцей, то победу можно было бы обеспечить лишь с большими и возрастающими трудностями». Но, к счастью для английского капитализма, вожди рабочей партии были уже давно деморализованы и куплены либералами, в частности с помощью ллойдджорджевской демагогии, и их предательство (как, впрочем, и предательство социалистических вождей, вроде Гайндмана и его ближайших соратников) решило этот труднейший вопрос в пользу буржуазии. «Самые выдающиеся и влиятельные вожди профдвижения, — свидетельствует Ллойд-Джордж, — боролись за победу во все продолжение войны: без их помощи она не могла бы быть достигнута».

Конечно, заслуга господ Гендерсонов, Томасов с их многочисленной братией перед британским империализмом не была ограничена одним этим моментом. В период, когда армия еще составлялась из добровольцев, эти вожди играли решающую роль в агитации среди пролетарских масс за вступление в нее; затем, когда мобилизовалась промышленность на производство снарядов и орудий всякого рода и нужно было прикреплять рабочих к определенным заводам, влить в производство огромную массу женщин, удлинить рабочий день и т. п., рабочие лидеры использовали все свое влияние, чтобы уговорить рабочих отказаться от профсоюзных уставов и закрепленных законодательством норм труда. А когда наступил момент ввести принудительный набор в армию — меру, для английского народа ненавистную как рабство, — те же лидеры употребили героические усилия, чтобы доказать рабочим массам, что «конскрипция»—не рабство, а свобода. Но нужно отметить, что хотя рабочие и поддавались этим увещеваниям, которые, понятно, подкреплялись и мерами принуждения со стороны предпринимателей и полицейских властей, как признает сам Ллойд-Джордж, во все продолжение войны, а особенно с 1916 г., не прекращалось забастовочное движение, создавались комитеты заводских старост и несмотря на репрессии усиливалась агитация против войны. Сам Ллойд-Джордж испытал это настроение рабочих, когда он в 1916 г. сделал попытку выступить перед ними в Глазго: ему не дали говорить, и он едва спасся при помощи полиции. Об этом эпизоде Ллойд-Джордж умалчивает, но он подробно излагает другой эпизод в том же городе, когда он явился вместе с Гендерсоном на большой пушечный завод уговаривать рабочих не «скупиться», а трудиться. Ему удалось добиться своей цели, но лишь на время: «Через несколько недель мы там опять имели неприятности, и тогда пришлось прибегнуть к решительным мерам ввиде депортации нескольких вождей и привлечения к судебной ответственности других». Интересно, что во время этого визита он встретил двух местных вождей: одного, который ему весьма понравился несмотря на напускную свирепость и, действительно, ему помог в переговорах с рабочими, и другого, который подошел к нему «с угрожающей миной и сжатыми кулаками», который ему совсем не понравился и, действительно, оказывал на рабочих «самое дурное влияние». Первый был Давид Керквуд, тогда «левый» социалист из «независимой рабочей партии», а впоследствии министр горной промышленности в первом «рабочем» кабинете Макдональда, а второй был Вильям Галлахер, тогда член британской социалистической партии, а ныне член политбюро коммунистической партии Великобритании. Ллойд-Джордж не ошибся в своем диагнозе.

Но вернемся к началу войны. Установив, что Англия войны не хотела и не ожидала, Ллойд-Джордж великодушно распространяет эту индульгенцию на всех участников войны. Даже кайзер, которого он позднее хотел повесить, оказывается, не хотел войны. Но в таком случае как же все-таки война вспыхнула? Ллойд-Джордж делает одно указание, которое можно

истолковать как косвенный ответ: виноват, в сущности, не кто иной, как Грей! Грей, видите ли, совершил одну роковую ошибку: он заблаговременно не заявил немцам, что если они нападут на Францию или на Бельгию, то Англия выступит против них. Если бы, говорит Ллойд-Джордж, Грей сделал такое заявление, то немцы не решились бы воевать, и все прошло бы благополучно. Но Грей не решался, отмалчивался и заговорил лишь тогда, когда уже было поздно. Ллойд-Джордж не один и не первый выдвигает эту теорию. Но действительно ли установлено, что Германия отступила бы, если бы знала, что Англия не останется всторонe? На этот счет позволительны сомнения: в прошлом те же Грей и Ллойд-Джордж, не говоря уже о людях военных, не раз совершенно категорически заявляли, что в случае войны Германии с Францией Англия не останется нейтральной, а придет Франции на помощь всеми своими ресурсами. Несомненно, однако, что германский штаб учитывал не только возможность, но и вероятность английского вмешательства, когда базировал свои планы наступления на Францию на проходе через Бельгию, и заблаговременное предупреждение Грея само по себе не могло внести в эти расчеты никаких изменений. Раз Германия решила воевать — а к этому решению побуждало ее соображение, что через несколько лет у России будет готова новая сеть стратегических дорог и Франция закончит реорганизацию своей армии на основе трехлетней службы, — то она должна была проходить через Бельгию, какое бы решение ни приняла Англия. Но и английские империалисты были бы весьма огорчены, если бы Германия, испугавшись предупреждения Грея, отступила. Грей умышленно не поднимал этого вопроса, чтобы не спугнуть Германию и не оттянуть войны. Такое предположение гораздо более правдоподобно нежели то, из которого исходит Ллойд-Джордж.

Начиная с момента вступления Англии в войну изложение Ллойд-Джорджа преследует две параллельно идущие цели: дискредитировать не только политическое, но и военное руководство Англии до того момента, как он сам стал во главе либерально-консервативного рабочего кабинета, и возвеличить свою роль как организатора финансов и военного снабжения, политика и даже военного стратега и уж, конечно, великого патриота, борца за войну до победного конца.

Восторгаясь своими достижениями, которые в действительности вовсе не были так велики, как он их изображает, Ллойд-Джордж, как сказано, жестоко критикует деятельность своих коллег: премьер-министра сэра Эдуарда Грея и военного министра лорда Китченера и все военное руководство вообще: штаб, главнокомандующих и пр. — никому от него нет пощады. Грей, например, по его мнению, оплошал, не сумев вовлечь в войну на сторону союзников ни Турцию, ни Грецию, ни даже Болгарию. Что могло быть легче? Здесь оказать давление, там подкупить, здесь пообещать «честную добычу», там подкрепить дело посылкой нескольких дивизий бравых английских солдат — и все эти государства встали бы под знамена союзников и напали бы на Германию—Австрию с тыла и с флангов, в то время как крепко вооруженная его, Ллойд-Джорджа, снарядами и пушками русская несметная армия двигалась бы на Вену и Берлин с востока. К концу 1916 г. все было бы окончено.

Как ни умен и ловок Ллойд-Джордж, но и он, наверное, не смог бы преодолеть твердую решимость русского правительства не допускать ни присоединения Турции к Антанте, ни даже нейтралитета Турции, дабы не отнять у себя возможности разгромить ее и захватить Константинополь и проливы. Ллойд-Джордж должен был знать, что основная цель России в войне — овладение этими позициями, а это было достижимо лишь при условии, что Турция будет принимать участие в войне на стороне Герма-

нии. И русская дипломатия делала все возможное, чтобы не дать своим союзникам соблазниться турецким предложением сохранить дружественный нейтралитет в обмен за гарантию ее территориальной целостности, и тянула переговоры до тех пор, пока Турция, убедившись в неискренности союзников, приняла предложение Германии. Что мог тут сделать бедный Грей? Даже робкие его советы отвергались со всей решительностью, и Ллойд-Джордж, наверное, успел бы не лучше.

Что же касается Болгарии, то Ллойд-Джордж и по сей день обнаруживает совершенное незнакомство с элементами болгарской проблемы в том виде, в каком она стояла перед союзнической дипломатией в начале войны: Болгария, ограбленная в 1913 г. своими сербо-греческими союзниками в войне против турок, оставленная на произвол судьбы Россией за то, что она осмелилась двинуться на Константинополь, и преданная Англией и Францией на лондонской конференции 1913—1914 гг., Болгария должна была бы обладать поистине христианским смирением, если бы она согласилась выступить в войне на стороне союзников, не получив даже той территориальной компенсации ввиде возвращения части отнятых у нее Сербией земель, которую она требовала. Сербия категорически отказывалась уступить ей в этом, а союзники не имели ни мужества, ни власти заставить ее силой сделать это. И Ллойд-Джордж в 1933 г. все еще не понимает или не знает этих простых фактов политической истории Балкан!

При таком багаже знаний в области международных отношений Ллойд-Джордж с великой развязностью вмешивался, как видно из его воспоминаний, во внешнюю политику Грея и кабинета. Он развивает свои дипломатические соображения и сейчас. Самым ярким актом его своевольного вмешательства в компетенцию его коллеги Грея, актом, который вызвал протесты со всех сторон и, несомненно, укрепил позиции германского противника, была его беседа с американским журналистом в сентябре 1916 г., получившая историческую известность. В этой беседе он возвестил политику войны до полного разгрома противника и предупреждал против всяких попыток к посредническому вмешательству со стороны. Это было сказано в момент, когда и в Англии и в Германии созревала мысль о необходимости покончить с бойней каким-нибудь компромиссом, а Америка непрочь была выступить с предложением своего посредничества. Не удивительно, что это выступление было воспринято, как Ллойд-Джордж сам говорит, с величайшим раздражением повсюду, включая и самый кабинет, и нет сомнения, что только боязнь скомпрометировать дело союзников удержала его коллег от публичного его дезавуирования. В своей книге он, тем не менее, восхваляет свое выступление. Это доказывает, что Ллойд-Джорджу и сейчас лестно фигурировать перед читателем в качестве одного из самых ярых защитников во время войны продолжения ее до победного конца.

В галлерее деятелей империалистической войны фигуры Ллойд-Джорджа была одной из самых зловещих.

Больше доверия внушает его критика военного руководства. В свое время Наполеон весьма невежливо отзывался об английской армии как об армии львов, предводимых ослами. Насчет львов можно, быть может, еще усомниться, но относительно второй породы животных Лойд-Джордж, повидимому, с Наполеоном согласен. Действительно, такую коллекцию посредственностей, какую Англия выдвинула во время империалистической войны на поле брани, трудно было бы найти где-нибудь в другом месте, разве только в ее собственных военных анналах.

Не удивительно, что все операции на английском участке франко-германского фронта были сплошной кровавой неудачей несмотря на ллойд-джорджевские снаряды и только что придуманные танки. Интересно, что

эти неудачи, как отмечает Ллойд-Джордж, а главное, потери старательно скрывались не только от публики, но даже от самих членов кабинета. Пишущий эти строки хорошо помнит, какое продолжительное время английскую публику держали под впечатлением, что вступившие в Бельгию германские войска терпели поражение за поражением, что их «густые» колонны выкашивались бравыми бельгийскими артиллерийскими частями под стенами Льежа и других крепостей, пока не промелькнула в газетах, очевидно, по недосмотру пропущенная телеграмма о боях южнее Ле Като, во Франции. Оказывается, со слов нашего автора, что и сам кабинет не знал о жестоких поражениях при Монсе и Шарльруа, где легла костьми почти вся экспедиционная армия, так тщательно подготовленная Холдсном. Он намекает, что в тот момент война во многих кругах считалась уже потерянной и в политических клубах поговаривали о необходимости искать мира. Политическая тупость немцев, в критический момент ослабивших свое правое крыло, чтобы спасти заэльбские поместья юнкеров от русского нашествия, спасла положение, и англичане вздохнули свободно. Они получили передышку, чтобы создать новую, еще бо́льшую армию и вооружить ее новыми орудиями и снарядами. Тогда только военные «гении» Англии начали сознавать огромные размеры предпринятой ими кровавой авантюры, но, как справедливо и беспощадно заявляет в своих мемуарах Ллойд-Джордж, все их последующие операции вели только к катастрофическим потерям при полукилометровых выигрышах в территории.

Безрезультатный исход морского сражения при Скагерраке (Ютландия) показал неразрешимость и другой проблемы — уничтожения германского флота и десанта на правом фланге германцев. Наконец, ко второй половине 1916 г. подводная война, отнюдь еще не «неограниченная», нанесла английскому торговому флоту такие огромные потери, что, как читатель узнает из книги Ллойд-Джорджа, министерство торговли было до крайности встревожено и продовольственное положение в Англии стало настолько критическим, что был назначен продовольственный диктатор по германскому образцу, над которым в свое время столько смеялись. В этот момент выступил с наделавшей в свое время в осведомленных кругах много шуму запиской о мире лорд Лансдаун, один из влиятельнейших политиков в Англии, предшественник Грея по иностранному ведомству в консервативном кабинете Бальфура, соавтор англо-французской конвенции 1904 г., положившей основание Антанте.

Ллойд-Джордж излагает этот эпизод с явной целью показать, насколько он и его единомышленники были правы, настаивая на продолжении войны до победного конца и уже набрасывая (записка Бальфура) план будущего расчленения Германии и передела Европы, весьма близко предварявший условия «мирных» договоров 1919 г. Но и он ясно сознавал, что военное положение, создавшееся к концу 1916 г., ни на йоту не оправдывает оптимизма, проявленного противниками Лансдауна, и поэтому он перед коллегами выдвигал новый военно-стратегический план, переносивший центр тяжести военных действий на юговосток, на Балканский полуостров.

Самым пикантным в этом плане, однако, было то, что он базировался на нарушении нейтралитета Греции — на том самом грехе против «международного права и прав малых национальностей», в совершении которого Германией благородная Англия усмотрела достаточный по́вод к вмешательству в войну. Так меняются нормы морали у бравых буржуазных политиков.

Но для осуществления этого плана (он был отвергнут английскими и французскими политиками) требовалось наличие еще одной предпосылки — восстановления совершенно истрепанной военной мощи России. В

связи с этим Ллойд-Джордж делает некоторые замечания о причинах военной слабости России, которые, несомненно, остановят внимание читателя. Их стоит здесь привести:

«Россия обладала такими резервами здоровой молодежи, что четыре с половиной года (?) разрушительной войны, за которыми последовали еще годы опустошительных эпидемий, революции и контрреволюции, казалось, не отразились сколько-нибудь заметно на ее неисчерпаемых людских ресурсах. К концу 1916 г. в России было призвано в армию около 13 000 000 чел., и тогда считали, что еще оставалось несколько миллионов годных к военной службе лиц призывного возраста, которые еще никогда не призывались в армию. В мужестве и выносливости никто ни на той, ни на другой стороне поля брани не превосходил русского солдата. Но военное снаряжение русской армии по части орудий, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств было самое плохое из всех, и по этой причине русских били противники, уступавшие им в численности, а иногда и в боевых качествах, и уничтожали их миллионами без малейшей возможности обороняться или бить обратно... Россия была полупримитивной крестьянской страной и не имела знаний и опыта в области промышленного производства; поэтому она не была в состоянии снабдить своих храбрых молодых защитников необходимым военным снаряжением. Несмотря на свои огромные естественные ресурсы она не обладала теми разработанными или накопленными богатствами, которые могли бы служить основой для кредита и дать ей возможность закупить необходимое военное снаряжение и припасы... Неуменье русских использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, естественные и благоприобретенные, было обусловлено не какими-нибудь умственными недостатками расы — напротив, русские—очень способный народ,—а сохранившимися у них крестьянскими привычками к расхлябанности и неаккуратности. Для них время не играет роли, а организация не имеет значения. Они пассивно ждут смены времен года и каждый год в течение месяцев не могут делать ничего более производительного, чем греться, пока возвращение солнца не призовет их к работе. Когда первая стадия работы окончена, у них опять наступает период праздношатания: они ничего не делают, предоставляя животворящим лучам солнца докончить их работу. Индустриализм Запада, требующий непрестанного, целеустремленного и сосредоточенного труда, никогда не входил в жизнь и не влиял на привычки девяти десятых русского народа».

Это — очень развязное и довольно невежественное описание жизни русского крестьянина. Только в воображении Ллойд-Джорджа, знания которого о России были так велики, что он, как известно, одно время принимал город Харьков за фамилию генерала, русский крестьянин зимнее время проводил на печи и не умел организовать свою работу. В его словах отчетливо слышно то глубочайшее презрение к русскому народу, которое, он, по существу, к нему питает, восхваляя его как пушечное мясо. Но Ллойд-Джордж не учел одной малости и, выводя свои строки в 1933 г., не сделал к ним необходимого корректива: он не учел, что примитивность экономической структуры и в частности примитивность крестьянского уклада суть категории преходящие, обусловленные характером всего строя — в данном случае помещичье-самодержавного, какой был в России, фигурировавшей в империалистической войне. Он не заметил, что с того времени произошло некое событие, именуемое Октябрьской революцией, которое разгромило буржуазно-помещичий строй и возвело на его развалинах новое государство, государство пролетарской диктатуры. Это новое, пролетарское государство на наших глазах с беспримерной в истории человечества энергией и целеустремленностью создало в невиданно ко-

роткий срок гигантскую промышленность, уже сравнявшуюся с пресловутым «индустриализмом» Запада, создало новый аграрный строй, основанный на коллективизации сельского хозяйства и социалистической переделке самого крестьянина, и на базе того и другого достигло огромной военной мощи, не только навсегда избавляя народы нашей страны от хронического «битья», но и сделав СССР непобедимым перед лицом всего капиталистического мира.

Ф. РОТШТЕЙН.

Торговцы смертью*

Чем больше военная опасность, тем ярче обнаруживается своеобразие военной промышленности как отрасли промышленности, извлекающей свои прибыли непосредственно из крови народных масс. Не удивительно, что особенно в последние месяцы, когда стало ясно банкротство Международной конференции по разоружению, когда все интенсивнее становились военные операции Японии и довооружение Германии, когда Англия официально выставила программу удвоения своего вооруженного флота и в связи с истечением срока вашингтонского и лондонского соглашений о морских вооружениях Америка, Англия и Япония лихорадочно строят новые военные суда, — не удивительно, что в это время выходит ряд книг и брошюр, разоблачающих «работу» военной промышленности, хотя и не с нашей, пролетарской точки зрения. Мы рассмотрим здесь важнейшие из этого рода книг, вышедшие за последние недели:

1. Г. Энгельбрехт и Ф. Хениген. Торговцы смертью. Нью-Йорк, 1934, 308 стр.

2. Джордж Сельдес. Железо, кровь и прибыли. Нью-Йорк, 1934, 415 стр.

3. Отто Леман-Русбюльдт. Война за прибыли. 2-е изд. Нью-Йорк, 1934, 175 стр.

Все эти книги проникнуты пацифистским духом, все они содержат исключительно богатый конкретный материал (настоящая сокровищница фактов!), разоблачающий истинную природу международной военной промышленности, но вместе с тем ни одна из них не в состоянии понять истинную,—т. е. капиталистическую, природу военной промышленности. Лишь поняв капиталистическую природу военной промышленности, лишь усвоив, что подобно всем другим отраслям капиталистического хозяйства она знает один лишь стимул и одну цель, а именно: извлечение прибыли, можно привести в логическую систему те тысячи интересных и на первый взгляд как будто противоречащих друг другу фактов, которые с таким усердием собраны авторами этих пацифистских книг и излагаются ими зачастую с негодованием.

Эти авторы неоспоримо доказывают, что военные промышленники всеми средствами стремятся вызвать войну. Да иначе и быть не может, ибо (а этого именно не понимают авторы) войны ведь представляют собой «хорошую конъюнктуру», вызывая рост возможностей сбыта для военной промышленности. Авторы названных трех книг на множестве интересных примеров показывают, как военные промышленники умеют

---

* 1) Merchants of Death. A Study of the International Armament Industry. By H. C. Engelbrecht and F. G. Hanighen. Foreword by Harr Elmer Barnes. New-York. Dodd, Mead & Co. 1934. 308 pp.

2) Iron, Blood and Profits. An Exposure of the World-Wide Munitions Racket. By George Seldes. New-York. Harper Brothers. 1934. 415 pp.

3) War for Profits. By Otto Lehmann-Russbueldt. Translated from German by Pierre Loving. New Edition. New-York. Alfred H. King. 1934. 175 pp.

окружать себя патриотическим ореолом, как они выдают свою погоню за прибылью за служение родине. Они возмущаются тем, что военные промышленники, представляющие собой часто действительную власть, стоящую позади различных капиталистических правительств, извлекают свои прибыли не только из пота своих рабочих, но и из крови народных масс, но они не понимают, что капиталистическая погоня за прибылью вообще является предпосылкой получения этих кровавых прибылей. Они приводят бесчисленное множество важных и интересных фактов, разоблачающих происхождение прибылей военно-промышленных компаний, но они не в состоянии понять, что война и капитализм неотделимы друг от друга и что та же погоня за прибылью, которая воодушевляет так называемые «мирные» отрасли промышленности, неизбежно должна приводить к капиталистическим войнам, а тем самым и к колоссальным прибылям военной промышленности.

Наибольший интерес представляют те главы этих книг, в которых описаны трестификация и международные картели военной промышленности. Здесь ярче всего обнаруживаются вся отвратительность и лицемерие капиталистического общества. Военные промышленники выступают под маской патриотов своего отечества, но в то же время они готовы подобно всем другим капиталистам экспортировать свой товар заграницу и даже продавать его враждебным государствам. Крупп экспортировал перед мировой войной не менее половины своей продукции тяжелого артиллерийского снаряжения. И до и во время мировой войны Армстронг-Виккерс продавал военное снаряжение центральным державам, подобно тому как Крупп снабжал оружием Антанту. Германские военные промышленники через посредство Швейцарии продавали железо и сталь союзникам, а союзники тем же путем продавали Германии химикалии для производства взрывчатых веществ. Под Верденом полегли целые гекатомбы немецких солдат в союзнических проволочных заграждениях, на которых можно было ясно прочесть название германской фирмы. Английская компания Виккерса произвела те пушки, которые были использованы под Дарданеллами против английских войск. Шнейдер-Крезо снабжает танками фашистскую Германию. Один германский военный промышленник импортировал во время войны через Скандинавию в Россию сталь, для поддержания производства на принадлежащих ему в России заводах военного снаряжения.

Военные промышленники «беспристрастны». Авторы приводят чрезвычайно интересный и богатый материал, показывающий, как европейские и американские военные промышленники продавали и продают оружие Японии и Китаю, или Греции и Турции, находившимся тогда в состоянии войны, или воюющим друг с другом южноамериканским республикам. Годичный международный экспорт продуктов военной промышленности оценивается Энгельбрехтом и Ханигеном в 200 млн. долл. И это — в мирное время! В военное же время этот экспорт и извлекаемые из него прибыли неизмеримо выше. Одни лишь Соединенные штаты продали во время мировой войны на 10 млрд. долл. припасов для военных целей.

Больше всего возмущаются наши пацифистские авторы (и, конечно, с полным основанием!) тем, что предприниматели военной промышленности всеми средствами стремятся увеличить сбыт своей продукции и являются главными подстрекателями международной военной пропаганды. Они не могут понять, что пропаганда войны играет для военной промышленности ту же роль, как различные рекламные кампании для других отраслей промышленности. Армстрон-Виккерс в Англии, Комите де-Форж во Франции являются также владельцами большей части капиталистической печати этих стран и совершенно сознательно организуют шовини-

стические выступления, крестовые походы лжи и националистической травли, для того чтобы содействовать вооружению и тем самым добиться роста своих прибылей. Военные промышленники США послали на Женевскую конференцию по разоружению специального пропагандиста, небезызвестного Вильяма Б. Ширера, возложив на него задачу — всячески противодействовать разоружению. Всем известен институт парламентских «толкачей» военной промышленности в Вашингтоне (Munitions Lobby), который не раз вызывал крупнейшие политические скандалы.

Пацифистские авторы разбираемых книг обнаруживают общую наклонность свалить всю ответственность за вооружения и пропаганду войны на плечи военных промышленников. Но этим они лишь безуспешно стараются замазать основной факт действительности, тот факт, что сам капитализм как система несет ответственность как за войны, так и за военную промышленность.

Д. П.

Уполномоченный Главлита № Ц—87818
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 5 бум. листов
Изд. № 701

Материал сдан в набор 20/VII 1934 г., подписан к печати 25/VII 1934 г. Заказ № 2065
Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького, 48.

К ЧИТАТЕЛЯМ „БОЛЬШЕВИКА"

В связи с 10-летием „Большевика" в редакцию поступило от ряда местных партийных организаций и читателей „Большевика" предложение организовать сбор средств на постройку самолета „Большевик".

Редакция „Большевика" приняла по этому предложению следующее решение:

ПОДДЕРЖАТЬ ИНИЦИАТИВУ О ПОСТРОЙКЕ САМОЛЕТА „БОЛЬШЕВИК" НА СРЕДСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ.

Все дела, связанные со сбором средств и постройкой, поручить издательству „Правда".

Редакция „Большевика" и издательство ЦК ВКП(б) „Правда" доводят до сведения всех парторганизаций и отдельных товарищей-читателей „Большевика", желающих принять участие в сборе средств на постройку самолета „Большевик", что все собранные суммы необходимо переводить по адресу: Москва, ул. Горького, 46, Октябрьское отделение Госбанка, текущий счет № 1564, указывая — „На самолет „Большевик"".

Квитанции о взносе или извещения с указанием организации, фамилии, номера квитанции и суммы взноса просьба пересылать в издательство „Правда" по адресу: Москва, ул. Горького, 48, издательство „Правда", комиссии по постройке самолета „Большевик".

Первые взносы поступили от читателей: Орлова — 3 руб., Суханова — 5 руб (з-д „Изолятор", Москва), Егорова — 2 руб., Токарева — 2 руб. (Уфа). Рудакова — 10 руб. (Новоселье), Борисова — 10 руб. (Туапсе), Свирского — 3 руб. (Омск).

От областных отделений „Союзпечати" — 10 000 руб., от группы читателей и распространителей „Большевика" Октябрьского района — 106 руб., Краснопресненского района — 100 руб. (Москва), г. Омска — 127 руб., г. Кимры — 243 р. 50 к., г. Таганрога — 40 руб., г. Орши — 150 руб., г. Уфы — 450 руб., г. Челябинска — 120 руб., от работников Техбюро издательства „Правда" — 200 руб., от работников дирекции московского отделения „Союзпечати" — 125 руб., от группы работников издательства „Правда" — 350 руб.

Всего поступило на 20/VII 11 776 р. 50 к.

Каменев К. Воздушный флот в современной войне. Л. Лоиз, 1933, 145 стр.

Кауфельдт Ф. П. На пороге новой империалистической войны. Ленингр. обл. изд., 1933, 166(2) стр.

Кириллов-Губецкий И. М. Модернизация артиллерии. М. Гос. Воен. изд., 1933, 100 стр.

Клаузевиц К. О войне. Пер. А. К. Рачинского. Мос. Гос. Воен. изд., 1933, 212 стр.

Кожевников А. Тактика истребительной авиации. М. Гос. Воен. изд., 1933, 96 стр.

Кохановский. Оборона иностранных армий. Справочник в схемах и таблицах. М. Гос. Воен. изд., 1933, 111 стр.

Красильников С. Н. Организация крупных общевойсковых соединений. (Прошедшее, настоящее, будущее). М. Гос. Воен. изд., 1933, 315 стр.

Кризис капитализма, угроза новых войн и интервенций. Статьи. Материалы. М. Партиздат, 1932.

Лапчинский А. Н. Воздушные силы в бою и операции. М. Гос. Воен. изд., 1932, 291 стр.

Ленинизм о войне. Сб. статей под ред. Дмитриева, ч. 1. М. Лит. им. Ворошилова, 1932, III, 439, 75 стр.

Ленский А. Захват и освоение Манчжурии японским империализмом. Хабаровск. Дальпартиздат, 1934, 158 стр.

Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем. Е. Шведе. С пред. Е. Луорн и с прим. Н. Новикова. Москва. Гос. Воен. изд., 1934, 316(4) стр.

Лещинин И. И. Противохимическая защита. Л. Кустнас. ПВО, 1933, 180 стр.

Маздур И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М. Межд. агр. и-т, 1933, 72 стр.

Марков М. А. Империалисты готовят войну и интервенцию против СССР. Л. Ленпартиздат, 1934, 134 стр.

Марксизм-ленинизм о войне и армии. Сост. Геронимус, Красильников, Пугачевский и Толмачев. М. Партиздат, 1932, 279(6) стр.

Медведев М. Е. Противовоздушная оборона страны. Ташкент. Госиздат, Уз. ССР, 1933, 32 стр.

Пакт четырех. Разоружение. Манчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. М. НКИД, 1934, 233 стр.

Под маской разоружения войны. Альбом диаграмм. Худ. Н. Кочергин. Общ. ред. Ю. Аляврицкий, А. Герлеман, И. Ринг и И. Шакир. Отв. ред. Лисс. Ленизогиз, 1933, 7 стр. текста, 31 отд. крас. диагр.

Потапов Г. Инженерное вооружение современных армий. М. Гос. Воен. изд., 1933, 207 стр.

О'Конрой. Японская угроза. Пер. с англ. Гос. Соц. Эк. Изд., 1934, 251 стр.

Очерки марксистско-ленинского учения о войне. Сб. статей. Под ред. К. Бочарова, М. Годеси, И. Слуцкина и И. Фенделя. Л. Ленпартиздат, 1933, 359 стр.

Радек. К. Мировой меньшевизм и интервенция против СССР. М.-Л. Огиз, 1931, 97 стр.

Радек К. Подготовка борьбы за новый передел мира. М. Партиздат, 1934, 168 стр.

СССР. Штаб РККА 1 Управление Военно-Историч. отдел. Экономика империалистической войны. Вып. 1. М. Штаб РККА, 1932, 68 стр.

Силяров Д. Экономическая политика японского империализма в Японии. Изд. 2-е. М. Партиздат, 1934, 117 стр.

Танин О. и Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. Пред. К. Радек. М. Партиздат, 1933, 70 стр.

Татарченко Евг. Воздушный флот Британской империи. М. Гос. Воен. изд., 1932, 288 стр.

Тау. Моторизация и механизация армий и войны. М. Гос. Воен. изд., 1933, 234 стр.

Терентьев Ник. Очаг войны на Дальнем Востоке. М. Партиздат, 1934, 256 стр.

Тонехо П. Японский пролетариат в борьбе против империалистской войны, М. Партиздат, 1932, 60 стр.

Фей Сидней. Происхождение мировой войны, т. 1. М. Л. Огиз, 1934, 386 стр.

Фролов З. Н. Электрические прожекторы и их испытания. Л. М. Энергоизд., 1933, 368 стр.

Цытович Н. П. Тяжелая артиллерия сухопутных войск. М. Гос. Воен. изд., 1933, 109/3 стр.

Черчиль В. Мировой кризис. Пер. с англ. с пред И. Минца. М. Л. Гос. Воен. изд., 1932, 328 стр.

Шварте М. Современная военная техника. Перев. с нем. и прим. Ю. Шейдеман. Моск. Гос. Воен. изд., 1933, 100 стр.

Ян Чогу Лай. Японские империалисты в Шанхае. М. Партиздат, 1932, 80 стр.

Цена 80 коп.